

Кристи Голден Рождение Орды

Аннотация

Злобные и вероломные твари, живущие лишь ради насилия и упоения битвой, — такими увидели орков люди Азерота. Зеленокожие красноглазые чудовища пришли завоевывать новый мир, перед этим погубив свой. А ведь на протяжении долгих столетий орки были совсем иными: честными, добрыми, умеющими ладить с природой и соседями. Что же это за проклятое волшебство, вдруг превратившее миролюбивых охотников в кровожадных убийц?

Кристи Голден Рождение Орды

Свою книгу я посвящаю Крису Метцену (его поддержка и энтузиазм очень пригодились мне в работе над этим проектом), а также фантастическим существам с РП-сервера «World of Warcraft®» — всем тем, с кем мне выпала честь играть. В их числе Арон и Эрика Джолли-Меерс, Лэйси Коулмэн и Шон Рич, которому я благодарна в особенности, ведь это он назвал меня в ролевую игру.

Совет Теней, вперед, к победе

Пропоз

Сила незнакомца лучилась светом, ослепительным переливом цветов и оттенков. Свет укрывал его будто плащ, короной сиял вокруг могучей главы. Голос незнакомца принимали и уши, и разум, и текла от него по жилам сладкая радость — словно от любимой песни, забытой, но вспомнившейся внезапно.

Дар, предлагаемый незнакомцем, был велик.

Сердца тянулись к нему, но все же... Тень сомнения встала над ним.

Когда незнакомец исчез, вожди эредаров заговорили друг с другом — тайными словами разумов.

— За столь многое он желает так мало, — заметил первый, играя мышцами, — и по обоим мирам, тленному и духовному, пробежало эхо его силы.

— Такая мощь, — пробормотал задумчиво второй — прекрасный, изящный, исполненный благодати и красоты, — И ведь он поведал нам правду, ибо никто не в силах лгать, рассказывая так.

Предсказанное им — случится!

Третий молчал. Все трое знали: видение, явленное незнакомцем, невозможно подделать, оно правдиво. Все же третий вождь, Велен, хотя и поверил видению, встревожился — было в чужаке, назвавшем себя Саргерас, нечто пугающее. Вожди эредаров были друзьями. Велен был в особенности дружен с Кил'джеденом, сильнейшим и самым решительным из троих. Дружили они несчетные годы, проходившие незаметно для существ, над которыми время не властно. В глазах Велена мнение Кил'джедена весило больше, чем мнение Архимонда — тот хотя и мыслил здраво, но был тщеславен и падок на лесть, и потому не всегда судил беспристрастно. А Кил'джеден был за то, чтобы согласиться с незнакомцем.

Велен снова принялся обдумывать видение: новые миры, ожидающие освоения и, что важнее, изучения, постижения. Эредары очень любознательны. Познание для них столь же необходимо, как для существ низших — хлеб и вода. А Саргерас пообещал удивительное, притягательное, завораживающее — если только эредары согласятся на малость: поклясться Саргерасу в верности.

И обещают верность своих народов.

— Как обычно, наш Велен осмотрителен и осторожен, — заметил Архимонд.

Слова, облеченные в форму похвалы, — но теперь они показались Велену почти насмешкой.

Он знал, чего жаждет Архимонд, знал, что тому нерешительность друга кажется досадной помехой на пути к желаемому. Велен улыбнулся.

— Да, я самый осторожный из вас, и моя осторожность спасала нас столь же часто, как твоя решительность, Кил'джеден, и твоя находчивость, Архимонд.

Оба рассмеялись, и на мгновение Велен ощутил прежнее дружеское тепло. А отсмеявшись, почувствовал: они уже решили. Разошлись молча.

Велен смотрел вслед уходящим друзьям, а на сердце становилось все тяжелее. Правильно ли они поступили? А как решит он сам?

Они давно знали друг друга — такие разные, но дополнявшие и уравнивавшие один другого во имя пользы мира и спокойствия их народа. Велен знал — вожди превыше всего ставят благополучие тех, кто им поверил, и всегда троим удавалось прийти к согласию.

Теперь они уже решили принять дар — но почему же так тревожно от уверенности и обаяния Саргераса? Гость заверял: именно эредаров он и искал — сильный, гордый, страстный, разумный народ. О, как смогут эредары укрепить свою мощь, служа благородной цели — единению всех миров. Саргерас изменит эредаров, наделит их дарами, каких не знала вселенная, ибо никогда еще сила, подобная Саргерасу, не соединялась с уникальностью эредаров. Саргерас показал правду...

И все же — отчего сомнения?

Велен пошел в храм, куда часто заглядывал в часы тревог. Этой ночью в храме были и другие эредары: сидели вокруг каменного постамента с драгоценным кристаллом Ата'мала. Кристалл был столь древним, что никто уже не помнил его происхождения — так же как эредары не помнили своего. Легенда гласила: кристалл был дарован эредарам в глубокой древности. Он позволял усилить способности разума, изучать и познавать тайны вселенной, использовался для исцеления, призыва сущностей, а порой позволял заглядывать в будущее.

Этой ночью Велен желал заглянуть в грядущее. Благоговейно приблизился, тронул кристалл. Теплый — будто зверек свернулся клубком в ладони. Теплое касание успокаивает. Велен глубоко вдохнул — знакомая сила напитала душу, — затем вернулся в круг созерцающих.

Закрыв глаза — и расслабился, открыв восприятию разум и тело, чутье мага. И поначалу увидел подтверждение пророчеству Саргераса: увидел себя стоящим вровень с Кил'джеденом и Архимондом, повелителями не только своего благородного и горделивого народа, но и бесчисленного множества миров. Троих окутывала мощь, завлекающая, пьянящая, будто крепчайшие вина. Сияющие города лежали у их ног, и горожане простирались перед владыками, приветствовали их криками радости и обожания, выказывая верность.

Новые знания и умения, невиданные устройства ожидали познающего взгляда. Тома на неведомых еще языках ждали перевода, обещая открыть диковинную, невообразимую магию. Великое, славное дело! Голова Велена закружилась от восторга.

Он взглянул на Кил'джедена — старый друг улыбался. Архимонд дружески коснулся плеча.

Затем Велен глянул на себя — и закричал в ужасе. Тело стало огромным, но чудовищно исказилось. Гладкая голубая кожа почернела, пошла бурыми пятнами, вспучилась грубыми выростами — словно кора благородного дерева, пораженная хворью. Свет исходил от Велена — но не чистый, ясный свет незапятнанной силы, а ядовито-зеленый, больной, тревожный. Ошеломленный, обернулся к друзьям — те тоже потеряли былые обличья.

Они стали ман'ари!

Слово это на языке эредаров обозначало нечто чудовищно искаженное, неправильное, оскверненное. Осознание ударило в душу, будто пылающий меч. Велен закричал, дрожа, оторвал взгляд от своего искаженного тела, огляделся вокруг, отыскивая обещанные Саргерасом мир и процветание, но увидел лишь зло. Где за мгновение до того стояла ликующая толпа — лежали изувеченные трупы, а по ним ступали существа, превратившиеся, подобно Кил'джедену и Архимонду, в монстров. В крови по телам скакали невиданные чудовища: псы со щупальцами на спинах, крошечные, хохочущие твари, танцующие среди мертвечины, обманчиво красивые, изящные существа с распростертыми крыльями за спиной, глядящие на побоище с удовольствием и гордостью. Где ступали раздвоенные копыта этих существ, умирала земля. Истлевала не только трава, но и почва, иссыхало, мертвело все, дающее жизнь.

Так вот что хотел Саргерас учинить с эредарами, вот о каком «укреплении» вещал, сияя! Если народ Велена подчинится Саргерасу, то превратится в стадо этих... этих ман'ари! Вдруг он понял: увиденное — не единичный случай. Не один-единственный мир постигнет кровавая участь — десятки, сотни, тысячи! Если они поддержат Саргераса — погибнет все! Тогда легионы ман'ари, ведомые Кил'джеденом, Архимондом и — о светлое благо, спаси нас и охрани — самим Беленом, уничтожат все существующее, выжгут и омертвят, как несчастную землю, явившуюся в пророчестве. Быть может, Саргерас безумен? Или еще хуже — он понимает, на что идет, но все равно жаждет идти?

Кровь и огонь залили мир, залили Белена, испепеляя, сокрушая, пока он не упал наземь. Тогда видение милосердно угасло, и он вернулся в мир, рыдая, дрожа. Теперь он остался один в храме, и кристалл светился тепло, успокаивая. Счастливое, мирное тепло!

Кровь и огонь еще не пришли. Увиденное еще не стало явью. Саргерас не солгал: эредары изменятся, достигнув почти божественной силы, знания, власти, и потеряют все, что ценят, предадут всех, кого поклялись защищать.

Отер ладонью лоб — всего лишь пот, не кровь.

Пока не кровь. Возможно ли изменить будущее, не допустить разрушений, остановить легион чудовищ?

Ответ пришел к нему, ясный и свежий, будто поток прохладной чистой воды в пустыне: ДА!

Друзья явились без промедления, услышав отчаяние в его зове. За несколько мгновений он, прикоснувшись к их разумам, сообщил увиденное, передал чувства. Сперва мелькнула

надежда: они поняли, согласились. Предсказанное не свершится!

Но Архимонд нахмурился.

— Это пророчество мы не можем проверить. Это лишь твои подозрения.

Велен поглядел на друга, недоумевая, затем обратился к Кил'джедену. Тот не был столь порабощен тщеславием. Кил'джеден силен и мудр.

— Архимонд прав, — подтвердил Кил'джеден, не задумываясь. — Здесь нет истины — лишь страхи в твоём сознании.

Велен смотрел, исполняясь боли. Осторожно, тщательно отделил свой разум от сознания друзей. Теперь он остался в одиночестве — никогда больше не разделит чувства и мысли с этими двумя, раньше бывшими как части целого, продолжения его души и разума. Кил'джеден же воспринял разрыв связи как признак согласия, как поражение Велена — как тот и рассчитывал. Потому улыбнулся, положил руку на плечо.

— Не бойся — я не обменяю доброе и правильное на то, что может обернуться бедой, — сказал Кил'джеден утешительно. — Да и ты, думаю, тоже.

Велен не рискнул солгать — просто опустил глаза, вздохнув. Когда-то и Кил'джеден, и даже Архимонд разгадали бы столь простую увертку. Но сейчас им было не до разгадок — мечтали увлеченно о необъятной силе, ожидающей впереди. Переубеждать поздно: эти двое, когда-то столь великие, уже превратились в слуг Саргераса, уже шагнули к превращению в ман'ари. Велен понял: если догадаются, что он не с ними, станут врагами, и последствия будут ужасны. Нельзя выдавать себя, нужно выжить — для того, чтобы спасти хоть кого-то из своего племени от проклятия и гибели.

Велен кивнул в знак согласия, но промолчал, и было решено, что все вожди эредаров подчинятся великому Саргерасу. Кил'джеден с Архимондом тут же отправились готовить встречу новому владыке. А Велен остался проклинать себя за беспомощность. Хотел защитить весь народ, но понимал: невозможно. Большинство поверят Кил'джедену с Архимондом и пойдут за ними к горькой судьбе. Но есть горстка единомышленников, доверяющих, готовых бросить все по одному его слову. Им придется бросить: родной их мир, Аргус, вскоре разрушится, пожранный безумием легиона демонов. Уцелевшим останется только бежать.

Но куда?

Велен глядел на кристалл, исполняясь отчаяния. Саргерас грядет, и в этом мире нет от него спасения. Как и куда бежать?

Слезы затуманили взгляд. От них, наверное, кристалл показался мерцающим, дрожащим... Велен моргнул — нет, это не обман: кристалл засветился! Поднялся медленно с пьедестала, поплыл, завис перед потрясенным Веленом.

В сознании зазвучал тихий голос: «Коснись!»

Пораженный, трепещущий, Велен протянул сильную руку, ожидая знакомого спокойного тепла.

Охнул — от кристалла хлынул поток энергии, почти столь же мощный, как явленная в видении темная сила. Но энергия кристалла была чистой, неоскверненной — и с нею возродилась надежда, вернулась крепость души.

Странное поле света вокруг кристалла разрослось, вытянулось, приобретя форму диковинного существа. Велен заморгал, почти ослепленный, но отворачиваться не хотел.

— Ты не одинок, Велен из народа эредаров, — прошептал в сознании мягкий, тихий голос, подобный шелесту ручья, шороху летнего ветра.

Сияние померкло, и Велену предстало создание, сотканное из живого света, золотисто-желтое в средоточье, спокойно-пурпурное по краям.

У центра его кружились, плясали поблескивающие металлом знаки, умиротворяющие, завораживающие. Оно говорило, и слова его, вспыхивающие в сознании, казались голосом воплощенного света.

— Мы тоже заметили грозящий множеству миров ужас. Наша цель — равновесие существования, а задуманное Саргерасом превратит вселенную в руины, в царство хаоса. Все

чистое, правдивое, верное, святое сгинет безвозвратно...

— Что вы... кто? — Велен, ошеломленный сиянием существа, даже не смог облечь вопрос в разумную форму.

— Мы — наару. Ты можешь звать меня К'ер.

— Наару... К'ер... — прошептал Велен и словно бы, произнеся, причастился их сокровенной сути.

— Страшное уже началось. Мы не в силах остановить его — твои друзья вольны в своем выборе.

Но ты потянулся к нам отчаявшимся сердцем, желая спасти доступное спасению. Потому мы сделаем, что в наших силах, — спасем тех, чьи сердца отвергнут ужас, предложенный Саргерасом.

— Что же мне делать? — Глаза Велена снова наполнились слезами, теперь уже от радости и новой надежды.

— Собери тех, кто прислушается к твоей мудрости. В самый долгий день года поднимись на высочайшую гору твоей земли, взяв кристалл Ата'мала с собою. Давным-давно мы дали его твоему народу, чтобы в нужное время вы могли отыскать нас. Мы явимся и унесем вас прочь.

На мгновение тень сомнений, зыбкая, словно пламя свечи, промелькнула в сердце Велена: ведь раньше он и не слышал никогда о созданиях света, называемых наару, а сейчас одно из них желает, чтобы Велен похитил драгоценнейшую реликвию своего народа. Подумать только, уверяет, что они подарили народу эредаров этот кристалл! Возможно, Кил'джеден с Архимондом не ошиблись, и видение Велена было всего лишь плодом страха.

Но пока сомнения одолевали разум, Велен понял — это всего лишь отзвуки горечи и желания вернуть все к прежнему согласию, гармонии и миру, царившим до прихода Саргераса.

Все, сомнений больше нет — он знает, что делать. Велен склонил голову перед исполненным света существом.

Первым Велен призвал самого давнего и доверенного союзника, Талгата, не раз помогавшего в прошлом. Теперь все зависело от Талгата, способного оставаться незамеченным там, где появление Велена неизбежно привлекло бы внимание.

Талгат сперва сомневался, но, когда Велен соединил разумы и показал картину темного будущего, убедился и сразу согласился помочь. Однако ничего про наару и обещанную ими помощь Велен не рассказал, поскольку не знал, как именно помогут светлые существа. Заверил лишь, что есть способ избежать злого рока, если Талгат доверится.

Длиннейший день года приближался. Пользуясь тем, что Кил'джеден с Архимондом думали только о Саргерасе, Велен со всей осторожностью и скрытностью прикоснулся к умам тех, кому доверял. Талгат тоже собирал народ. Затем Велен принялся сплести тончайшую магическую сеть вокруг обоих изменников, почитаемых когда-то друзьями, чтобы те не заметили лихорадочной активности у себя под носом. Работа шла быстро, но казалось — так недопустимо, предательски медленно.

Наконец работа завершилась, день настал, избравшие путь Велена взошли следом за ним на вершину самой высокой горы их древнего мира.

Осмотрелись — как же мало собралось, считанные сотни! Увы, позвать можно было лишь тех, кому Велен целиком доверял. Нельзя рисковать всеми, призвав того, кто способен предать.

Незадолго до восхождения Велен забрал кристалл из храма. Последние дни он провел, изготавливая копию, чтобы не поднялась тревога, когда кристалл исчезнет. Вырезал подделку из обычного хрусталя, заклил, наделив свечением, но фальшивка не отзывалась на прикосновение. Любой, коснувшийся кристалла, немедля обнаружил бы пропажу.

Настоящий кристалл Велен крепко прижал к себе, наблюдая за взбирающимися на гору эредарами — сильные копыта и руки легко находили опору. Многие уже добрались и теперь

смотрели недоуменно, не решаясь, однако, озвучить вопрос.

Как же и куда они убегут отсюда?

В самом деле... И Веленом на мгновение овладело отчаяние — но он вспомнил существ света, соединившихся с его разумом. Они придут, непременно!

А пока с каждым мгновением все опаснее: раскроют, найдут! Столь многие еще не прибыли, даже Талгат. Старый друг Ресталаан улыбнулся ободряюще:

— Скоро придут, вот увидишь!

Велен кивнул — скорее всего, друг прав, даже в последние дни Архимонд с Кил'джеденом вели себя как обычно, и не подозревая о дерзком плане. Оба слишком увлеклись предвкушением будущей силы. Но все же, все же...

Предчувствие, когда-то предупредившее о Саргерасе, снова всколыхнулось в сознании. Что-то не так! Велен нетерпеливо зашагал взад-вперед... Ага, вот они! Талгат со спутниками одолели подъем, замахали руками, приветственно улыбаясь, и Велен вздохнул с облегчением. Уже шагнул навстречу — но кристалл вдруг пробудился, и словно ледяной волной окатило Велена. Пальцы стиснули кристалл, а разум раскрылся — и он почувствовал окутавшее его отвратительное зловоние!

Саргерас не дремал, создавая чудовищный легион, превращая эредаров, легкомысленно доверившихся Архимонду и Кил'джедену, в омерзительных ман'ари. Тысячи чудовищ всевозможных форм и обликов залегли на склонах, укрытые неведомо как от разума и чувств Велена. Если бы не кристалл, он, возможно, и не заметил бы их, пока не стало бы слишком поздно. А может быть, уже слишком поздно!

Глянул, пораженный, на Талгата: зловонные миазмы исходили и от него, и от следовавших за ним! Из глубин отчаявшейся души взлетела мольба: «К'ер, спаси нас!»

Ман'ари ощутили, что обнаружены, кинулись вверх, будто голодные хищники на добычу. Но любая смерть лучше того, что эти обезображенные твари собрались учинить с оставшимися верными! Что же делать?

Вне себя, Велен поднял кристалл Ата'мала к небу — и то будто раскололось, явив столб ярчайшего белого света. Он ударил прямо в камень, расщепив его на семь разноцветных лучей. Боль обожгла Велена — кристалл взорвался в руках, острые грани врезались в пальцы. Охнув, он выпустил обломки — а те повисли, округлились, превратившись в шары, втянули в себя разноцветные лучи — каждый по одному, а затем устремились в небо.

Семь новых кристаллов — красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, пурпурный и фиолетовый, — вобравшие силу изначального белого света, закружились в вышине, создав сияющий купол вокруг перепуганных эредаров.

Во взгляде Талгата сверкнула неприкрытая ненависть, он бросился — и ударился о стену разноцветного света, отшатнулся, оглушенный. Велен оглянулся: повсюду ман'ари кидались, рыча, истекая слюной, драли когтями стену, созданную всего лишь из света, но защитившую верных.

Низкий тяжелый рокот сотряс гору, пробежал по телу, по костям и нервам. Велен глянул вверх, и — о диво превыше семи шаров света в этот день чудес! — с небес опускалась звезда, столь яркая, что нельзя было глядеть на нее. Но вблизи увиделось, что сияние исходило не от зыбкого небесного светляка, а от диковинного существа с мягкой округлой сердцевинкой — будто множество соединенных сфер, а по краям — прозрачные треугольные выступы, словно из хрусталя. Когда чужой голос коснулся разума, Велен заплакал.

— Я обещал — и я здесь. Приготовься покинуть этот мир, пророк Велен.

Тот протянул руки — почти как дитя, требующее любящих объятий матери. Шар над ним запульсировал, и Велен ощутил, как медленно поднимается, плывет вверх. Остальные тоже плыли, приближаясь к существу, бывшему, как внезапно понял Велен, исполинским кораблем, хотя и пульсирующим непостижимой жизнью. Снизу бесновались, ревели, визжали ман'ари, бессильные схватить ускользающую добычу. Основание корабля раскрылось, и спустя мгновение под ногами оказалась твердь. Велен встал на колени, наблюдая, как поднимается к кораблю его народ.

Ожидал: когда придет последний, люк закроется, и корабль, сотворенный из живого металла, бывшего, как он подозревал, сущностью К'ера, отправится в путь.

Но в сознании прозвучал шепот: «Возьми же кристалл, ставший семьей, — он понадобится тебе».

Велен наклонился над люком, протянул руки — и кристаллы метнулись к нему, врезавшись в ладони с такой силой, что он охнул. Прижал к себе, не обращая внимания на невыносимый жар, исходивший от них, оттолкнулся от края. В то же мгновение люк исчез, будто и не было его. Сжав семь кристаллов Ата'мала, растерянный, недоумевающий, Велен застыл на мгновение между отчаянием и надеждой: что же будет? В самом ли деле спаслись?

Приведший войско Кил'джеден наблюдал с удовольствием, как рабы бесчисленной сворой штурмуют гору. Уже радость победы, радость от зрелища поверженного врага посетила его, столь же сладкая, как утоление посеянного Саргерасом в душе хищного голода. Талгат хорошо исполнил порученное. Велена спасла лишь чистая случайность — повезло схватиться за кристалл в момент атаки. Если б не схватился, превратился бы в кучу мясных ключьев.

Но все же Велену повезло, Велен был предупрежден, и случилось непонятное: предателя окружила защита из света, а потом кто-то его забрал.

Странный корабль-спаситель померцал в вышине и растворился.

Удрал! Проклятье, изменник удрал! Ман'ари, чья радость наполняла душу Кил'джедена секунды назад, теперь были полны обиды и разочарования. Кил'джеден коснулся их разумов: нет, никто не понимает, в чем дело. Что же сумело увести предателя прямо из-под носа? Кил'джеден вдруг содрогнулся от ужаса: что же скажет господин?

— Что теперь? — спросил Архимонд.

Кил'джеден посмотрел на союзника и прорычал:

— Мы найдем его! Найдем и уничтожим, даже если это займет тысячу лет!

Глава 1

Имя мое — Тралл.

На языке людей оно означает «раб». У этого имени длинные корни, и почему оно было дано мне, рассказывать теперь я не стану. Благословением духов и силой крови героев, текущей в моих жилах, я стал верховным вождем моего народа — свободных орков — и предводителем союза племен и рас, ныне именуемых Орда. О том, как это случилось, я расскажу в другой раз. Сейчас я хочу запечатлеть на пергаменте историю моего отца и тех, кто поверил в него, а также тех, кто предал — и его, и весь мой народ. Я спешу, ибо близится время еще живым героям этой истории уйти к великим предкам.

Что стало бы с нами, если б судьба повела другой дорогой, не сможет сказать даже мудрый Дрек'Тар.

Пути предначертанного многообразны, и едва ли наделенному разумом стоит пускаться по обманчиво легкой тропе, начинающейся с «если бы». Что было, то было, и мой народ с честью принял как славу, так и позор наших дел.

Эта история не о нынешней Орде — свободном союзе орков, тауренов, троллей, Отрекившихся и эльфов крови, — но о восстании первой Орды. Рождалась она, как всякое дитя, в крови и муках, и первые крики новорожденной означали смерть для ее врагов...

Но эта жуткая и кровавая история началась еще в далеком прошлом, среди пологих холмов и плодородных долин мирной земли, называемой Дренор.

Мерный барабанный рокот убаюкал почти всех младших орков, но Дуротан из клана Северного Волка не мог заснуть. Было тепло и уютно: промерзший земляной пол шатра устилал толстый слой соломы, спящих надежно укрывала от холода мохнатая шкура копытня. Соседи спали, а ему казалось: барабанная дробь висит в воздухе, катится по земле к

самому телу, будоражит, зовет!

Как же хотелось откликнуться на древний зов, прийти к взрослым!

Дуротану остался еще год до инициации, до ритуала Ом'риггор. А пока этот год будет тянуться, придется торчать вместе с детьми в большом шатре, пока взрослые у костров разговаривают о таинственном и важном. Поерзал на шкуре, вздохнул — нечестно-то как!

Орки не воевали между собой, но и не шибко дружили. У каждого клана были свои традиции, обычаи, одежда, легенды и свой шаман. Да и наречия порой отличались столь сильно, что оркам разных кланов приходилось говорить на общем.

И самим казалось, что отличаются друг от друга едва ли не сильнее, чем от еще одной разумной расы, делившей с орками изобилие лесов, полей и рек, — синекожими таинственными дреенеями.

Лишь дважды в год все орочьи кланы сходились, чтобы отметить священные дни равноденствий.

Праздник Кош'харг начался лишь прошлым вечером на восходе луны. Но уже несколько дней орки постепенно собирались в святом месте земли, называемой Награнд, земля Ветров, в тени благословенной Горы Духов, Ошу'гун. Праздник отмечали здесь с незапамятных времен, и никогда насилие не оскверняло этого места. Конечно, бывали ритуальные поединки и хвастовство воинов, но настоящего боя и крови не допускали — если и возникала потасовка, как бывает в большой толпе, шаманы примиряли всех и понуждали нарушителей спокойствия покинуть священное место.

А место и в самом деле было благословенно: плодородное, прекрасное, спокойное. Может, оно было таким, потому что орки приходили сюда только с миром — а может, суровая красота этой земли и сама собой примиряла их? Дуротан часто размышлял о подобных вещах, но никому не рассказывал — ведь никто про такое не говорил.

Вздохнул тихо, вовсе растревоженный, разбуженный. Сердце стучало в такт барабанной дроби, и мысли скакали. Как прекрасно было прошлой ночью! Когда Белая Госпожа поднялась над темной полосой леса, уже чуть ушибившаяся, но еще могучая, залившая ярким светом снега, боевой клич издали все собравшиеся, многие тысячи: мудрые старейшины, воины в расцвете сил, даже дети на руках матерей. И волки, друзья и соратники, носившие орков в битву на своих спинах, завывали радостно. И тогда, как сейчас рокот барабанов, огнем побежал по жилам Дуротана древний клич — приветствие сияющей Белой Госпоже, правящей ночным небом. К ней поднялся лес могучих смуглых рук, посеребрённых ее светом. Если б какой глупый огр вздумал напасть — в мгновение сгинул бы под ударами свирепых и вдохновленных бойцов.

Затем начался пир. Множество зверей было убито заранее, до прихода зимы, мясо высушено, завялено, закопчено. А на праздник разожгли костры, чей теплый свет смешался с белым волшебным сиянием Госпожи, и запели барабаны, не смолкающие весь праздник. Детям — Дуротан фыркнул презрительно: тоже мне, ребенок! — позволяли наесться от пуза, но после того, как шаманы уйдут на гору, загоняли спать. Шаман каждого клана должен был взойти на Ошу'гун, стоявшую молчаливым стражем праздника, войти в пещеры и говорить с духами предков.

Ошу'гун впечатляла даже издали. Остальные горы были иззубренные, неровные. Ошу'гун же вырывалась из земли правильным конусом и походила на гигантский кристалл — так безукоризненны были ее очертания и так ярко сверкала она в солнечном и лунном свете. В легендах говорилось, что сотни лет назад она упала с неба. Видя ее необычность, в это можно было поверить.

Дуротан всегда считал, что шаманов обидели, заставляя весь праздник просидеть на горе. Конечно, может быть, там и интересно, но самая-то забава — внизу! А их лишают, будто малолетних.

Чего именно, интересно знать?

Днем охотились и разыгрывали охоты, поминали предков, рассказывали про их геройства и свершения. У каждого клана были свои легенды, и к уже знакомым, слышанным

с детства преданиям Дуротан добавил изрядно новых, удивительных и зажигающих кровь.

Здорово было! Так что же эти взрослые обсуждают у костров, пока дети подремывают в палатках, набив животы хорошей едой, когда трубки выкурены и всевозможные настойки выпиты?

Все, дальше терпеть невозможно! Осторожно приподнялся, прислушиваясь: все ли спят? Выждал невыносимо долгую минуту, встал и пошел к выходу.

Медленно пошел, осторожно — детвора валялась тут и там, не ровен час, наступишь, разбудишь.

Сердце колотится бешено от возбуждения, а силуэты едва различимы в сумраке! Дуротан очень плавно, осторожно опускал длинные ступни, умещал, будто цапля на вязком берегу.

Пробирался целую вечность. Встал, стараясь совладать с дыханием, протянул руку — и коснулся чьего-то гладкокожего тела! Отдернул, выдохнул испуганно, зашипев:

— Ты что... что здесь делаешь?

— А ты что? — ответил вопросом незнакомец.

Дуротан усмехнулся — что за глупости оба несут!

— То же, что и ты, — сказал Дуротан тихо — вокруг ведь спали. — Ну и как теперь: делать будем, что собрались, или болтать попусту?

По силуэту ясно: встретился орк одного с Дуротаном возраста. Запах и голос чужие — точно, не из клана Северного Волка. Какая дерзость: не только нарушить запрет, уйдя из палатки-спальни без разрешения, но и сообщником обзавестись из чужого клана! Незнакомец заколебался — должно быть, про то же самое думал. Наконец решился.

— Хорошо. Лучше делать.

Дуротан зашарил снова в темноте, нащупал полог, ухватил. Оба разом откинули — и шагнули в морозную ночь. Дуротан обернулся. Спутник оказался крепче и выше — да, неприятный сюрприз. Дуротан то был самым высоким и крепким из сверстников в своем клане и не привык смотреть снизу вверх. Соратник по баловству тоже осмотрел Дуротана — и, видимо, остался доволен.

Сразу говорить не рискнули. Дуротан указал молча на большое дерево рядом с палаткой, и оба направились туда.

Безумие! Сейчас кто-нибудь из взрослых повернет голову, а луна сияет так ярко, свет отражается от снега — чуть не светлее, чем днем. А посреди снежного простора — дерзкий мальчишка, открытый всем взглядам... Как хрустит под ногами снег! Огры, и те ревут тише.

Наконец добрались до дерева, спрятались. Дуротан выдохнул шумно — всю дорогу ведь не смел дышать. Второй орк ухмыльнулся.

— Я — Оргрим, потомок Телькара по прозвищу Молот Рока, из клана Черной Горы! — прошептал юнец гордо.

Ого! Хоть род Молота Рока и не из вождей, но знаменитый и уважаемый.

— Я — Дуротан, сын Гарада, из клана Северного Волка, — ответил Дуротан. — И как тебе, Оргрим, узнать, что сидишь рядом с наследником вождя?

Тот кивнул одобрительно.

Посидели молча, наслаждаясь собственной дерзостью. Но Дуротан почувствовал, как холод и сырость заползают под толстый плащ из шкур, и встал. Указал молча на костры — Оргрим кивнул снова. Выглянули из-за дерева, прислушались — вот, сейчас услышат вожаделенные тайны взрослых! Сквозь мерную барабанную дробь и треск огромного костра наконец различили голоса.

— Всю эту зиму шаман одной лишь лихорадкой и занимался, — говорил Дуротанов отец, Гарад.

Протянул руку, потрепал по загривку огромного белого волка, дремавшего у костра. Северный волк тихонько заурчал от удовольствия.

— Только один малый вылечится — тут же второй свалится, — добавил он.

— И я уж весны заждался, — сказал другой орк, вставая и бросая полено в костер, — И

зверям нелегко пришлось. Когда готовились к празднику, копытней тяжко было отыскать.

— Клага варит чудесный суп из костей, — поведал третий, глаза на женщину, укачивающую младенца. — Да только рассказать не хочет, какие травы кладет.

Женщина — по-видимому, сама Клага — хихикнула.

— Вот маленькая станет взрослой и узнает, какие травы кладу, — сказала она, ухмыляясь.

У Дуротана челюсть отвисла. Глянул на Оргрима — тот тоже смотрел, ошеломленный. Вот этот треп настолько таинственный и священный, что детям из палатки выходить запрещают, а уж тем паче послушать? Унылые разговоры про лихорадку и суп — великая тайна?

В ярком лунном свете лицо Оргрима было хорошо различимо. И выражение на нем — тоже.

— Мы б с тобой придумали что-нибудь поинтереснее, — пробурчал Оргрим.

Дуротан ухмыльнулся, кивая — это уж точно!

Праздник тянулся еще два дня. И днем, и ночью Оргрим с Дуротаном выбирались тайком из палатки и состязались в силах и умениях: беге, лазании, поднятии тяжестей, равновесии — во всем, что только могли придумать. И побеждали друг дружку строго по очереди — будто договорились.

Когда в последний день праздника Оргрим позвал на последнее состязание — чтобы решить, кто же выиграл, — Дуротан вдруг брякнул:

— Хватит состязаться обыкновенно, как все! Давай сделаем то, чего наш народ никогда не делал!

— Что же? — Глаза Оргрима заблестели, он нетерпеливо наклонился.

— Давай станем друзьями, ты и я! — сказал Дуротан, сам толком не понимая почему.

Оргрим так и замер с открытым ртом.

— Но... но мы же из разных кланов! — выговорил он так, будто Дуротан предложил черному волку дружить с антилопой-талбуком.

— Да не важно это!.. Мы же не враги! Посмотри вокруг: кланы собираются вместе дважды в год, и вреда от того никакого.

— Хм, мой отец говорил: вреда и нету как раз потому, что мы так редко вместе сходимся. Потому и не воюем.

Оргрим нахмурился.

— Что ж, я думал, ты храбрее прочих, Оргрим, потомок Молота Рока, — сказал Дуротан с горечью. — А ты не лучше их — робкий, боязливый и на шаг не можешь отступить от заведенного.

Сказал это Дуротан по наитию, но даже если б неделями обдумывал, лучше бы выразить не смог.

Лицо Оргрима потемнело, в глазах засветилось бешенство.

— Я не трус! — рявкнул он. — Я ничего не побоюсь и тебе не уступлю, ты, выскочка из Северных Волков!

Прыгнул на Дуротана, сшиб с ног, и оба мутузились, пока не подоспел шаман и не выговорил обоим за драку в священном месте.

— Дерзкий мальчишка! — ворчала главная шаманка клана Северных Волков, древняя старуха по прозвищу Мамаша Кашур, — Тебя еще не поздно высечь как расшалившегося ребенка, молодой Дуротан!

Лечивший Оргрима шаман тоже бурчал недовольно. И хотя кровь все еще текла без остановки из Дуротанова носа, а Оргримов торс украсил длиннющий и страшный с виду порез, над которым хлопотал шаман, Дуротан усмехнулся — и Оргрим усмехнулся в ответ.

Так началось состязание, последнее, куда более важное, чем бег наперегонки и поднятие камней, и ни тот, ни другой не отступали, не признавали поражения. Никто не скажет, что дружба между орками разных кланов — неправильно! Дуротан чувствовал: это состязание завершится разве что со смертью одного из них. А может, не завершится и тогда.

Глава 2

Я помню, когда мы впервые встретили тауренов, помню сильный голос и спокойное лицо Кэрна Кровавого Копыта. Помню, как сидели в легкой палатке, из тех, что можно поставить и снять в считанные минуты, но ощущали себя почти как дома. Курили трубки, делили еду и питье, чувствовали, как дробь барабанов отзывается в наших костях, и — говорили, говорили. Сперва таурены выглядели просто зверями — но оказались мудрыми и веселыми, и когда первый круг переговоров завершился, я уже знал: мы нашли в этих могучих существах редких и надежных союзников.

Пока мы говорили, на землю опустилась ночь — мягкая, теплая, под стать прекрасной земле, окружавшей нас. Мы вышли из палатки и посмотрели на бесчисленные звезды над головой. Легкий ветер ласкал наши лица. Я повернулся к Дрек'Тару спросить его мудрость — и удивился, заметив на лице слезы, блестящие в лунном свете.

— Мой вождь, так жили и мы когда-то, — выговорил он скрипуче.

Поднял руки, запрокинул голову — чтобы обнять ветер, высушить слезы на зеленой коже.

Таковыми мы были: рядом с землей, с духами предков. Были сильными охотниками, любящими и заботливыми родителями. Мы знали свое место в мире — заслуженное, наше по праву. Мы понимали равновесие между «дать» и «взять». Магия тауренов — это простая магия земли, чистая и здоровая. Земля отзывается им, как Дренор когда-то отзывался нам.

Я подумал о просьбе тауренов помочь им в борьбе с коварными, злобными кентаврами и сказал:

— Я сочувствую им. Помочь им в их войне — хорошее, доброе дело.

А Дрек'Тар воззрился на меня мертвыми глазами, умеющими видеть в душах куда ясней и глубже многих живых, и рассмеялся:

— О, молодой Тралл! Неужели ты не понял?

Это они помогут нам.

Дуротан мчался со всех ног — молодых, сильных, проворных ног. Дышал тяжело, пот блестел на бурой коже, легкие горели огнем — но заставлял себя бежать. Было лето — бежал он босиком, шлепал большими плоскими ступнями. Под ноги стелилась мягкая трава, кое-где поднимал голову ярко-пурпурный цветок дассана — целебного растения. Когда наступал на цветок, вздымалась волна животворного запаха, подстегивая мчаться еще быстрее.

Уже оказался на краю леса Тероккар, уже ворвался в прохладные серо-зеленые глубины. Тут приходилось смотреть, чтоб не зацепиться за расплзшиеся, ветвящиеся, вздымающиеся над землей корни, и он замедлил бег. В глубине леса царил мягкий зеленоватый сумрак, такой спокойный, умиротворяющий. Но Дуротану нужно было не спокойствие, а победа! Чуть передохнув, он понесся еще быстрее, перепрыгивая через поваленные обомшелые стволы, проскакивая под низкими ветвями с грацией талбука. Длинные, до середины спины, черные волосы вились за ним, летели по ветру. Внутри уже спеклось все, мышцы кричали: пощади! Но Дуротан загонял свое тело до пределов. Он — из Северных Волков, наследник вождя, и никто из клана Черной Горы не сможет его одолеть...

Впереди послышался недурно исполненный боевой клич — вот же несчастье! Оргримову голосу, как и Дуротанову, было еще далеко до глубины и силы настоящего мужского тембра — но боевой клич Оргрима уже впечатлял. Дуротан приказал ногам двигаться еще быстрее — но те сделались будто каменные, не откликались. Вон он, уже рядом, вот Оргрим!

И тогда, выложившись целиком напоследок, он прыгнул вперед, обогнал! Но орк из клана Черной Горы вытянул руку — и умудрился коснуться одинокого дерева на поляне, избранного целью гонки, раньше Дуротана. Затем ноги, еще двигавшиеся сами по себе,

отнесли Оргрима на пару шагов от дерева. Дуротановы же ноги лишнего делать не стали — отказали мгновенно, и наследник Северных Волков рухнул лицом вниз на прохладную, сладко пахнущую мхом землю, судорожно хватая ртом воздух. Знал: встать надо, снова вызвать Оргрима на состязание, — но силы ушли, расточились. Так и остался лежать беспомощно.

Услышал — Оргрим тоже свалился без сил, пыхтя. Но вдруг перекатился на спину и захохотал. Дуротан — следом, выскалив недоросшие клыки. Лес Тероккар замолк испуганно, птицы и мелкое зверье затаились — наверное, приняли смех молодых орков за свирепый боевой клич, предварявший охоту.

— Ха, — гаркнул Оргрим, приподнимаясь и тыкая шутливо кулаком, — победить такого недоросля, как ты, — раз плюнуть!

— У тебя мышцы вместо мозгов! Умение так же важно, как и сила, — но что может клан Черной Горы знать про настоящее умение?

Все время задирались так — беззлобно, потехи ради. Оба клана сперва встревожились, прознав о дружбе, но Дуротаново упорство — если раньше никто не делал, это ведь не значит, что нельзя делать? — позабавило вождей. Да и оба клана, Северных Волков и Черной Горы, известны были спокойным, незадиристым нравом. Если б Дуротан решил подружиться с орком из клана Песни Войны или Костеглодов, отличающихся гордыней и недоверием к остальным, дружба не продержалась бы долго. Так что старшие в клане просто наблюдали, выжидая, пока новизна приестся и каждый юноша вернется на привычное место в привычном порядке, неизменном с незапамятных времен.

Но старших ждало разочарование. Холода поздней зимы сменились весенним теплом, затем расцвело лето — а дружба продолжалась. Дуротан знал: за ними наблюдают, но пока лишь наблюдают, не вмешиваясь, — какая разница?

Дуротан закрыл глаза, растопырил пальцы, погрузил их в прохладный мох... Шаман говорил: сила жизни течет во всем, все наделено духом. Шаманы умели слушать мир и говорить с самыми его основами, с землей, водой, ветром и огнем, с духом всего живого — и слышали биение жизни не только в земле, но и в мертвом на вид камне. А Дуротан ощущал всего лишь сыроватую прохладу мха и почвы под ним.

Вдруг земля содрогнулась! Поднялся, схватившись за оружие — шиповатую дубину, которую всегда носил с собой. Оргрим тоже схватился за оружие — железный молот с деревянной ручкой, обычное оружие орков из клана Черной Горы, упрощенную копию знаменитого молота — Оргримова будущего наследства. Орки переглянулись. Все и так понятно без слов: это огромный копытень, из чьей шкуры получают такие чудесные одеяла, а красное мясо может накормить весь клан. Хм, а может, и не копытень...

Кстати, а что живет-то в лесу Тероккар? Всего раз были тут раньше... Оба вскочили, всматриваясь в сумрак между тесно растущими деревьями, — теперь он казался зловещим. Что ж так шумит? Если копытень не слишком велик, может, вдвоем справятся его забить? Добычу поделят между кланами... Глянул на Оргрима — глаза того блеснули от радостного предвкушения.

Бу-ум, бу-ум — хрясь!

Юноши вскрикнули от ужаса, отступили... Грохот приблизился, и дерево в нескольких шагах рассыпалось щепой! Перед орками явилось чудовище, с легкостью развалившее древнее неохватное дерево.

Тварь была огромна и вовсе не походила на копытня. А еще она тащила за собой дубину в орочий рост.

Тварь заметила орков, открыла рот и проревела что-то — вроде слово, но какое именно, Дуротан разобрать не смог. Оба орка кинулись наутек.

Ох, если бы не бежали глупо наперегонки, если бы в ногах осталось больше силы... ведь не успели еще отдохнуть! Но жить захочешь — и ноги быстрее зашевелиятся, даже загнанные донельзя!

Как же они умудрились так далеко забрести на территорию огров? И где их гронн?

Дуротан представил, как повелитель огров пробирается через лес, валя деревья. Они огромные, эти гронны. Крупнее огров настолько, насколько огр крупнее орка, и куда уродливее. Чудовищные создания, больше от земной тверди, чем от плоти, жуткие, с одним налитым кровью глазом во лбу. Стоит такой над лесом и направляет огров на Дуротана с Оргримом...

А те еще не прошли посвящение, не могли вместе с воинами кланов участвовать в охотах на огров и тем более в редких опасных охотах на гроннов. Молодых допускали на охоту, считавшуюся безопасной, к примеру на талбука. Дуротан всегда мечтал: когда-нибудь он, взрослый и сильный, отправится убивать жутких огров, добудет славу для себя и клана.

Но теперь исполнение мечты совсем не радовало. Земля тряслась, и в реве огра уже отчетливо различались слова: «Убить орк! Плющить! Ры-ы!»

От рыка чуть не лопались перепонки.

Огр приближался. Дуротан мысленно кричал ногам: «Быстрее! Быстрее!» Но оторваться от чудовища не мог — оно уже приблизилось настолько, что его тень заслоняла слабый свет, пробивавшийся сквозь кроны.

Лес поредел, посветлело — близилась опушка. Дуротан мчался изо всех сил. Выскочил из лесу, зашлепал по мягкой траве. Оргрим опережал, но не намного. Отчаяние захлестнуло душу Дуротана, а следом — черная волна ярости. Ведь так и не стали взрослыми! Не сходили на первую настоящую охоту, не потанцевали у костра с женинами, не омыли лицо в крови первой убитой в одиночку добычи... Столь многого еще не успели! Умереть смертью героя в битве — это одно, но быть прибитыми уродливой тварью — это не почетно, это попросту смешно!

Зная, что теряет драгоценные мгновения, но не в силах удержаться, Дуротан оглянулся, чтобы выкрикнуть последнее проклятие огру перед тем, как тот расплющит их в лепешку огромной дубиной.

И от увиденного отвисла челюсть.

Спасение явилось беззвучно, будто родилась из неба спокойная волна белых, голубых, серебристых тел и одежд. Знакомо заныли буравящие воздух стрелы, и в реве огра к ярости примешалась боль. Дюжины стрел — крохотных колючек на чудовищном белесом теле — помешали огру, замедлили смертоносный бег. Тварь взвыла, заскреблась, пытаясь выдрать колючее, болезненное.

Зазвенел ясный, сильный голос. Хотя и не понимая языка, Дуротан узнал слова силы, и волосы вздыбились на загривке. Вдруг повсюду засверкали молнии — но вовсе не похожие на те, какие вызывали шаманы. Белые, голубые, серебряные лучи вспыхивали вокруг огра, вились, сплетались в сеть — все тесней и тесней. Огр взревел снова — и рухнул тяжело, сотрясая землю.

И тогда дренеи, закованные в блестящую металлическую чешую, отражавшую разноцветье волшебных энергий, ослепившее Дуротана, спешили и подошли к павшему. Засверкали клинки, снова зазвучали слова силы, и Дуротан невольно закрыл глаза, чтоб не обезуметь от жуткого зрелища.

Наконец все стихло. Дуротан открыл глаза — огр был мертв. Глазищи остекленели, язык высунулся из разинутой пасти, тело испещрили кровавые раны и черные пятна ожогов. Тишина повисла такая глубокая, что Дуротан слышал прерывистое дыхание Оргрима — и свое. Переглянулись, ошеломленные. Конечно, оба и раньше видели дрениев, но лишь издали. Те являлись время от времени к тому или иному клану, выменивали тщательно изготовленные инструменты и оружие, красивые фигуры из камня на толстые шкуры лесных зверей, яркие тканые одеяла, руды и материалы, добытые орками из земли и скал. Такие встречи предвкушали — интересно было и выгодно, — но длились они недолго, всего по несколько часов.

Голубокожие, тихоголосые, жутковато притягательные дренеи были слишком чужими, странными. Ни один из вождей не предложил им остаться — погостить, разделить трапезу. Жили бок о бок друг с другом в мире, но без особой приязни — и обе стороны вполне

устраивал такой порядок.

И вот глава отряда, столь неожиданно принесшего спасение, подошел к Дуротану. Лежа на земле, орк заметил никогда не замечаемое издали: ноги дрениев изгибались назад — будто у талбука! — завершаясь раздвоенными копытами, одетыми в блестящий металл доспеха. И еще у каждого был толстый безволосый хвост, покачивавшийся туда-сюда. Подошедший склонился над Дуротаном, протянул сильную синюю руку. Орк заморгал, глядя на странные ноги дрениев, на ящеричий хвост и поднялся сам, не замечая руки чужака. Глянул в лицо, подивился голове, на макушке которой словно приросла пластина брони. Над разноцветным табардом вились по ветру черные волосы и борода, пронзительные, яркие глаза были цвета замерзшего озера.

— Вы не пострадали? — спросил дрениев на ломаном общеоркском, с очевидным трудом выговаривая гортанные звуки.

— Только моя честь, — пробормотал Оргрим на диалекте своего клана.

Дуротану тоже было обидно. Да, жизнь-то спасли, и спасибо им. Но ведь видели двух героев-недорослей удиравшими со всех ног. Конечно, куда там драться — один удар огромной дубины сделал бы из каждого мокрую кучку. Но все же, все же...

Дрениев то ли не расслышал, то ли не понял, то ли не захотел показать — просто улыбнулся. Глянул на небо — и тут Дуротан уразумел, что солнце-то уже над самым горизонтом! Раз-два, и стемнеет!

— Вы забрели слишком далеко от дома, а солнце вот-вот зайдет, — сказал дрениев. — Из какого вы клана?

— Я — Дуротан из клана Северного Волка, а он — Оргрим из клана Черной Горы.

— Из разных кланов? — удивленно спросил чужак. — Вы, наверное, собрались драться, раз ушли так далеко от родных мест?

Оргрим с Дуротаном переглянулись.

— И да, и нет, — ответил Дуротан. — Мы — друзья.

— Друзья? Из разных кланов?

— Да. — Оргрим кивнул. — Это необычно... но ведь не запрещено, правда?

Дрениев кивнул, удивленный. Глянул еще раз на обоих, затем повернулся к спутникам, заговорил на своем языке — мелодичном, переливчатом, будто ручей журчит по камням или птицы поют в листве. Те слушали внимательно. Выслушав, один достал из-за пояса кожаную флягу, отпил глубоко и побежал на юго-восток, в сторону земель клана Северного Волка — гладкой, ровной, грациозной побегой, почти как у талбука. Второй же заспешил на восток, к землям клана Черной Горы.

Дрениев снова повернулся к оркам.

— Они оповестят ваши семьи, скажут, что вы здоровы и невредимы. Завтра вы вернетесь домой.

А пока я счастлив предложить вам гостеприимство дрениев. Мое имя — Ресталаан, я глава стражей Тэлмора — города, с которым торгуют оба ваших клана. К сожалению, я не помню ваших лиц — но, кажется, оркская молодежь побаивается и сторонится нас, когда мы приходим торговать.

— Я не боюсь никого и ничего! — прорычал Оргрим.

— Но ведь ты убегал от огра? — Губы Ресталаана чуть изогнулись в улыбке.

Лицо Оргрима потемнело, в глазах засветилась злость. Дуротан набычился — так и знал ведь, этот Ресталаан и его приспешники видели бегство и сейчас примутся насмехаться!

— Это бегство — не трусость, но мудрость, — продолжил Ресталаан, будто не замечая, как его слова действовали на молодых орков. — Если б вы не побежали, нам бы пришлось завтра вместо двух здоровых молодых орков слать вашим кланам два трупа. Оргрим и Дуротан, послушайте меня: в страхе нет стыда. Стыдно должно быть лишь тогда, когда страх мешает сделать правильное. А в вашем случае бегство — единственно правильное.

— Скоро мы станем сильными! — Дуротан выпрямился горделиво, — Тогда огры будут бояться нас!

Ресталаан посмотрел на него — в лице вовсе не было насмешки. И к удивлению Дуротана, кивнул согласно.

— Да, конечно. Орки — могучие охотники.

Оргрим сощурился, ожидая издевки, но ее не последовало.

— Пойдемте, — предложил Ресталаан. — Ночью в лесу Тероккар встречаются твари, с которыми не совладать и стражам Тэлмора.

Хотя и усталый до невозможности, Дуротан таки управился бежать ровно и быстро — не хватало еще стать посмешищем дважды в один день!

Пока бежали, солнце окрасило горизонт алым, затем — густо-красным, пурпурным... На бегу посматривал на чужаков — искоса, чтоб не показаться грубым. Так любопытно их видеть вблизи, всего в нескольких шагах. Ожидал, что вот-вот покажутся признаки близкого города: дороги, вытоптанные множеством ног, светильники, указывающие путь в ночи, силуэты домов на фоне чернеющего неба. Но не увидел ничего — и под ложечку кольнуло страхом. Может, дрениеи вовсе и не собирались помогать? Может, захватят в плен и потребуют выкуп? Или чего хуже: к примеру, принесут в жертву какому-нибудь злобному богу...

— Прибыли, — сообщил Ресталаан.

Встал на колени, пошарил среди иголки и палых листьев. Оргрим с Дуротаном переглянулись озадаченно — ведь лес вокруг, ни домов, ни дорог — вообще ничего. Приготовились — пусть врагов и больше, но без боя не умрем!

Ресталаан вытащил прекрасный зеленый кристалл, заботливо запрятанный в обычном лесном мусоре. У Дуротана дыхание перехватило — таким чудесным, удивительным показался камень!

Так захотелось взять его в ладонь — ведь как раз по размеру! — ощутить кожей гладкость, мягкое тепло, странное живое биение... Знал откуда-то: из камня исходит покой и умиротворение, каких никогда до сих пор не чувствовал. Ресталаан произнес слова, каленым железом впечатавшиеся в Дуротанову память: «Кехла мен самир, солей лама каль».

Лес задрожал — будто не настоящий, а всего лишь отражение на озерной глади. Не сдержавшись, Дуротан охнул: мерцание усилилось, и — вокруг никаких деревьев, но лишь мощеная дорога, ведущая по склону горы в невообразимо прекрасный город.

— Сейчас мы в самом сердце земли огров, — сказал Ресталаан, вставая, — Но когда город строился, огров еще здесь не было. Они пришли потом. Что ж, если они не видят нас — не могут и напасть.

— Но как? — выдохнул Дуротан.

— Простая иллюзия, ничего больше. Хитрость со светом, да...

В его голосе прозвучало что-то, от чего у Дуротана мороз пошел по коже. Видя удивление на лице орка, Ресталаан пояснил:

— Глазам не всегда можно доверять. Мы думаем: что видим каждый день, то правдиво. Но знающий способен управлять и светом, и тенью.

Произнеся слова и коснувшись кристалла, я изменил то, как свет падает на скалы и деревья, на все вокруг. И потому вы видите нечто целиком отличное от того, что видели ранее.

Дуротан все еще смотрел тупо, потрясенный.

Ресталаан усмехнулся.

— Пойдемте со мной, мои новые друзья! Пойдемте туда, где еще не бывал ни один из вашего народа!

Глава 3

Дрек'Тар не видел города дрениев в их расцвете, в их покое. Он увидел их лишь когда... впрочем, не стану забегать вперед. Шаман говорил мне: отец шел по их сверкающим

дорогам, ел их пищу, спал под их крышей, говорил с ними честно и открыто.

Даже сейчас нам тяжело понять и принять мир, столь отличный от нашего. Даже калдорайские земли перестали казаться мне столь чужими, когда я узнал про дрениев. Дрек'Тар говорил: у отца и слов не нашлось, чтобы описать увиденное. Быть может, живя на нашей теперешней земле, носящей его имя, увидев то, что видел я, он бы смог...

У сожаления горький вкус.

Дуротан и двинуться не мог от удивления — будто на него набросили сияющую сеть молний, как на огра, и поделать нечего. Застыл, глаза, даже рот открыл, не в силах переварить увиденное.

Город дрениев был воистину прекрасен! Врезанный, вотканный, вплетенный в склон горы, причудливое соединение металла и камня, естественного и рукотворного. Что именно видит, орк не понимал — но ощутил гармонию города, спокойную, величественную. Все в нем стремилось ввысь: скругленные, широкие снизу ступени, истончаясь и заостряясь, уводили к шарообразным жилищам. Одно напоминало раковину, другое — гриб. Сочетание форм и цветов поражало, а заходящее солнце подсветило багряным и алым, смягчило резкость линий, и в полумраке округлые очертания казались еще удивительнее.

Дуротан повернулся — и увидел ошарашенное Оргримово лицо и легкую улыбку на синих губах Ресталаана.

— Добро пожаловать, Оргрим и Дуротан! — произнес он.

Слова будто разрушили заклятие оцепенения, и Дуротан неуклюже шагнул вперед. Камень дороги был выглажен то ли временем, то ли руками дрениев.

Когда приблизились, он увидел, что город простирается высоко в гору. И там повторялся тот же прием: широкие массивные ступени понемногу истончались, приводя к изящным округлостям жилищ. К домам вели длинные улицы, мощенные чудесным белым камнем, вовсе не грязнящимся, не тускнеющим, несмотря на то, что со времен прибытия дрениев прошла жизнь по меньшей мере десятка орочьих поколений.

Вместо шкур и рогов убитых на охотах животных дрениев украсили город дарами земли: повсюду сверкали самоцветы и виднелись изделия из легкого бурого металла, не похожего ни на что, известное Дуротану. Орки знали металлы, ковали и плавил их, делая орудия боя и труда. Дуротан и сам помогал на охоте топором и мечом.

Но этот металл...

Прошли сквозь врата, встречаемые и провожаемые любопытствующими взглядами жителей — вполне доброжелательными взглядами.

— Из чего сделан твой город? — спросил Оргрим, впервые подавший голос с тех пор, как оба орка присоединились к компании дрениев.

— Из многого, — ответил Ресталаан добродушно. — Мы — путешественники, новички в вашем мире.

— Новички? — спросил Дуротан, — Твои люди прибыли сюда больше двух сотен лет назад. Мы, орки, были совсем другие тогда.

— Да, другие, — с готовностью согласился Ресталаан, — Мы наблюдали, как орки возрастали силой, умениями и способностями. Вы нас очень удивили.

Дуротан понимал, что сказанное лестно — но все же был у этих слов нехороший привкус... Будто бы дрениев считали себя лучше, выше орков.

Обида промелькнула — и исчезла, будто бабочка крылом коснулась.

В самом-то деле тут только за себя постыдиться. Никакой оркский шатер ни таким причудливым не бывает, ни таким красивым. Но с другой стороны, орки ведь не дрениев. Оркам и не нужно, и неохота жить как они.

— Я отвечу на твой вопрос, Оргрим, — сказал Ресталаан. — Прибыв сюда, мы использовали все, имевшееся у нас, чтобы построить города. Я знаю, ваш народ умеет строить лодки, плавают на них по рекам и озерам. Так вот, мы приплыли на лодке, способной перемещаться по небу. Она была сделана из разных материалов. Когда мы поняли, что здесь

— наш новый дом, мы взяли часть их и использовали в строительстве.

А, так вот откуда этот непонятный металл, будто смешанный из меди и кожи! Дуротан замер, изумленный...

— Ты лжешь! — буркнул Оргрим. — Металл не может летать!

Орк бы за такое хамство надавал Оргриму оплеух — увесистых оплеух, чтоб надолго запомнилось. А дрений только рассмеялся.

— Если не видеть, как призывают стихии, чтоб с огром биться, тоже ведь не поверишь, а?

— Это не то. — Оргрим фыркнул. — Это магия!

— И это своего рода магия, — заключил Ресталаан.

Затем подозвал одного из спутников, сказал что-то на своем языке — тот кивнул и поспешил вперед.

— Я хотел бы, чтоб вы кое-с кем встретились — если он не слишком занят, конечно, — сообщил Ресталаан.

У Дуротана на языке вертелась тысяча вопросов, но задать их он боялся, чтоб глупцом не выглядеть. Оргрима ответ про магию, кажется, удовлетворил, он тоже голоса не подавал. Но оба то и дело озирались по сторонам, глазели удивленно.

На улице встретили много прохожих, среди них — девушку вроде бы одного с орками возраста, изящную, но высокую. Когда Дуротан заглянул ей в глаза, та испугалась. Но потом, улыбнувшись, кивнула робко. Дуротан улыбнулся в ответ и, не задумавшись почти, спросил:

— На наших стойбищах много детей. А где же дети дрениев?

— У нас их мало, — ответил Ресталаан. — Мы живем очень долго, поэтому дети у нас рождаются редко.

— Как долго? — спросил Оргрим.

— Очень, — ответил Ресталаан сухо. — Достаточно сказать, что я помню, как мы прилетели сюда.

Оргрим уставился на него, на лице — сплошь недоверие. Дуротан хотел локтем ткнуть — ну, невежливо ведь! — но тот отошел слишком далеко. И понял вдруг: да та девушка, с виду сверстница, может быть, намного, намного старше.

Вернулся посыльный Ресталаана, сообщил что-то — и услышанное, по-видимому, того порадовало. Дрений сказал оркам, улыбаясь:

— Пророк Велен, приведший нас в этот мир, наведася погостить в наш город на несколько дней. Я подумал: возможно, он захочет увидеть вас — у нас не часты подобные гости. Мне очень приятно сообщить вам, что пророк не только согласился принять вас, но и пригласил погостить у него этим вечером, отобедать с ним и переночевать под крышей главы города. Это очень большая честь.

Орки онемели. Обедать с пророком, вождем всех дрениев? Эх, лучше б тот огр расплющил их дубиной...

Двинулись послушно за Ресталааном по извилистым улочкам, ведущим от подножия горы до большого здания, возвышающегося над городом. Твердым, идеально ровным ступеням, казалось, нет счета — Дуротан изрядно запыхался.

Наконец добрался, встал, рассматривая с любопытством похожее на улиточью ракушку строение, а Ресталаан позвал:

— Оглянитесь!

Орки подчинились — и снова замерли, не в силах идохнуть. Под ними, будто россыпь самоцветов на лугу, лежал город дрениев. Последние лучи заходящего солнца расцветили его оттенками пламени. Затем солнце зашло, на город легли пурпурные и серые тени, а их пронзили огни, зажегшиеся в домах. Будто звезды с небес присели на землю.

— Мне не хотелось бы хвастаться, но я горжусь моим городом и народом, — сказал Ресталаан. — Нам пришлось нелегко, но мы полюбили Дренор.

Я никогда не думал, что выпадет сказать об этом рку. Пути судьбы воистину

неисповедимы.

На сильном лице его отразилась глубокая, древняя печаль. Но ненадолго. Улыбнулся снова и позвал:

— Пойдемте, вас ждут!

Молча, пораженные до немоты, впитывая жадно виды, запахи и звуки чужого города, молодые орки ступили следом в дом главы города. Зашли в комнату, причудливо изукрашенную, прекрасную, но оставлявшую странное ощущение клетки.

Изогнутые стены, изнутри не менее изящные и красивые, чем снаружи, казалось, замыкали в себе, давили. В чашах лежали фрукты — бери и ешь!

Для орков была приготовлена причудливая одежда, а посреди комнаты стояла красивая лохань с водой, такой горячей, что аж парила.

— Чтоб пить — слишком горячо, а чтоб отвар делать — слишком много, — определил Дуротан.

— Это чтобы мыться, — ответил дрений.

— Мыться?

— Удалять грязь с тела.

Оргрим глянул с подозрением — нет, кажется, этот Ресталаан серьезно говорит.

— Мы не моемся, — проворчал орк сердито.

— Но мы плаваем в реках летом, — заметил Дуротан. — Может, это похоже.

— Вам не нужно делать ничего неудобного или неприятного для вас, — сказал Ресталаан. — Ванна, еда, питье — все здесь для вашего удовольствия. Пророк Велен встретится с вами через час.

Я приду и позову вас тогда. А сейчас нуждаетесь ли вы в чем-либо?

Орки замотали головами. Ресталаан кивнул и скрылся за дверью. А Дуротан глянул на Оргрима.

— Как думаешь, мы в опасности?

Тот посмотрел на странную одежду, на ванну.

— Вряд ли. Но... будто в пещере какой. Я б в палатке лучше.

— Я б тоже.

Дуротан подошел к стене, потрогал изогнутую поверхность. Под пальцами — прохладная гладь.

А ожидал, что окажется теплой, живой, что ли...

Указал на воду:

— Хочешь попробовать?

— Не-а, — ответил Оргрим.

Оба рассмеялись, но все же ополоснули лица и обнаружили, что горячая вода очень даже приятна. Затем поели фруктов, попили воды и решили сменить свои засаленные, измызганные рубахи на дренийские тканые сорочки, но кожаные штаны переодевать не стали.

Время прошло быстрее, чем ожидали. Как раз принялись состязаться — кто сумеет погнуть ножку кресла? — когда в дверь тихонько постучали.

Оба вскочили, потупились виновато — Оргрим таки управился погнуть, и ножка теперь выглядела криво.

— Пророк ждет вас, — сообщил Ресталаан.

«Вот — Старейший!» — подумал Дуротан, увидев Велена. Другие дрении тоже были необычны, но Велен выглядел куда удивительнее прочих.

Пророк был на голову выше самых рослых стражей города, хотя казался не столь сильным. Его тело, одетое в мягкие, легкие одежды, казалось тоньше, не столь мускулистым. А кожа светилась удивительной, теплой алебастровой белизной!

Глаза же, глубокие, мудрые, сияли яркой синевой, и окружали их морщинки. Велен, должно быть, не просто Старейший — но глубокий, древний старик. Серебряные его волосы

не лежали на плечах, а были причудливо заплетены, собраны в пучок на голове. Борода спускалась серебристой волной почти до пояса.

«Не Старейший и даже не древнейший старик, — подумал Дуротан, когда искристосиние, пронзительные глаза глянули в самую душу, — кажется, время вообще не властно над ним».

Ресталаан говорил, что прожил больше двух сотен лет — а ведь Велен намного, намного старше.

— Добро пожаловать! — произнес Велен мягко, вставая, кивая в знак приветствия.

Волосы его колыхнулись в такт движению.

— Я — Велен. Я рад, что мои люди наткнулись на вас сегодня, хотя не сомневаюсь, что через несколько лет вы станете более чем способными совладать с огром или даже с парой гроннов сами.

И снова у Дуротана возникла странная уверенность — это не просто вежливые слова. И Оргрим ощутил это — выпрямился горделиво, глянул в глаза дреenea как равный.

Велен указал — садитесь. Дуротан ощущал себя очень неуклюже и неловко, сидя в резном изукрашенном кресле за прекрасно убраным столом. Лишь когда принесли еду, почувствовал себя лучше — нога талбука, жаренные белоперки, большие ломти хлеба, овощи грудями на тарелках — знакомая, понятная еда. Почему-то ожидал вовсе диковинного, незнакомого. Но если подумать — с какой стати? Пусть и строения их, и уклад жизни были совсем не похожи на оркские, но, как и орки, дреeneй питались дарами земли. Разве что манера готовить отличалась: орки или варили еду, или жарили на открытом огне, когда вообще решали готовить. Частенько мясо ели сырым. Но, пусть привычно приготовленная или нет, еда — это еда, а эта была восхитительна!

Велен оказался замечательным хозяином: много расспрашивал, искренне интересовался ответами. Когда юношам позволено охотиться на огров? А когда — выбирать жену? Какая еда у них любимая? А какое оружие?

Оргрим разгорячился, разговорился больше Дуротана, принялся рассказывать про свои подвиги. Правда, приукрашивать ему не пришлось — Оргримовы дела и без того внушительны.

— Когда мой отец уйдет к предкам, Молот Рока перейдет ко мне! — объявил Оргрим с гордостью, — Это древнее, благородное оружие. Оно всегда переходит от отца к старшему потомку!

— В твоих руках он замечательно послужит, — заметил Велен, — Но, надеюсь, пройдет еще много лет, прежде чем Молот Рока перейдет к тебе.

Кажется, необходимость отцовской смерти для того, чтобы молот попал к Оргриму, в голову молодому орку не приходила. Потому тот приуныл и замолк. А Велен улыбнулся, но в улыбке его виделась грусть. Сеть тонких, едва заметных морщинок появилась на алебастровой коже — будто тончайшая паутинка.

— Опиши этот молот. Кажется, это воистину могучее оружие.

Оргрим оживился снова.

— Он огромный! Сам молот — из камня, тяжелого, округлого, мощного, а рукоятка — из особо выделанного дерева. За годы рукоять много раз приходилось менять, но на самом камне — ни царапины! Его зовут Молот Рока потому, что, когда его поднимают в битве, врагов настигает рок!

— Теперь понимаю, — промолвил Велен, все еще улыбаясь.

Оргрима уже было не остановить.

— Но есть еще другое пророчество: сказано, что последний из рода Молота Рока принесет сперва спасение, а после гибель народу орков. Но затем оружие снова перейдет к орку, не важно, из какого он будет клана, и еще послужит делу справедливости.

— Это сильное пророчество, — заметил Велен.

Ничего больше не сказал, но Дуротана бросило в дрожь. Ведь Велена называют пророком. Может, он знает, исполнится ли пророчество Молота Рока? Но ведь и спросить

боязно...

Оргрим все заливался, расписывая в мелочах Молот Рока. Дуротан, оружие это видевший часто, слушать болтовню перестал, думая о Велене.

С чего бы подобное создание заинтересовалось молодыми орками?

Дуротан был намного наблюдательнее и чувствительнее сверстников. Подслушав родительские разговоры, знал: они этим встревожены. А Мамаша Кашур только фыркнула — мол, оставьте парня в покое, чему быть, того не миновать. Дуротан умел отличить настоящий интерес от деланного и был уверен: у дрениев тоже сумеет отличить, как и у орков. Но в ясных синих глазах Велена, в алебастрово-белом, уродливом, но открытом лице читалось неподдельное любопытство. Вопросы его были искренними — он хотел побольше разузнать об орках. И чем больше узнавал, тем печальнее становился.

«Если бы только Мамаша Кашур оказалась здесь вместо меня и Оргрима, — подумал Дуротан вдруг. — Ей бы это куда полезней, чем нам. И узнала б она куда больше».

Когда Оргрим закончил описывать подвиги и Молот Рока, Дуротан спросил:

— Пророк, не могли бы вы рассказать нам о вашем народе? Мы знаем так мало. Думаю, за последние пару часов я узнал больше о дрениех, чем весь мой народ за последнюю сотню лет.

Велен глянул на молодого орка — и тому захотелось укрыться, спрятаться. Не из-за страха, а потому, что никогда еще он не ощущал себя таким открытым, увиденным насквозь.

— Молодой Дуротан, мы никогда ничего не скрывали. Но, полагаю, ты — первый, кто захотел спросить. Что ты желаешь узнать?

Тот хотел сказать: «Все». Но сделал над собой усилие и задал вопрос поуже:

— Орки стали встречать дрениев лишь двести лет тому назад. Ресталаан говорил: вы прибыли на большой лодке, способной летать по небу. Расскажите мне про это!

Велен отхлебнул напиток, на Дуротанов вкус казавшегося настоящей сущностью теплого, плодородного лета, улыбнулся.

— Начнем с того, что дренией — это не истинное наше имя. Дренией — значит изгнанники.

Дуротан раскрыл от удивления рот.

— В нашем мире не стало согласия. Мы отказались продавать себя в рабство и за это были изгнаны. Много времени прошло, прежде чем мы нашли подходящее жилище — землю, которую смогли бы назвать нашим домом. Этот мир мы полюбили и назвали его Дренор.

Дуротан кивнул — он и раньше слышал это слово. Ему нравилось его звучание, его ощущение — а орки обозначали место, где жили, просто словом «мир».

— Это наше имя, и в высокомерии своем мы и не подумали, что орки тоже примут его. Но так уж случилось, и это имя перестало быть только нашим. Мы очень любим этот мир. Он прекраснее всех виденных нами миров — а их мы повидали достаточно.

— Много миров? — выдохнул Оргрим.

— Да. И встречали много народов.

— Похожих на нас?

— Подобных оркам мы не встречали, — сказал Велен, улыбнувшись, и в голосе его прозвучало уважение. — Вы уникальны.

Орки переглянулись, выпрямились горделиво.

— Мы немало постранствовали, прежде чем найти эту землю. И вот мы здесь, и теперь это наш дом.

Дуротану не терпелось спросить еще: как долго путешествовали, как выглядел их родной мир, почему пришлось убегать. Но в застывшем вне времени лице пророка дрениев увиделось: хоть спрашивать и позволено, об этом вождь народа изгнанников не расскажет. Потому вместо того он спросил, как дрениеи делают оружие, какова их магия.

— Наша-то магия — от земли, — пояснил орк, — от шаманов наших и от предков.

— Наша магия происходит из другого. Думаю, вы не поймете моих объяснений.

— Мы не глупцы! — обиженно буркнул Оргрим.

— Простите, я вовсе не это имел в виду, — тут же извинился Велен, и извинение это прозвучало искренне и даже лестно. — Ваш народ мудр, а вы двое — весьма сообразительны. Но мне кажется, в вашем языке попросту нет подходящих слов.

Я не сомневаюсь, если б вам дать время, если б у вас были подходящие слова, вы бы поняли.

Даже сейчас, объясняя, он подбирал слова. А Дуротан подумал о магии, способной спрятать целый город, о странном мягком металле, непостижимо сплавленном с драгоценными камнями и горной породой, и понял, что Велен прав. Еще не родился орк, способный понять все это за один вечер, хотя, несомненно, Мамаша Кашур многое бы сумела постичь если не рассудком, так нутром.

Ну почему же орки и дрены почти не общаются друг с другом?

После разговор зашел о вещах попроще и пообыденней.

Орки узнали, что в глубине леса Тероккар есть место, священное для дрениев, — Аукиндон. Там упокаивали мертвых, предавали земле, вместо того чтобы сжигать на погребальных кострах. Дуротан посчитал это весьма странным, но удивления своего выражать не стал. Тэлмор был ближайшим к месту упокоения городом, и Велен прибыл сюда с грустной миссией — проводить в последний путь тех, кто погиб в битве с тем самым огром, погнавшимся за орками.

Обычно Велен жил в прекрасном месте, называемом храмом Карабора. Были и другие города дрениев, наибольший — на севере, в земле Шаттрат.

Когда наконец обед завершился, Велен вздохнул, глядя на стол перед собой, но, кажется, мысли его были отнюдь не о еде.

— Прошу простить меня, — сказал он, поднимаясь. — Сегодня был утомительный день, а мне нужно еще поразмышлять перед сном. Для меня было честью встретиться с вами, Дуротан из клана Северного Волка и Оргрим из клана Черной Горы. Надеюсь, сон ваш окажется здоровым и глубоким под защитой наших надежных стен, где ранее не бывал ни единый из вашего народа.

Орки поднялись и поклонились. Велен улыбнулся — и в улыбке его снова проскользнула странная печаль.

— Мы еще увидимся, молодые воины. Спокойной ночи!

Вскоре орки покинули обеденную залу. Их провели в спальню, и там они в самом деле хорошо и здорово выспались. Правда, Дуротану привиделся во сне старый орк, сидящий спокойно рядом, — непонятно к чему и зачем.

— Приведи его! — приказал старик Мамаше Кашур.

Та — старейшая шаманка клана Северного Волка — спала глубоким сном. Как подобает старейшей и мудрейшей, ее шатер уступал в изукрашенности и роскоши лишь шатру Гарада, вождя клана. Толстые ковры из шкуры копытня спасали ее старые кости от холода земли, верная и любящая внучка ухаживала, убирала, готовила и запасала дрова на случай холодов для «матери клана». Обязанностью Мамаша Кашур было слушать ветер, воду, огонь и траву и каждый вечер пить горький травяной отвар, открывавший разум духам предков. Она собирала знание для клана так же, как другие собирали плоды и валежник, и тем была не менее полезна.

Старик приходил не в яви — но не был пустым видением сна. Он был настоящий. Во сне Кашур становилась юной и гибкой, смуглая, гладкая кожа лоснилась здоровьем, бугрилась сильными мышцами. Старый же орк оставался в возрасте своей смерти, когда его мудрость достигла вершины. При жизни его звали Тал'краа, но, хотя его отделяли от Кашур много поколений, она звала его попросту Дед.

— Ты получила послание, — сказал во сне Дед молодой роскошной Кашур.

Она кивнула, и пышные темные волосы колыхнулись волной.

— Он и парнишка из Черной Горы у дрениев.

С ними все в порядке, я это чувствую.

Дед Тал'краа кивнул, и его отвисшая клыкастая челюсть колыхнулась. Дедовы клыки были желтые, стертые, а один обломан в давно забытой битве.

— Да, они в безопасности. Приведи мне его!

Мамаша уже второй раз слышала этот приказ, но пока не поняла, в чем дело.

— Ему время идти к горе, когда деревья стряхнут листву на зиму. Тогда я, конечно, приведу его.

Тал'краа потряс головой свирепю, карие глаза сощурились в гневе. Кашур еле удержалась, чтоб не улыбнуться, — из всех духов, почтивших ее визитами, Дед был чуть ли не самый нетерпеливый.

— Нет, нет! Приведи его к нам, в пещеры Ошу'гуна. Я там на него посмотрю.

— Ты... ты хочешь, чтоб я привела его встретить предков?

— Разве не этого я только что просил? Глупая девчонка! И что теперь с шаманами делается?

Дед частенько закатывал подобные сцены, ничуть Мамашу Кашур не тревожившие. Но его требование ошеломило. Изредка случалось, что духи предков требовали привести к ним дитя. Обычно это значило, что ребенку уготована стезя шамана. Но едва ли она уготована Дуротану — вожди редко бывают шаманами, слишком многое и разное нужно для этого. Слушать волю предков и объявлять свою народу — слишком много для одного орка. Тот, кто хорошо справится с тем и с другим, будет воистину великим.

Не услышав ответа, Дед зарычал, грохнул посохом оземь — Кашур аж подпрыгнула.

— Конечно, я приведу его на день посвящения во взрослые, — заверила Кашур поспешно.

— Поняла наконец, — завопил Тал'краа, грозя посохом, — Не приведешь, я по твоей голове им постучу, а не по бедной невинной земле!

Но маску свирепости на лице не удержал, улыбнулся напоследок, и Кашур, уже закрывая во сне глаза, улыбнулась в ответ. Хоть Тал'краа и злился, и вспыхивал легко, но на самом деле был мудрым и добрым и очень любил Кашур. Хотела бы она встретить его вживе — но он умер больше ста лет назад.

Мамаша открыла глаза в яви и вздохнула, вернувшись в настоящее тело — такое же старое, как тело Тал'краа, каким тот являлся в видениях. Больное тело, слабое, с распухшими, болящими суставами, с побелевшими волосами. Знала сердцем: скоро уже время покинуть брентную оболочку в последний раз и уйти к предкам на священную гору. Тогда Дрек'Тар, ее ученик, станет главным советником Гарада и клана Северного Волка. Надежный, хороший шаман. Оставив клан в его руках, можно смело идти к предкам — и поскорей бы!

Хорошо избавиться от земной немощи. Хотя послушаешь птичий гомон за стеной шатра, согласишься на солнечные зайчики, и поймешь — будет не хватать простых радостей жизни: птичьего пения, горячей похлебки, заботливого касания внучки.

«Приведи его!» — приказал Дед.

Что ж, она приведет.

Глава 4

Прошлой ночью, когда полная луна и звезды, казалось, мерцали в знак одобрения, один наш юноша был посвящен во взрослые. Мне впервые случилось участвовать в ритуале Ом'риггор. В молодости я не мог жить по обычаям моего народа, следовать его традициям, исполнять ритуалы. Да и по правде говоря, никто из орков не мог — слишком долго не мог. Тропа судьбы привела к войне, поглотившей меня целиком. А ведь я как раз хотел защитить свой народ, его обычаи и его правду от Пылающего Легиона, найти место, где мой народ смог бы жить по обычаям предков, без войны и страха, — и как же далеко ушел я от того, что хотел защитить!

Но теперь уже есть Дуротар и Оргриммар, теперь установлен мир — пусть и

зыбкий. Теперь шаманы вспоминают обычаи древности, растет и взрослеет молодежь, и ей, если пожелают того духи предков, уже не доведется узнать пепельного вкуса войны.

Прошлой ночью я был частью ритуала, пришедшего из глубины времен, ритуала, недоступного целому поколению. Прошлой ночью сердце мое наполнила радость и единение со всеми живущими — чувство, которого не хватало так долго.

Дуротан смотрел на талбука, и сердце колотилось в груди. Могучий зверь, достойная добыча и рога его — не просто украшение, но острое, опасное оружие. Дуротан уже видел воина, убитого такими рогами, пропоротого, вздетого на дюжину отростков, словно на копыя.

А на охоту вышел с одной лишь секирой и без доспехов.

Конечно, шептали всякое. Когда сидел в палатке с завязанными глазами, слышал: дескать, любой талбук сгодится, бойцы они свирепые, но в это время самцы сбрасывают рога. Другие шептали: конечно, лишь единственное оружие позволено нести с собой, Дуротан, сын Гарада, но никто не помешает спрятать доспехи в глухомани, никто ведь не узнает. И самый стыдный шепоток: шаман определит успех охоты, пробуя кровь на твоём лице, а кровь давно умершего талбука на вкус точь-в-точь как свежая.

Он не обратил внимания на шепотки. Может, кто из орков и поддался искушению — но не он.

Дуротан выищет самку, пышнорогую в это время года, возьмет лишь дозволенное оружие и украсит свои щеки кровью убитого зверя, свежей, парящей на морозе!

И вот он стоял, дрожа от холода в слишком раннем снегу, и топор делался все тяжелее в руках.

Но не отступил.

Выслеживал стадо талбуков два дня, питаюсь лишь тем, что смог собрать, разводил в сумерках убогие костерки, отсыпался, где придется. Тут позавидуешь Оргриму — он летом родился и уже прошел ритуал посвящения. Думал — ранней осенью тоже не слишком тяжело окажется, но зима явилась раньше времени, суровая и морозная.

И стадо талбуков будто насмехалось. Легко находил их следы и навоз, видел, где разгребали снег, отыскивая жухлую траву, где грызли кору с деревьев. Но сами всегда оставались вне видимости.

И лишь к вечеру третьего дня предки решили вознаградить за упорство. Уже смеркалось, и Дуротан с отчаянием подумал о третьем безрадостном ночлеге после третьего бесплодного дня. И вдруг понял, что катышки навоза под ногами не смерзлились до каменности, а свежие!

Стадо близко!

Тогда он побежал, давя меховыми сапогами скрипучий снег, и новое тепло заструилось в жилах. Вот он, след! Вперед, на холм, а за ним — вот они, великолепные звери!

Спрятался за большим валуном, выглянул: ишь, еще не перелиняли, бурые на белом снегу.

Дюжины две, а то и больше, самки в основном.

Конечно, стадо — это хорошо, но как одну-то от стада отбить? Талбуки — твари необычные, своих защищают. Нападешь на одну, другие кинутся на помощь.

Обычно охотников сопровождали шаманы, чтоб отвлечь зверей. А Дуротан был один — такой уязвимый и бессильный перед целым стадом...

Хватит, ну, рассопливился! Три дня ведь искал, и — вот они! Этой ночью или попробую свежатинок, целую ногу сожру с голодухи, или останусь в снегу коченеть, уже трупом!

Хотя тени становились все длиннее, выждал, понаблюдал как следует — торопиться нельзя, себе дороже. Талбуки — твари дневные. Вон, норы копают, чтоб на ночь устроиться. Знал, что такое делают, но чтоб тесно, прям друг к дружке вплотную... Как же одну отбить-то? Эх...

Ага, вон самка поодаль, видно, игривая слишком. Молодая, здоровая, летом отъелась травой и ягодами, и неймется ей. Топают, головой трясет — а рога роскошные! — чуть ли не

танцует вокруг остальных. И жаться не хочет к ним, вместе с парочкой таких же пристроилась снаружи шерстистого комка тел.

Дуротан ухмыльнулся: спасибо, духи, за подарок! Добрый знак — самая бодрая, здоровая самка в стаде решила не следовать бездумно старшим, но сделать по-своему. Конечно, жаль, что расплатой за молодую дерзость будет смерть, но зато дерзкий молодой орк станет взрослым. Почет и слава одному — смерть другому, так духи уравнивают сущее. По крайней мере, так взрослые говорят.

Дуротан выжидал. Солнце ушло за горы, и сумерки сгустились в темень. Вместе с солнцем ушло и зыбкое последнее тепло, а Дуротан все выжидал с терпеливостью настоящего хищника. Наконец и старшая в стаде улеглась: подогнула длинные ноги, примостилась рядом с товарками.

Тогда Дуротан двинулся. Закоченелые ноги чуть шевелились — едва не упал. Выбрался из убежища, заспешил вниз, не спуская глаз с дремлющей молодой самки. Та склонила голову, изогнув длинную шею, сопела мерно. Из ноздрей вырывались облачка пара.

Медленно, со всей осторожностью приблизился к добыче. Уже не чувствовал ни холода, ни усталости — только близкую, такую близкую удачу, кровь, победу! Еще ближе, еще — а она все дремлет.

Поднял секиру. Ударил.

Она открыла глаза, попыталась вскочить — но смерть уже взяла свое. Дуротану захотелось испустить боевой клич — тот самый, какой много раз слышал от отца, — но он вовремя прикусил губу.

Не хватало еще, едва победив талбука, быть затоптанным в отместку целым стадом. Секира, заточенная до бритвенной остроты, прошла сквозь толстую шею и хребет, как сквозь масло. Брызнула кровь, оросила орка липкой теплотой. Тот улыбнулся: помазание кровью убитого талбука — часть ритуала. А талбук постарался за него — добрый знак!

Хоть и подкрался тихо, и убил с одного удара, стадо все равно проснулось. Тогда орк повернулся, вдохнул полной грудью и, уже не сдерживаясь, испустил боевой клич, от какого кровь в жилах стынет. Поднял секиру, чей блеск уже испятнало алым, и заорал снова.

Талбуки заколебались. Дуротан знал: если сородич умер сразу, талбуки могут и не напасть. Понимают звериным нутром: товарке уже ничем не помочь, и потому скорее удерут, чем рискнут жизнями. Ведь если нападут, конечно, охотник срубит одного-двух, прежде чем его вобьют в снег шерстистыми ступнями.

Звери, вскочив, отступили, держась плотным строем, затем развернулись и кинулись наутек.

Взбежали на холм и скрылись из виду. Лишь разворошенный снег и отпечатки ног — вот и все, что осталось от страшной угрозы.

Дуротан опустил секиру, тяжело дыша. Затем поднял снова, испустив победный клич. Сегодня поест вдоволь, а дух талбука придет во сны нового Дуротана. Завтра вернется к своим уже взрослым, готовым служить клану — и, когда придет время, возглавить его.

— А почему мы не верхом? — спросил Дуротан капризно, по-детски.

— Не положено потому что, — ответила Мамаша Кашур сурово и выбрала мальчишку.

Ведь молодой же, вон здоровый какой, что ему вскарабкаться на гору предков? Это она, старуха, с удовольствием проехала бы на своем волке, большом черном звере по кличке Сноходец. Но традиция есть традиция, древняя и непреложная: пока можешь идти, иди. Дуротан склонил голову — мол, понятно, идем, так идем.

И хоть каждый новый подъем утомлял больше прежнего, интерес, ожидание нового и удивительного помогали терпеть усталость и боль. Кашур сопровождала многих юношей и девушек наверх, к священной горе, — этим завершался ритуал посвящения. Но впервые предки сами требовали привести кого-то из молодых. И старость Мамаша Кашур еще не победила ее любопытство.

Для молодого путь занимал лишь несколько часов, для старухи же — целый день. Уже вечерело, а еще не добрались. Кашур глянула вверх, на знакомый профиль горы, улыбнулась. Другие горы были просто мешаниной камня, Ошу'гун же возвышалась ровным правильным треугольником. В гранях ее сверкало солнце, отражалось, как в хрустале, — гора вовсе не походила на окружающее. И в самом деле, была нездешней, давным-давно упала с неба, и духи предков пришли к ней.

Потому орки и поселились в ее священной тени.

Как бы ни ругались, ни ссорились предки, будучи живыми, умерев, они оставляли мелочные раздоры, живя согласно внутри святой горы. Она скоро придет туда — но не как согбенная, немощная старуха. В последний раз она поднимается сюда в изношенном, негодном теле. В следующий раз она прилетит к Ошу'гун духом, паря как птица в небе, с легким, чистым, слеplенным заново сердцем.

— Что такое, мать Кашур? — спросил Дуротан озабоченно.

Та заморгала, очнувшись, улыбнулась.

— Ничего, сынок, совсем ничего, — заверила вполне правдиво.

Пока шли до подножия, длинные тени слились в сумрак, изгнав солнечный свет. Придется заночевать здесь, а подниматься уже с рассветом. Дуротан быстро заснул, завернувшись в шкуру им же недавно убитого талбука. Мамаша Кашур с удовольствием наблюдала, как он сладко и безмятежно сопел. Сон невинного ребенка... А она эту ночь проведет без снов. Чтобы увидеть завтра предков, разум должен быть чист.

Подъем был долгим и трудным, Кашур не раз сказала спасибо и надежному посоху, и надежной руке Дуротана. Однако сегодня путь казался легче: и ноги ступали уверенней, и дышалось вольготнее — будто предки тянули к себе, добавляли сил немощному телу старухи. Остановились у входа в пещеру духов — безукоризненно ровному овальному отверстию в гладком склоне. Как всегда, Кашур ощутила, будто вступает в самое лоно земли. Дуротан попытался сделать храброе лицо, но изобразил лишь растерянность. Теперь Кашур не улыбалась ему — юнец должен поволноваться! Ему вступать в священное место, и не просто так, а по требованию далекого предка. Даже она, старуха, и то волнуется.

Зажгла пучок травы с терпким, сладким запахом, помахала вокруг юноши, чтобы очистить. Затем помазала кровью отца, пролитой специально для этого и собранной в маленький прочный кожаный кисет. Положила морщинистую руку на гладкий низкий лоб юноши, пробормотала благословение, кивнула.

— Ты и сам знаешь, что предки призывают почти всегда тех, кому назначено идти путем шамана, — сказала сурово.

Дуротан вздрогнул, кивнул.

— Я не знаю, что случится. Может, вовсе ничего. Но если все же случится — веди себя достойно, не оскорби возлюбленных предков.

Дуротан сглотнул, кивнул снова. Вдохнул глубоко, выпрямился, расправил плечи. Кашур усмехнулась: держится молодцом, виден будущий вождь.

Зашли в пещеру, Мамаша Кашур — первой, чтоб зажечь факелы на стенах. В их оранжевом свете показалась извилистая тропа, ведущая вниз, выглаженная до блеска множеством босых и обутых орочьих ног. Там и сям были вырезаны ступени для опоры на гладкой тропе. В тоннеле всегда было летом прохладней, а зимой теплей, чем снаружи. Кашур коснулась пальцами стены, вспоминая, как впервые попала сюда давным-давно: сердце колотилось бешено, смотрела вокруг удивленно, чувствуя теплую, липкую кровь матери на лице.

Наконец длинный пологий спуск привел к ровной площадке. На стенах больше не было факелов, и Дуротан глянул удивленно.

— Чтоб прийти к предкам, света не нужно, — сказала Кашур.

Дальше пошли в темноте.

Дуротан не испугался, но растерялся немного, оставив позади привычный мир. В

крошечной темноте Кашур протянула руку, коснулась Дуротановой ладони — веди меня! Сильные толстые пальцы мягко обняли ее руку. И Кашур подумала, что даже сейчас, во тьме, когда другие стиснули бы испуганно руку шамана, Дуротан подумал о ее старости, о больных костях — и не стал давить сильно. У будущего вождя мудрое сердце.

Дальше пошли молча. И вскоре, будто заря после долгой мглистой ночи, вокруг заструился свет.

Теперь уже Кашур могла различить силуэт рядом — молодого орка, но уже с телом взрослого воина. Смотрела за ним внимательно: чудо пещеры предков ей было привычно, — но как поведет себя молодой Дуротан?

Тот вдохнул быстро, глянул вокруг глазами, полными изумления. Мягкое белое сияние исходило из озера посреди пещеры. Все вокруг — мягкое, теплое, ни углов, ни резких очертаний.

Знакомое чувство глубокого покоя, умиротворения снизошло на Кашур. Говорить ничего не стала — пусть молодой насмотрится вволю! Пещера была огромной, больше поляны для танцев и праздника на Кош'харге. От нее расходилось множество тоннелей, которые Кашур не осмелилась исследовать. Какой огромный простор — неудивительно, ведь нужно принять духи всех умерших орков...

Подошла к воде — молодой следом, не отстает. Кашур осторожно развязала принесенные с собой бурдюки, открыла и, молясь вполголоса, опорожнила над озером светящейся жидкости.

— Когда мы отправлялись, ты спрашивал про эти бурдюки, — сказала тихо Дуротану. — Вода здесь чужая. Давно мы начали приносить духам благословленную воду. Каждый раз, приходя, мы добавляем к священному водоему. А вода непонятно почему не уходит отсюда, как ушла бы из обычного пещерного озера. Такова сила Горы Духов!

Опорожнив бурдюки, присела на берегу. Застонав тихонько, всмотрелась в светящиеся глубины. Дуротан встал рядом. Она знала, как нужно сесть, чтобы увидеть свое отражение, усадила должным образом и его. Сперва видела лишь отражения своего лица и Дуротанова, казавшиеся призрачными в светящейся воде. Затем к их лицам добавилось третье, столь же ясное, будто Дед стоял за плечом Кашур. Взгляды их встретились, и она улыбнулась.

Выгнула шею, пытаясь глянуть на Дуротана, но тот смотрел в воду пытливо, будто ожидая. Кашур приуныла немного, но сейчас же себе выговорила: ну, если не дан ему шаманов дар, значит, не дан. Несомненно, участь его окажется не менее почетной и важной — он ведь рожден быть вождем.

— Моя любимая пра-пра- и еще много раз правнучка, ты привела его, как я и просил, — сказал Тал'краа, и голос его был мягче и теплей, чем когда-либо.

Опираясь тяжело на посох, столь же призрачный, как и он сам, пращур медленно обошел Дуротана — тот же продолжал вглядываться в отражения. Кашур внимательно наблюдала за обоими воинами клана Северного Волка. Ага, Дуротан вздрогнул, оглянулся, не понимая, откуда внезапный холод. Кашур улыбнулась — конечно, видеть предка он не может, но ведь как-то почувствовал, что Тал'краа рядом.

— Увы, ты его не видишь.

Дуротан поднял голову, принялся. Вскочил — в сиянии озера духов клыки его казались синими, а кожа приобрела странный зеленоватый оттенок.

— Да, мать Кашур, не вижу... но ведь предок здесь?

— Здесь, — сказала Кашур.

И, повернувшись к Тал'краа, добавила:

— Я привела его, как ты и просил. Как он тебе?

Дуротан вздрогнул и сглотнул, но остался стоять прямо и горделиво, пока дух неторопливо обходил его.

— Я чувствую что-то... необычное, — сказал Дед. — Я думал, он шаманом станет. Но если сейчас меня не увидел, значит, и не увидит. Но хотя он и не сможет призывать стихии и видеть духов предков, судьба его велика. Он многое сделает для клана Северного Волка, да и

для всех орков.

— Он будет... героем? — Кашур едва выговорила от волнения.

Все орки старались блюсти правила чести и доблести, но лишь немногие оказывались столь могучими, чтобы их имена остались в памяти потомков. Дуротан, услышав, вздохнул порывисто, застыл в ожидании.

— Трудно сказать, — нахмурился Тал'краа. — Ты его научи как следует. Одно ясно: от него родится спасение оркам.

И затем — Кашур никак не ожидала такой нежности от сурового Деда — Тал'краа коснулся невидимым пальцем щеки молодого орка. Глаза того расширились от ужаса, он едва сдержался, чтоб не отпрянуть, но сдержался, не испугался холодного касания призрака.

Тал'краа исчез, растворился туманом в летний день. Кашур пошатнулась — всегда забывала, насколько сила духов питала ее и поддерживала.

Дуротан подрос, быстро ухватил за руку — хорошо, когда молодая сила рядом и готова помочь.

— Мать, вам плохо?

Кивнула, стиснув его руку. Хорошо — сперва его заботит она, старуха, а уж потом — сказанное предком. Раздумывая над словами Деда, решила про них не рассказывать. Хотя Дуротан и разумный, и уравновешенный, и добродушный, но подобные предсказания способны развратить самое стойкое сердце.

От него родится спасение оркам.

— Нет, сынок, мне хорошо. Но я слишком стара, а духи могучи.

— Хотел бы я его увидеть, — сказал Дуротан задумчиво. — Но я почувствовал... я его ощутил, точно.

— Да, и это куда больше, чем удостаивались многие.

— Мать, вы могли бы сказать мне... рассказать, что поведал предок? О том, буду ли я героем?

Пытается вести себя как взрослый, спокойно и сдержанно, но в голосе — нетерпение и мольба.

Ну, винить его не за что: все стараются жить, подражая легендам, глядя на подвиги предков. Он бы орком не был, если б не хотел так жить, не мечтал о геройстве.

— Пращур Тал'краа сказал, что это еще неясно, — ответила она откровенно.

Дуротан кивнул, не выказав разочарования.

Кашур больше не хотела ничего говорить, но как-то само собой вырвалось старческое, заботливое:

— У тебя долг перед судьбой, Дуротан, сын Гарада. Не лезь в битву наобум, не глупи, не спеши умирать, пока не исполнишь его.

— Глупец вряд ли хорошо послужит клану. — Дуротан усмехнулся. — Как раз так я и собираюсь себя вести, мать Кашур.

— Тогда, будущий вождь, — Кашур усмехнулась тоже, — лучше б тебе позаботиться о спутнице жизни.

И расхохоталась, глядя, как в первый раз за все время путешествия к духам предков Дуротан сконфузился.

Глава 5

Дрек'Тар говорил мне: если задуматься, то время нашей истории было как ясный погожий день ранним летом. У нас, орков, было все нужное: благодатный мир, духи предков, чтобы вести нас.

Даже стихи благоприятствовали нам. Пища — в изобилии, враги свирепы, но уязвимы, а мы сами наделены многими дарами и талантами. Дренеи не были нашими союзниками — но не были и врагами. Они делились знанием и добычей, когда их просили. Это мы, орки, всегда держались поодаль, скрываясь и не доверяя. И это нас, орков, понудили

исполнять чужую волю, сделали игрушкой в чужих руках.

Ненависть — могучая сила. Она может прожить дольше любого из живущих. Ненавистью можно управлять. Ненависть можно и породить.

Кил'джеден обитал во тьме — плотной, вечной, безвременной. Сквозь жилы его текла, пульсируя, мощь — лучше всякой крови, питательнее плоти, утолительнее любого питья, пьянящая и успокаивающая одновременно. Он не был всемогущ — пока не был. Пока миры падали к его ногам не силой мысли, но плодом войны, смерти, разрушения, чем Кил'джеден вполне довольствовался.

Изгнанники, предатели еще жили. Хотя для тех, кто обитал во времени и считал его, прошли многие столетия — Кил'джеден все еще чувствовал жизни беглецов. Где же они запрятались, Велен и ушедшие с ним? Труссы, не смеющие взглянуть в лицо ему и Архимонду, другу и союзнику в тяжелые времена... времена становления силы, когда из простых смертных они делались теми, кто есть сейчас.

И он, и Архимонд, и другие больше не звали себя эредарами. Велен назвал бы их ман'ари, но они — Пылающий Легион, армия Саргераса, избранные.

Кил'джеден протянул длинную алую руку, когтистую, изящную, в ничто, обнимавшее собою все сущее, — возникла зыбь, вопрос, устремленный в бытие. Когда враг удрал, в мироздание отправились разведчики, принесшие лишь вести о неудаче поисков. Архимонд пожелал казнить их за неудачу, но Кил'джеден добился, чтобы им оставили жизнь. Труссы сбежали — уж это он знал доподлинно. Остались те, кто жаждал одобрения и награды владык. И потому, хоть Кил'джеден и изъявлял свое неудовольствие провинившимся, иногда весьма болезненно, обычно давал им шанс исправиться. Иногда и еще один, когда видел, что они стараются изо всех сил, а не злоупотребляют терпением.

Архимонд такой заботы об изгнанниках не понимал.

— Есть множество миров для покорения и поглощения во славу нашего господина Саргераса, — ворчал он, и тьма сияла, пронзенная его голосом, — Пусть глупец тешится. Если вздумает применить свои таланты во вред нам, если создаст угрозу — мы это ощутим. Так пусть гниет в своем захолустье, лишенный всего, что ценил!

Кил'джеден медленно повернул массивную голову, посмотрел на повелителя демонов Архимонда.

— Бессилен он или нет — не это для меня важно, — прошипел он злобно, — Я хочу уничтожить его и глупцов, последовавших за ним. Я хочу покарать их за неверие, за отказ подумать о благе для всех нас.

Большая когтистая рука сложилась в кулак, когти впились в ладонь. Полился жидкий огонь, погас, встретившись с плотной тьмой, но остался грубый рубец, шрам. Тело Кил'джедена покрывало множество подобных рубцов — он гордился ими.

Архимонд был могуч, изящен, элегантен, умен, но ему не хватало лютой страсти всеразрушения, обуявшей Кил'джедена. Архимонд каждый раз объяснял, что напрасно тратить силы на изгнанников, и теперь лишь вздохнул, решив оставить все как есть. Уже столетия длится этот спор и продлится еще столетия, пока Кил'джеден не преуспеет в уничтожении бывшего лучшего друга.

А Кил'джеден вдруг подумал: может, в этом и дело? Архимонд никогда не питал особо дружеских чувств к Велену. Для него тот — просто один из владык эредаров. А Кил'джеден любил Велена как брата, нет, почти как другое обличье своего «я».

А он...

Когтистая длань сжалась снова, и снова хлынул огонь преисподней, заменивший кровь.

Нет, мало знать, что Велен сидит где-то в глухомани, залечивая раненую гордость, прячась от зверей и холодов в пещере, собирая корни для пропитания. Когда-то Кил'джеден хотел просто крови бывшего друга. Но теперь одной крови — хотя в пролитии ее великая сила — слишком мало. Теперь он хотел стыда, унижения — полного, крошечного, неизбывного. Унижение, превращение в абсолютное ничтожество будет куда приятнее

медного вкуса крови, текущей в жилах Велена.

Архимонд вздрогнул и приподнял голову — должно быть, кто-то из слуг заговорил с ним. У Архимонда были свои планы, свои слуги и шпионы, свои дела — как и у Кил'джедена, все ради службы темному господину, ради завоевания миров и времен.

Не промолвив и слова, Архимонд поднялся во весь свой исполинский рост и отправился в путь.

Движения его были, вопреки размерам, изящными и точными.

В этот момент и Кил'джеден ощутил прикосновение чужой мысли — Талгат, его правая рука, искал разговора с хозяином. И от мысли его веяло сдержанной радостью.

— В чем дело, друг мой? Говори же! — приказал Кил'джеден.

— О, мой великий господин, я не хочу рождать ложные надежды, но мне кажется, я нашел их!

Ах, какое изысканное, долгожданное наслаждение! Талгат был осторожней тех, за кем охотился, чуть ли не самый осторожный среди подданных. Хотя лишь немного ниже рангом самого Кил'джедена, столетиями был неизменно верен, безукоризненно предан. Даже и столь осторожного заключения не сделал бы, не удостоверившись как следует.

— Где они? Как сумел отыскать их?

— Я заметил следы их магии в мелком примитивном мире. Возможно, конечно, что они побывали там и удалились — такое, увы, случалось.

Хотя Талгат и не мог видеть его, Кил'джеден кивнул и улыбнулся себе: какой нелепый древний пережиток, движение, обозначающее согласие почти у всех разумных рас, какие доводилось встречать.

— Верно говоришь, — ободрил он подчиненного.

Часто воины Кил'джедена являлись куда-нибудь, привлеченные сладким ароматом магии эредаров, чтобы обнаружить только еще теплые следы.

Но Кил'джеден не терял надежды, ведь впереди целая вечность. Когда-нибудь они падут, сдадутся — и станут тем, чем захочет их сделать Кил'джеден.

Тут в голову владыки демонов пришла новая мысль. В самом деле, уже много раз войско находило лишь следы — а уничтожение миров, сладостное избиение их примитивных жителей, хоть и утешало уязвленную гордость, жажду мести не утоляло.

Нет, сейчас торопиться не нужно. Талгат отправится не во главе Пылающего Легиона. Из троих вождей эредаров Велен был сильнейшим и мудрейшим, полнее всего постигшим магию и науки.

Едва ли прежний друг всего за несколько веков, заполненных бегством, расслабился и потерял бдительность. Скорее, он всегда начеку и перед лицом очевидной угрозы тут же скроется.

А если угроза будет менее очевидной?

— Талгат, исследуй этот мир для меня!

— Господин? — Мысли Талгата остались связными и спокойными, но выдавали удивление.

— Раньше мы отправляли войско — и напрасно. Возможно, сейчас лучше отправиться одному — тому, в чьей верности нет ни малейших сомнений.

Кил'джеден ощутил, как гордость и благодарность за доверие смешиваются в Талгатовых мыслях с неловкостью и страхом.

— Врага можно уничтожить и не силой оружия. Временами как раз без оружия лучше и обойтись.

— И вы хотите, чтоб я отыскал путь уничтожить их, не прибегая к нашему оружию?

— Именно. Отправляйся в этот мир один, исследуй, изучай, выясни, там ли изгнанники, а если там, в каком состоянии. Вызнай, чем они живут, успокоились ли, уподобились ли сонным животным в стойлах — или они упруги, легки и поджары, подобно хищникам. Каков тот мир, кем населен, есть ли там разум, каковы там животные, времена года, очертания земель. Исследуй, но без приказа не делай ничего.

— Конечно, мой господин, я немедленно начну подготовку к путешествию.

Какой образцовый слуга! Разумный, исполнительный, никогда не подводивший. Хотя и сконфужен, и озадачен — все равно готов выполнять приказ. Не подведет и сейчас.

Лицо Кил'джедена, хоть и мало напоминало прежнее, все еще могло исказиться в подобии улыбки.

Как и весь его народ, Дуротан начал упражняться с оружием с шестилетнего возраста, когда стал достаточно сильным и рослым. Орки от природы ловко управляют с оружием. В двенадцать он уже участвовал в охотах, а теперь, после посвящения во взрослые, мог присоединиться к охоте на огров и их чудовищных, противоестественных хозяев — гроннов. В этом году на осеннем Кош'харге он остался у костров со взрослыми, когда детей усадили спать. Как они на пару с Оргримом выяснили уже давно, ночные разговоры взрослых у костров были на диво скучными.

Однако для внимательного и чуткого Дуротана было очень интересно наблюдать и общаться с теми, чьи имена знал много лет, но кто с ним, как с ребенком, почти не разговаривал. Вот Мамаша Кашур — она хоть и из его клана, а он так мало про нее знал раньше... ее ведь очень уважают другие шаманы, высоко она среди них стоит. Еще первой ночью праздника увидел ее: сидит у костра, завернувшись в одеяло, сама — кости да кожа, хрупкая, согнутая старостью. Почему-то Дуротан знал, непонятно откуда: этот Кош'харг для нее — последний. Знание это удручило куда больше, чем он ожидал.

Рядом с нею, куда моложе ее, но все же старше Дуротановых родителей, сидел ученик, Дрек'Тар.

Дуротан не часто говорил с ним, но очень уважал за острый язык и проницательность. Завтра шаманы уйдут встречаться с предками в пещере Священной горы. Жутко там — вспомнишь и вздрогнешь. Тот ледяной сквозняк у щеки — должно быть, вовсе не обычный ветер.

Дуротановы карие глаза внимательно рассматривали собравшихся. Вон там, поодаль, Гром Адский Крик, молодой и слегка оголтелый вождь клана Песни Войны. Всего на пару лет старше Дуротана с Оргримом, а уже вождь. Поговаривали, не совсем чисто было со смертью старого вождя и Громовым восхождением к главенству, но ведь клан признал его. Неудивительно — хоть и молодой, Гром выглядел устрашающе, особенно в мерцающем, зыбком свете костра. Густые черные волосы спадали на спину, угрожающе выпятилась черная нижняя челюсть — ее вытатуировали в черноту после того, как он стал вождем. На шее — ожерелье из костей, у Песни Войны было в обычае вешать на шею молодому воину кости его первой жертвы, изукрашенные рунными заклятиями.

Рядом с Громом — огромный Чернорук из клана Черной Горы. За ним, молчаливо жуя, следует вождь Изувеченной Длани — Каргат Острорук.

Вместо кисти у него из запястья торчит вделанный секач. Как глянешь на блики пламени по лезвию, не по себе становится, даром что взрослый. Рядом — Кил рог Мертвоглаз, вождь клана Кровавой Глазницы. Мертвоглаз — не родовое имя, сам его взял. Здоровый глаз Килрога рыскал, оглядывая собравшихся. Второй же, в самом деле мертвый, измятый, покалеченный, торчал в изуродованной глазнице. Насколько Гром был молод для вождя, настолько Килрог — стар. Но вопреки годам и потрепанному виду, Килрог не собирался прощаться ни с жизнью, ни с властью.

Жуткий народец. Дуротан глянул дальше: слева от Дрек'Тара — знаменитый Нер'зул, шаман клана Призрачной Луны.

Сколько Дуротан себя помнил, Нер'зул всегда был главой оркских шаманов. Однажды Дуротана пустили на охоту, в которой участвовал Нер'зул.

Молодой орк видел: мастерство Нер'зула просто невероятно! Пока остальные пыхтели и старались, заклиная стихии — пусть и мощно, но неуклюже, — тот стоял неподвижно. По одному его слову сотрясалась земля, молния ударяла с небес туда, куда он указывал. Огонь, вода, ветер и земля, и даже уклончивый дух глухомани были ему друзьями и верными

соратниками. Конечно, охотникам не доводилось видеть, как он говорит с предками, — лишь шаманы могут быть тому свидетелями. Но ясно ведь: если бы предки не благоволили Нер'зулу, как смог бы он все это время выказывать такую силу?

Нер'зулов ученик, однако, Дуротану не понравился. Оргрим, сидевший рядом с другом и заметивший, куда тот смотрит, наклонился и прошептал на ухо: «Думаю, Гул'дан лучше бы послужил своему клану, если б его на охоте наживкой выставили».

Дуротан отвернулся, чтоб не заметили улыбки. Не знал, какая шаманская сила у Гул'дана, но раз Нер'зул взял его в ученики и наследники, значит, сила есть, и немалая. Но с виду Гул'дан уважения не вызывал: мелкий, квелый, мягкотелый, с короткой пушистой бородкой — вовсе не оркский идеал бойца. Но если по справедливости, для важных и нужных дел вовсе не обязательно быть героем.

— Ты туда глянь — вот это точно прирожденный боец!

Дуротан глянул — и едва челюсть не отвисла.

Правду друг сказал! Какая она стройная, высокая, а мышцы так и играют под смуглой кожей!

Вот протянула руку, срезала кус мяса с жарящейся туши талбука — ах, отрада глаз! Красота, сила, грация — нигде такого не видел. Двигается как волчица, изящно, точно, смертоносно, клыки хоть и маленькие, но заточены до убийственной остроты. Длинные черные волосы собраны в красивую косу.

— Кто, кто она? — пробормотал Дуротан, а сердце уже заныло.

Конечно, эта великолепная женщина из другого клана... Ведь заметил бы, если б такая красавица — сильная, гибкая, стройная — была в его клане.

Оргрим реготнул, хлопнул друга по спине. Привлеченные этим жестом и хлопком, многие взглянули на них — и красавица тоже. А Оргрим, наклонившись, прошептал весело: «Ну, ты и рассеянный! Да она ж из Северных Волков! Я б сам ее взял, если б из моего клана».

Она — Северный Волк? И как можно не заметить такое сокровище в своем собственном клане?

Ишь, Оргрим-то ухмыляется... Глянул на красавицу снова — та смотрела прямо на него. Взгляды их встретились...

— Дрека! — позвали из темноты.

Красавица вздрогнула, отвернулась. Дуротан заморгал, будто просыпаясь.

— Дрека, — повторил задумчиво.

Вот оно в чем дело — неудивительно, что не узнал.

— Нет, Оргрим, она не прирожденный боец — она стала бойцом.

Дрека родилась болезненной, бледненькой, с кожей желтушно-смугловатой, а не здоровой густой смуглоты оттенка древесной коры, как обычно у орков. Большую часть Дуротанова детства взрослые говорили о ней приглушенным шепотом, как о той, кто уже на пути к предкам. Его родители с горечью удивлялись, за что предки прокляли родителей Дреки, наделив столь слабым ребенком.

А как раз после того разговора в семье вождя Дрека с родителями перебралась на край стойбища, и Дуротан, занятый обычными хлопотами, почти ее и не видел.

Дрека отрезала пару кусков мяса, принесла семье. А, вон ее родители, сидят рядом с двумя подростками — на вид здоровыми и сильными. Чувствуя взгляд, Дрека повернулась, посмотрела в ответ — открыто, прямо, глаз не отвела. Выпрямилась горделиво — попробуй, глянь-ка на меня теперь с жалостью и состраданием!

Ну уж теперь какие там жалось и сострадание.

Милость духов, целительное мастерство шаманов и сила воли, так и пылавшая в ее карих глазах, сумели превратить хилое дитя в образец оркской красоты — яркой, безупречной.

Оргрим пихнул локтем в бок, и Дуротан выдохнул громко, удивленно. Повернулся к другу рассерженно.

— Да не глазей ты так, а то так и хочется чем рот заткнуть, так раззявился, — пробурчал Оргрим.

Тот и сам понял, что усталился как невежа, а окружающие уже понимающе ухмыляются. Дуротан отвернулся, притворяясь увлеченным праздником, и до конца его на Дреку и не глянул.

Ночью она пришла в его сон. А когда проснулся, твердо знал: Дрека достанется ему, Дуротану.

Разве он не наследник вождя одного из самых горделивых и могучих кланов?

— Нет, — сказала Дрека.

Дуротан глянул ошеломленно. Как так?

Ведь с самого утра пришел, позвал на охоту — вдвоем. Оба понимали: когда мужчина и женщина охотятся вместе, это ритуал ухаживания, соединения судеб. И вдруг такой отказ?

Так неожиданно... что сказать-то теперь? Смотрит без малого с презрением, губы у мелких клыков искривились в усмешке.

— Почему? — выдавил наконец Дуротан.

— Я еще не в возрасте.

Сказала так, что ясно: это не объяснение, а предлог. Но Дуротана так просто не отошьешь.

— Да, я тебя звал на охоту, желая ухаживать за тобой, — сказал прямо и грубо. — Но если ты еще не в возрасте — значит, не в возрасте. Тем не менее я был бы рад охотиться с тобой. Пусть это будет просто охота двух могучих воинов.

Теперь настал черед Дреки удивляться. Наверное, ожидала, что Дуротан или станет упорно гнуть свое, или уйдет разозленный.

— Я... — выговорила она и запнулась.

Но улыбнулась вдруг и сказала, усмехаясь:

— Да, я пойду на эту охоту, Дуротан, сын Гарада, вождя клана Северного Волка.

Дуротан никогда еще не был таким счастливым. Как не похоже на обычную охоту! Пошли быстро, широким шагом — почти бегом. Натренировавшись с Оргримом, Дуротан стал редкостно вынослив и поначалу удивлялся: выдержит ли она? Но Дрека, рожденная такой слабой и ставшая такой сильной, не отставала. На ходу не разговаривали — а о чем говорить-то? Пошли на охоту, чтоб найти добычу, убить, принести клану, — молча, спокойно, уверенно.

Когда вышли из лесу, замедлил шаг и принялся изучать следы. Без снега на земле читать следы непросто. Но Дуротан знал, как искать их: вот примятая трава, сломанные ветки на кусте, вмятины, пусть слабые, в земле.

— Копытни, — объявил он, вставая и глядя туда, куда, по его догадке, ушло стадо.

Дрека же по-прежнему сидела на корточках, осторожно раздвигая палую листву.

— Один ранен.

— Я не заметил крови.

Она покачала головой.

— Крови нет, но отпечатки как у раненого, смотри, — и показала на цепочку следов.

Дуротан глянул, недоумевая, это почему раненый? Покачал головой в сомнении.

— Нет, нет, не этот отпечаток — вон тот и следующий.

Шагнула осторожно — и внезапно Дуротан понял, в чем дело: отпечатки одной ноги были мельче, чем остальных. Зверь хромал.

Глянул на нее, весь — обожание. Она покраснела.

— Да это легко. Ты и сам бы догадался.

— Не-а, — признался честно. — Не догадался бы. Отпечатки-то я видел, но поленился рассмотреть внимательнее. А ты — рассмотрела. Когда-нибудь станешь великолепным охотником.

Она выпрямилась горделиво, глянула, улыбаясь, и будто теплая, мягкая сила потекла в Дуротановых жилах. Не в обычае у него было молиться, но, глядя на девушку, взмолился: «О духи, пусть эта женщина будет благосклонна ко мне!»

По следу шли, как стая волков. Дуротан уступил лидерство — Дрека читала следы не хуже.

Вместе они прекрасно дополняли друг друга. У него глаза зорче, но она внимательнее.

Глядя на следы, обогнули пригорок. Интересно, каково драться рядом с нею?

Воздух разорвало рычание. Огромный черный волк, припавший к туше копытня — того самого, хромого, развернулся к пришельцам. Невыносимо долгое мгновение трое хищников глядели друг на друга, недвижимые. Но не успел могучий зверь изготавиться к прыжку, как прыгнул Дуротан.

Секира взвилась птицей, будто сама по себе, упала, впилась глубоко в тулово, но желтые клыки с хрустом сомкнулись на руке. Взорвалась, вспыхнула огненно-белая боль! Но Дуротан вырвал руку из пасти. На этот раз тяжелей поднимать секиру — из руки хлещет кровь. Волк уставился на Дуротана, глаза в глаза, ярость в желтых зрачках, пасть распахлена ревом, вонь тухлого мяса — жаркой волной.

И вдруг, за мгновение до того, как огромные челюсти сомкнулись на шее, он услышал боевой клич. Краем глаза уловил движение — Дрека прыгнула с копьем наперевес. Длинное изукрашенное оружие пронзило зверя. Тот мотнул головой.

В этот же миг Дуротан взмахнул секирой и ударил изо всех сил. И почувствовал: лезвие прорубило тело, ушло вниз, в землю, так глубоко, что и вытянуть сразу не смог.

Ступил назад, дыша тяжело. Дрека встала рядом. Чувствовал ее жар, ее азарт, страсть к охоте — столь же сильную и яркую, как и у него. Стоя рядом, они смотрели на могучего зверя, удивляясь, что еще живы, ведь, застигнутые врасплох, победили тварь, с которой обычно могли совладать лишь несколько испытанных и умелых охотников. Враг лежал, подтекая кровью, рассеченный надвое Дуротановой секирой, а сердце его было пробито копьем Дреки. Дуротан понял, что и определить не может, кто именно нанес по-настоящему смертельный удар, и от этого смешно и нелепо обрадовался.

И плюхнулся наземь.

Тут же Дрека взялась за располосованную руку. Принялась промывать, ворча под нос, когда кровь все не унималась. Смазала целительным бальзамом, забинтовала туго, размешала в воде горькие травы и заставила выпить. Вскоре Дуротанова голова перестала кружиться.

— Спасибо, — выговорил спокойно.

Она кивнула, не глядя, но уголок губ тронула усмешка.

— Что такого смешного? Я не устоял на ногах, да?

Голос его прозвучал с неожиданной грубостью, и она глянула удивленно, настороженно.

— Вовсе нет. Ты храбро бился. Многие бросили бы оружие после такого укуса.

Слова оказались неожиданно приятны — ведь не лесть, просто правда.

— Тогда... что ж тебя позабавило?

Она улыбнулась, не отводя глаз.

— Я знаю кое-что, чего ты не знаешь. Но после нашей охоты, думаю, сказать можно.

— Я польщен такой честью, — ответил он, тоже улыбаясь.

— Я сказала вчера, что еще не в возрасте для брачной охоты.

— Да.

— Ну... возраст мой наступит скоро.

— Понимаю, — сказал он, хотя вовсе и не понял. — Так когда ты придешь в возраст?

— Сегодня, — ответила она просто, улыбаясь еще безмятежнее.

Одно долгое, странное, слитное мгновение он глядел на нее молча, затем, не говоря ни слова, притянул к себе и поцеловал.

Талгат уже довольно долго наблюдал за орками и отступил, лишь когда их зверская похоть оскорбила чувства. Бытие ман'ари куда разумнее.

Кроме женственных длиннохвостых созданий с кожистыми крыльями, ман'ари утоляли похоть не совокуплениями, а насилием. Насилие — совершеннее и проще. Талгат умертвил бы обоих звероподобных тварей на месте, но господин строго приказал не вмешиваться. Если эти двое не вернутся в клан, начнется суматоха, поиски, расспросы. Хотя они — лишь ничтожные мошки, мошки тоже могут стать изрядной неприятностью. Кил'джеден приказал лишь наблюдать и исследовать, ничего больше. Раз приказал — так Талгат и сделает.

— Месть — это плод. Он сладок, если дать ему вызреть как следует, — сказал Кил'джеден.

За долгие годы он не раз отчаивался отыскать беглых эредаров. А теперь, пока Талгат докладывал, все больше росли уверенность и радость Кил'джедена.

Талгат послужил хорошо. Понаблюдав за жалкими «городами», сотворенными когда-то могущественным Беленом и кучкой его беглых соратников. Понаблюдав, как они жили, охотясь, словно звероподобные твари, которых называли орками, как возделывали землю, своими руками кладя в нее зерна. Наблюдал, как торговали с заросшими мясом, едва способными к речи тварями, обходясь с ними со смехотворной вежливостью. Кое-какие отзвуки былой силы еще ощущались в их постройках и делах, но владыка Кил'джеден точно порадуется, узнав, как низко пал его бывший Друг.

Дреней — вот как они звали себя теперь. Изгнанники. И мир свой называли Дренор.

Владыка Кил'джеден удивителен в желаниях.

Хочет знать как можно больше про орков, а не про нынешнего Велена. Как организованы орки, каковы их обычаи, кто их вожди и как те достигают власти, что важно отдельному орку и целому их клану?

Работа Талгата была не рассуждать, но попросту докладывать об увиденном — и он старался как мог. Когда наконец Кил'джеден вызнал все выведенное Талгатом, вплоть до имен обеих тварей, спаривавшихся после охоты, исполнился, пусть и ненадолго, удовлетворенной радости.

Наконец-то месть найдет свою цель. Велен и его выскочки понесут наказание. Но не в виде скорой смерти от армии преображенных эредаров, превращающей их в кровавые клочья. Это было бы слишком милосердно. Кил'джеден хотел их смерти, но перед тем хотел их полного, абсолютного, чудовищного унижения. Хотел медленно, сладко раздавить, будто насекомое сапогом.

И теперь знал, как это сделать.

Глава 6

Уроки того времени были жестокими, ценою их стали кровь, муки и смерть. Но едва не принесшее нам гибель нас и спасло. Мы выжили благодаря единству. Раньше каждый клан стоял за себя, каждый орк был свиреп и беззаветно предан своему клану и никому другому. То, ради чего мы объединились и против кого дрались — ужасная, едва ли не роковая ошибка. Мы еще платим за нее.

И поколения после меня еще заплатят. Но само единство — это сила и великое достижение. Знание о силе единства я вынес из пепла нашего прошлого. Именно потому я говорил с вождями столь многих и разных народов, желая объединиться с ними ради цели, которой можно гордиться.

Единство и согласие — вот горький урок прошлого, и я крепко его усвоил.

Довольный и отчасти гордый собою Нер'зул глянул на сумеречное небо. Да, закат сегодня на славу. Не иначе предки довольны.

Вот и прошел очередной Кош'харг. Как-то очень уж скоро стали они сменять друг друга. И на каждом отмечают и радостное, и горестное.

Старая подруга Кашур отправилась к предкам.

Ее клан, Северные Волки, очень ее уважал. Мамашей звали. По рассказам, умерла, сражаясь. Захотела на охоту — впервые за многие годы. Северные Волки охотились на копытней, она — в первых рядах охотников. Копытень затоптал ее насмерть, никто и помешать не успел. Но теперь клан, оплакивая гибель, и праздновал: отмечал ее долгую жизнь и то, как решила расстаться с нею.

Такой уж оркский обычай. Интересно, суждено ли увидиться?.. Ох, неразумный старик. Если посчитает нужным, конечно, явит себя. Для шамана смерть — не юдоль скорби, как для прочих орков, ибо шаманы могут видеть тех, кого любили при жизни, причаститься их мудрости, разделить чувства.

Смерть Кашур стала лишь первым горем, постигшим клан Северного Волка между равноденствиями. Погиб их вождь, Гарад. Обманчиво ясным летним днем охотничья партия натолкнулась на трех огров с их чудовищным повелителем, гронном. Огры глупы, но очень свирепы, а гронн — искусный, коварный враг. Орки победили, но заплатили тяжкую цену. Вопреки усилиям лекарей, и Гарад, и еще несколько орков скончались в тот черный день.

Но с горечью потери вождя — уважаемого и ценимого Нер'зулом — пришла и радость видеть новую молодую силу, получившую предназначенное. Кашур хорошо отзывалась о молодом Дуротане, и, судя по всему, из него выйдет неплохой вождь. Нер'зул был на церемонии именованя вождя и заметил симпатичную, весьма свирепую с виду девушку, поглядывавшую на Дуротана с интересом куда большим, чем прочие сородичи.

Несомненно, к следующему Кош'харгу прелестная Дрека станет супругой нового вождя Северных Волков.

Вздыхнул, перебирая картины в памяти, пока в глаза лился роскошный свет заката. Эх, годы...

приходят, уходят, приносят благословения — и требуют платы.

Все, пора возвращаться к хижине, где долго жил со своей подругой Рулькан. Уже несколько лет тому назад она ушла к предкам. Теперь приходила время от времени — не делиться мудростью, но наполнять сердце нежностью, раскрывая его для чужих печалей и горестей. Так скучно без ее порывистого смеха, ее тепла рядом ночной порой.

Возможно, этой ночью она придет в снах...

Приготовил снадобье, напевая вполголоса, выпил. Зелье не вызывало видений — предки явят себя, лишь если захотят. Временами являлись вовсе неожиданно и в самых неподходящих местах. Но за много лет он узнал: есть травы, открывающие душу спящего, и если спящий одарен способностью видеть духов, поутру он яснее помнит привидевшееся.

Нер'зул закрыл глаза, засыпая, и тут же снова открыл их, уже в яви сна. Вместе с возлюбленной Рулькан он стоял на вершине горы. Сперва подумал: смотрят вместе на закат, но понял вдруг — солнце не опускается в ночную дрему, напротив, сейчас рассвет, изукрашивший небо пышными красками, яркими оттенками алого, пунцового, кровавого, будоражащими, а не успокаивающими и умиротворяющими. И сердце старого шамана забилось утешенно.

Рулькан повернулась к нему, улыбаясь, и заговорила — впервые с тех пор, как вдохнула в последний раз воздух мира живых.

— Нер'зул, мой супруг, это начало нового.

Он охнул, вздрогнув, в груди защемило от любви, от нежности. Душу затопило радостное возбуждение, рожденное удивительными красками рассвета.

— Начало нового?

— Ты хорошо вел наших охотников, но теперь настало время найти корни, углубить старые тропы и протоптать их дальше — ради блага всех орков.

Неловкая мысль, почти подозрение, вдруг родилась. Рулькан не была шаманом, не была вождем. Была просто Рулькан — и этого Нер'зулу хватало с лихвой. Отчего ж она, никогда не повелевавшая в жизни, вдруг заговорила столь властно?

Но, разозленный своим же неверием, Нер'зул подозрение отогнал. Ведь он пока еще не дух, а всего лишь кровь и плоть. Он понимал суть и повадки духов лучше прочих, но знал: не

понимает еще очень, очень многого и не поймет, пока не станет духом сам. В самом деле, почему бы Рулькан не вещать от имени всех предков?

— Я готов слушать.

— Я знала: ты послушаешь, — сказала она, улыбаясь. — Впереди у орков трудные, опасные времена. Раньше мы сходились вместе лишь на Кош'харг. Чтобы выжить, оркам нельзя быть настолько разобщенными.

Рулькан посмотрела на рассветное солнце — грустно, задумчиво. Старому шаману так захотелось обнять ее, утешить, чтоб она рассказала, поделилась печалью — как всегда при жизни. Но теперь он не в силах ни прикоснуться к ней, ни заставить говорить. Поэтому сидел молча, упиваясь ее красотой, изнемогая от желания услышать ее голос.

— На лице этого мира есть грязь, — сказала она спокойно. — Ее нужно убрать.

— Скажи, что это, и я исполню, — ревностно поклялся Нер'зул. — Я всегда чтил заветы предков.

Она повернулась, отыскивая его взгляд, а за спиной все ярче разгоралось восходящее солнце.

— Когда грязь исчезнет, наш народ станет еще величественней и горделивее, станет сильным, овладеет новым могуществом. Мир ляжет к нашим ногам. И ты, Нер'зул, поведешь народ.

Прозвучало в ее голосе странное, отчего больно вздрогнуло сердце старика. Ведь он и так был могуществен. Его клан — клан Призрачной Луны — уважал шамана так, что чуть не боготворил. Он считался главнейшим из орков, вождем вождей — по сути, если и не по имени. Но в сердце всколыхнулось желание власти еще большей. Всколыхнулся и страх — темный, стыдный, но его можно и должно было преодолеть.

— И что же за грязь, что за угрозу нужно уничтожить, прежде чем орки завладеют причитающимся им по праву?

Рулькан рассказала.

— И что это значит? — спросил Дуротан за трапезой, разделенный с двумя, которым доверял больше всего: Дрекой, невестой, после церемонии на будущее полнолуние — женой, и Дрек'Таром, новым главным шаманом клана.

Дуротан вместе со всеми оплакал смерть Кашур. Но чувствовал нутром: в этот день она и хотела умереть, хотела хорошей смерти. Ее не хватало клану — но Дрек'Тар скоро зарекомендовал себя достойным преемником. Не поддаваясь горю, участвовал в охотах, возглавляя шаманов клана. Кашур бы гордилась им. Теперь все трое вкушали трапезу в шатре Дуротанова отца, павшего в битве с ограми и гронном и оставившего сыну власть над племенем.

Дуротан озадачился письмом, что принес тощий, измученный гонец на тощем, измученном черном волке. Перечитывал снова и снова, поедая кашу из крови и разваренных зерен.

Шаман Нер'зул приветствует Дуротана, вождя клана Северного Волка. Предки принесли мне известие, касающееся всех орков, а не только моего клана. На двенадцатый день этой луны я хочу говорить со всеми вождями кланов и всеми главными шаманами. Идите к подножию священной горы, о еде и питье позабочусь я. Если не придете, я приму это как знак безразличия к судьбе нашего народа и поступлю соответственно. Прости мне мой тон, но дело исключительной важности. Пришли ответ с моим гонцом.

Дуротан заставил гонца ждать, пока обсуждали письмо. Гонец злился, но все же согласился подождать немного. Возможно, аромат свежесваренной каши, плывший от большого котла, помог убедить его.

— И я не понимаю, — признался Дрек'Тар. — Видно, Нер'зул считает дело крайне важным. Подобное никогда не случалось вне Кош'харга. Главный шаман всегда созывает шаманов, чтоб и предки, буде кто пожелает, смогли участвовать в совете мудрейших. Но

такое происходит лишь на Кош'харге. И я никогда не слышал, чтоб кто-нибудь созывал вождей. Но я знаю Нер'зула всю мою жизнь. Он могучий и мудрый. Если уж предки решат рассказать об угрозе для всех нас, несомненно, говорить они будут через него.

— Звать вас, будто щенков, по свистку, — чуть ли не прорычала Дрека, — Мне это не нравится.

Смердит высокомерием.

— Что да, то да, — согласился Дуротан.

И ему кровь бросилась в голову, когда прочел.

Так грубо! Поначалу хотел отказаться, но, перечитав, разглядел за высокомерными словами суть.

Старый орк очень обеспокоен. И чтобы выяснить, чем именно, пары дней скачки не жалко.

Дрека смотрела, сощурившись. Он глянул в ответ, улыбаясь.

— Я поеду, и все мои шаманы со мной.

— И я с тобой!

— Думаю, лучше будет, если...

— Я — Дрека, дочь Келкара, сына Ракиша! Я — твоя нареченная, и скоро твоя жена на всю жизнь! Ты не можешь запретить мне ехать с тобой!

Дуротан запрокинул голову и захохотал, счастливый, — такая страсть, такая сила! Правильно выбрал! Вот какая мощь, какой огонь от родившейся такой слабой! С ней во главе клан Северного Волка расцветет.

— Ну, тогда зови гонца, если он уже доел, — согласился Дуротан миролюбиво и весело. — Скажи ему, мы придем на странную Нер'зулову встречу, но лучше б ей и вправду оказаться очень, очень важной.

Шаман и вождь Северных Волков прибыли одними из первых. Нер'зул сам вышел приветствовать их, и, только глянув на шамана, Дуротан понял: спешили не зря. За немногие месяцы, прошедшие с последнего Кош'харга, шаман страшно постарел. Выглядел, будто долго не ел, — тонкий, ветхий, едва живой, будто выжженный изнутри.

А в глазах его поселился ужас. Взял Дуротана за плечи трясущимися руками, поблагодарил — искренне и страстно, будто за спасение.

Нет, тут не фальшивые игры в главенство, а самая настоящая тревога. Дуротан кивнул старому шаману, затем отправился смотреть, как устроились его люди.

Еще несколько часов, пока солнце медленно катилось к горизонту, на луга у подножия священной горы все собирались и собирались орки — будто на Кош'харг. Яркие флажки кланов трепетали на ветру. Дуротан улыбнулся, увидев символ клана Черной Горы — Оргримова клана. После того как стали взрослыми, они встречались куда реже — времени не хватало. Оргрим был на церемонии посвящения Дуротана в вожди, но потом они и не виделись. Дуротан наблюдал с удовольствием, как Оргрим вышагивает вслед за Черноруком, угрюмым и устрашающим вождем клана Черной Горы. Значит, теперь друг — второй по главенству в своем клане. Впрочем, неудивительно.

Дрека заметила, куда смотрит нареченный, рыкнула довольно. Они с Оргримом ладили, и Дуротан был благодарен судьбе за то, что двое самых дорогих ему существ оказались дружны.

Пока Чернорук говорил с Нер'зулом, Оргрим подмигнул Дуротану, ухмыляясь. Тот ухмыльнулся в ответ. Как скверно Нер'зул ни выглядел, и какие бы скверные новости ни приготовил, все же повод друзьям увидеться. Но Чернорук отошел от шамана, фыркнув, махнул Оргриму — за мной, дескать. Эх, досада — если Чернорук требует, чтоб Оргрим все время его сопровождал на странном сборище, так и не поговоришь толком.

Дрека, так хорошо понимавшая жениха, тронула его ладонь, сжала. Ничего не сказала — к чему слова. Дуротан посмотрел на нее, улыбнулся.

Тот же самый долговязый тощий гонец принес известие, что Нер'зул отложил встречу до завтра — некоторые придут ночью. Лагерь Северных Волков оказался меньше прочих — но и спокойнее. Походные палатки и шкуры привезли с собой, а гонец позаботился, чтобы хватало мяса, рыбы и плодов. Над костром медленно поворачивалась талбучья ляжка, ее дурманный запах подхлестывал аппетит, пока орки наслаждались сырой рыбой. От клана Северного Волка прибыло одиннадцать: Дуротан с Дрекой, Дрек'Тар и восемь шаманов. Некоторые, на Дуротанов взгляд, сущие молокососы, но, хотя мастерство шаманов и росло со временем, всех, кому явились предки, уважали и почитали одинаково.

У края светлого круга, отбрасываемого костром, появился чей-то силуэт. Дуротан поднялся во весь внушительный рост — на случай, если гость перепил и захотел подраться. Но затем изменившийся ветер донес Оргримов запах, и Дуротан рассмеялся.

— Заходи, дружище!

Обнялись, пошлепали друг друга по спинам.

Хоть ростом и равный Дуротану, Оргрим был шире и крепче — как и в детстве. Второй по старшинству в клане Черной Горы, хм... Неужто кто-то в чем-то может Оргрима превзойти?

Оргрим хлопнул друга по плечу.

— Немного вас тут, но пахнет лучше, чем у других! — заметил, крикнув, глядя на жарящееся мясо и жадно втягивая запах.

— Ну, так отдери кус и оставь заботы за плечами, — предложила Дрека.

— Охотно, если б время позволяло. — Оргрим вздохнул. — Для меня было бы большой честью, если б вождь Северных Волков прогулялся со мной немного.

— Ладно, прогуляемся.

Шли от лагеря, пока огни костров не превратились в мерцающих вдалеке светляков. Теперь можно не опасаться чужих ушей и глаз. Оба как следует принялись, молчаливо, с терпением прирожденных охотников выжидая, не появится ли кто.

— Чернорук не хотел, чтоб мы ехали к шаману, — сообщил наконец Оргрим. — Говорил: унизительно это, бежать, как щенки, по крику старика.

— Мы с Дрекой тоже так посчитали. Но, придя, я увидел лицо Нер'зула — и рад, что пришел.

Ты его тоже видел.

— Да я-то увидел тоже. — Оргрим фыркнул презрительно. — Но когда я из нашего лагеря уходил, Чернорук еще бесновался, шамана клял. Наш вождь не видит того, что видим мы с тобой.

Дуротан не стал говорить плохое про вождя чужого клана, хотя большинству он не нравился.

Ведь могучий орк в самом расцвете сил, больше и сильнее любого — Дуротан таких огромных не видел. И не глупый вовсе. Но от него прямо зло берет. Впрочем, так или иначе, язык лучше придержать.

— Даже в темноте я вижу, как тебе хочется высказаться и как ты себя сдерживаешь, — сказал Оргрим спокойно. — Тут слова не нужны, я и так понимаю, что ты мог бы сказать. Он — мой вождь, я поклялся ему в верности и клятвы не нарушу. Но меня терзают опасения.

— Тебя? — спросил Дуротан удивленно.

— Верность говорит мне одно, ум и сердце — другое. Желаю тебе никогда не оказаться в таком положении. Как его правая рука, я могу временами смягчить его дух — но не слишком. Он — глава клана, он — сила и власть. Остается лишь надеяться, что когда-нибудь он начнет слушать других и перестанет нянчиться со своей больной гордостью.

Что ж, остается в самом деле лишь надеяться.

Если дела так же страшны, как Нер'зулово лицо, не хватало только, чтоб вождь одного из сильнейших кланов вел себя, будто балованное дитя.

Наконец Дуротан заметил оружие, висящее за спиной Оргрима, и сказал с гордостью и горечью:

— Ты носишь Молот Рока? Я не знал, что твой отец ушел к предкам.
— Он умер доблестно, — ответил Оргрим.
И, поколебавшись, спросил:
— Помнишь тот день, когда нас погнал огр, а дренеи пришли на помощь?
— Никогда не забывал и не забуду.
— Их пророк говорил про то время, когда я получу Молот Рока. А я так мечтал владеть им, нести его на охоту. Но тогда я впервые понял — я имею в виду, по-настоящему понял, — что день, когда Молот станет моим, это день, когда я останусь без отца.
Отстегнул Молот, поднял, взмахнул, будто танцор у костра, — плавное равновесие ловкости, мощи, грации. Лунный свет играл на сильных мышцах, оттенял движения — ударить, уклониться, замахнуться, прыгнуть. Наконец, дыша тяжело и роняя капли пота, Оргрим вложил на место легендарное оружие.
— Чудо-оружие, — сказал Оргрим тихо. — Оружие пророчества, могучее и несокрушимое, гордость моего рода. Но я б расколол его на тысячу кусков, лишь бы только вернуть отца.
Молча Оргрим повернулся и зашагал к мерцающим вдалеке огням. Дуротан следом не пошел.
Долго еще сидел, глядя на звезды, чувствуя самым нутром, что завтра мир, какой он видел до сих пор, исчезнет навсегда, сменится другим, невиданным и страшным.

Глава 7

Я понимаю: мы, орки, потеряли куда больше, чем приобрели. Когда-то мы были чисты, просто душины, невинны — будто нежно опекаемые, озорные, но любимые дети. Но всякое детство кончается, а для взрослых мы остались слишком наивными.

Я знаю: без доверия нельзя жить. Несправедливо упрекать меня в излишней недоверчивости.

Но жизнь научила нас осторожности. И те, чьи лица чисты, умеют лгать. И даже те, кто сам искренен и кому мы верим всей душой, могут быть обмануты.

Глядя в былое, я оплакиваю гибель нашей невинности и наивности. Но именно наша невинность привела нас к падению.

Вожди собрались, и что же — ни единой улыбки на лицах. Уныние, угрюмая злоба, тревога. Дуротан стоял, приобняв Дреку за талию, защищая, хотя и сам не знал отчего. Но казалось — защищать надо. А на лицо Дрек'Тара страшно было глянуть.

Лучше бы рядом был Оргрим — сильный, верный, надежный. Хоть из другого клана, других обычаев — кому еще довериться? Но Оргрим, конечно, стоял рядом со своим вождем, Черноруком, глядевшим на собравшихся шаманов с плохо скрываемым раздражением.

— Этот слишком долго на охоту не ходил, — заметила Дрека, кивнув в сторону Чернорука. — Так и нарывается на драку.

— Так может и нарваться. — Дуротан усмехнулся и вздохнул. — Ты посмотри на лица.

— Я таким Дрек'Тара никогда не видела, даже когда погибла Кашур.

Дуротан кивнул согласно, продолжая внимательно наблюдать за окружающими.

Нер'зул выступил в центр собравшейся толпы — та раздвинулась, освобождая проход. Затем шаман пошел кругом с востока на запад, бормоча. Приостановился, воздел руки — и перед ним взметнулось из земли пламя. По толпе пробежало удивленное: «Ох...». Удивились даже те, кто видел подобное много раз. Пламя взвилось высоко в небо — но сразу ослабло, успокоилось и стало как обычный костер, хотя и магический.

— Грядет тьма — и в мире, и в душах, — возвестил Нер'зул. — И потому садитесь у костра, каждый клан отдельно, вместе со своими шаманами.

Я призову вас, когда придет время говорить.

— А может, ты хочешь, чтоб мы тебе и добычу принесли, и к твоим ногам улеглись

вечерком, похрюкивая? — послышался вдруг сердитый голос.

Дуротан его знал и в детстве частенько слыхивал его на Кош'харгах, и на охоте слышал — там от него кровь стыла в жилах. Ни с чем не спутаешь — это Гром Адский Крик, вождь клана Песни Войны. Хоть бы только не помешал шаману говорить!

Гром стоял впереди орков своего клана — тоньше, чем многие, но высоченный и угрожающий.

Клан Песни Войны носил черное и красное, и, хотя Гром пришел без брони, крашенная кожа на нем смотрелась пострашней, чем полный доспех на ком-либо ином. Гром сложил руки на груди и уставился на Нер'зула вызывающе.

Нер'зул на оскорбление не ответил, лишь вздохнул глубоко.

— Я знаю: многим из вас кажется, что ваша честь оскорблена. Ну, так позвольте мне говорить, и тогда скажете спасибо мне за то, что пришли сюда.

Не только вы, но и дети детей ваших скажут спасибо.

Гром зарычал, глядя свирепо, но больше ничего не сказал. И, пожав плечами — дескать, сам хочу, а вы мне не указ, — уселся. Его клан — следом.

Нер'зул выждал, пока все успокоились, и заговорил:

— Мне было видение, пришедшее от того, кому я доверяю больше, чем себе. Явившаяся открыла мне угрозу, прячущуюся, будто скорпион за цветущим кустом. Все прочие шаманы, буде им предоставлено право говорить, подтвердят мои слова. Мне очень горько, и я в ярости — нас так постыдно обманули!

Дуротан слушал, не веря своим ушам, и лишь сердце билось все быстрее, возбужденней. Кто же этот чудовищный враг? Как же столь черное злодейство ускользало от внимания?

Нер'зул вздохнул снова, глядя в землю, потом поднял голову и выговорил с усилием, голосом глубоким и сильным, но исполненным скорби:

— Враг, о котором я говорю, — дренией.

Толпа взорвалась криком.

Дуротан прямо онемел от удивления. Поискал глазами Оргрима — тот выглядел таким же сконфуженным, удивленным, недоверчивым.

Дренией? Что-то здесь не так. Гронны, конечно, могли задумать плохое, если натолкнулись на особое оружие против ненавистных орков. Но дренией?..

Да они и не воевали вовсе так, как орки воюют.

Охотились, конечно, так им мясо нужно было, чтоб жить, как и оркам. С гронном могли справиться, иногда помогали партии-другой охотников. Дуротан вспомнил снова тот день, когда двое молодых орков бежали стремглав от огра, под чьими ногами дрожала земля, а синие существа явились из ниоткуда и спасли. Неужто б они рискнули жизнями ради двух оркских мальчишек, если и вправду были настолько злы, как говорит Нер'зул? Какой смысл? Да вся эта болтовня про угрозу бессмысленна!

Нер'зул призывал к тишине — безуспешно. Чернорук вскочил, разъяренный, аж вены надулись на толстой шее, а Оргрим отчаянно пытался успокоить вождя. Жуткий рев разорвал воздух, терзая уши, тисками сжимая сердце, — это встал Гром Адский Крик, запрокинул голову, раскрыл рот так широко, что оттуированная черным челюсть едва на грудь не падала, и заорал. С боевым кличем Адского Крика ничто не могло сравниться — над собравшимися повисла тишина.

Гром открыл глаза и подмигнул Нер'зулу, совсем не обрадованному внезапным превращением врага в помощника.

— Пусть шаман говорит, — велел Гром.

Настолько полная повисла тишина после жуткого крика, что слова Грома услышали все, хотя и сказал он их негромко.

— Я хочу узнать больше про этого старого врага, который вот-вот станет новым.

Нер'зул улыбнулся в знак благодарности.

— Знаю — вы напуганы. Я тоже был ошеломлен и напуган. Но предки не лгут! Якобы

благожелательные, дреanei долгие годы выжидали благоприятного момента, чтобы напасть на нас. Они прячутся в домах, сделанных из непонятных материалов, и лелеют секреты, сулящие им огромную выгоду.

— Но почему? — вырвалось у Дуротана помимо воли.

Вот же ляпнул! Повернулись, смотрят... хочешь — не хочешь, надо говорить.

— И с чего бы им нападать на нас? Если хранят такие секреты огромные, к чему им на нас нападать? И если про секреты и зло — правда, как же мы победим их?

— Этого я не знаю, — ответил Нер'зул чуть смущенно. — Но этого хотят предки.

— Нас больше, — проворчал Чернорук.

— Не настолько же! — возразил Дуротан. — Они же знают и умеют куда больше нас. Чернорук, они ж приплыли на корабле, который между мирами странствует. Думаешь, их можно победить стрелами и топорами?

Чернорук нахмурился и собрался ответить, но вмешался Нер'зул и пресек спор в зародыше.

— Их зло готовилось десятилетиями, варилось, будто суп на медленном огне. И к нам решимость и победа придут не за одну ночь. Я не прошу вас начинать войну прямо сейчас. Но помните о грядущей войне. Готовьтесь. Обсудите со своим шаманом правильные действия. И откройте рассудки и сердца для нашего единства — лишь едиными мы сможем победить! Мы — из разных кланов, у каждого своя история и обычаи. Я не прошу вас отказываться от них, но лишь задуматься над союзом сильных! Вместе мы станем неодолимы! Все мы — орки! Черная Гора, Песнь Войны, Громоборцы, Драконья Пасть... разве не видите, сколь малы различия между нами? Мы — один народ!

Все мы хотим того же: безопасного, уютного жилья для детей, удачной охоты, любящих жен и мужей, почетного места в ряду предков. Сходств у нас куда больше, чем различий!

Правильно сказано, не поспоришь. Дуротан глянул на Оргрима, стоявшего позади своего вождя. Невесел был Оргрим. Стоял, выпрямившись гордо, высокий, внушительный, угрюмый. Но, заметив Дуротанов взгляд, кивнул — тоже, мол, согласен.

Конечно, были те, кто не одобрял дружбы между юношами разных кланов — к тому же весьма буйными и проказливыми юношами. Но Дуротан не стал бы тем, кем стал, если б не было рядом спокойного, сильного Оргрима, и нутром чуял — Оргрим чувствует то же самое.

Эх, непонятно, что же там с дренеями?

— Можно ли сказать мне?

Дуротан повернулся, удивленный, услышав голос Дрек'Тара. Вопрос был адресован не только к вождю, но и к главе шаманов.

Нер'зул вопросительно глянул на Дуротана, тот кивнул.

— Мой вождь, — выговорил Дрек'Тар. К Дуротанову изумлению, его голос дрожал, — мой вождь, сказанное Нер'зулом — правда. Мать Кашур подтвердила это.

Прочие шаманы клана Северного Волка закивали. Мамаша Кашур? Если Дуротан и доверял кому, так это старой шаманке.

Тут же вспомнилась пещера и холодное прикосновение к лицу, когда он стоял, вслушиваясь и вглядываясь изо всех сил, а Кашур говорила с кем-то, кто был рядом, но кого Дуротан ни видеть, ни слышать не мог.

— Мать Кашур сказала, что дреanei — наши враги? — спросил, не веря собственным ушам, Дуротан.

Дрек'Тар кивнул.

— Настало время всем вождям кланов послушать своих шаманов, как послушал Дуротан, — объявил Нер'зул. — Мы сойдемся снова на закате, и вожди сообщат мне свое мнение. Спросите своих шаманов — они всегда рядом, им вы привыкли доверять. Спросите, что они видели!

Толпа начала расходиться. Осторожно поглядывая друг на друга, Северные Волки побрели к лагерю. Не сговариваясь, уселись кругом, глядя на Дрек'Тара, а тот заговорил медленно, взвешивая слова:

— Дренеи — не друзья нам. Мой вождь... я знаю — вы и Молот Рока из клана Черной Горы провели ночь под их крышами и хорошо отзывались о них. Я знаю, вы думаете, что они спасли вам жизнь. Но позвольте спросить: неужели вам ничего не показалось странным, неправильным?

Дуротан вспомнил ревущего огра, бегущего к ним, замахивающегося дубиной, и то, с какой странной, пугающей быстротой появились дрены. И как раз оказалось, что вечер и домой не успеть...

Нахмурился — неловко и думать, что все это подстроено... но все-таки, все-таки...

— Мой вождь, вы хмуритесь? Я так понимаю, ваша юношеская вера в дренеев поколебалась?

Дуротан не ответил и смотрел не на главного шамана своего клана, а под ноги, ненавидя свое сомнение, но не в силах его побороть. Оно ползло в сердце, ледяное и цепенящее, будто иней зимним утром.

Как он сказал Ресталаану: «Мы, орки, были совсем другими тогда». «Да, другими, — ответил Ресталаан. — Мы наблюдали, как орки возрастали силой, умениями и способностями. Вы нас очень удивили».

И снова ощутил укол обиды и подозрения — будто похвала была искусно скрытым оскорблением, словно дрены считали себя лучше — даже с их неестественно синей кожей, с ногами будто у талбука, длинными ящеричьими хвостами и блестящими синими копытами вместо простых, нормальных ног, как у орков...

— Говорите же, мой вождь, что вам вспомнилось?

Хриплым, срывающимся голосом он рассказал о скрытом высокомерии дренеев, о внезапном появлении Ресталаана. И о том, что их пророк, Велен, много выпрашивал про орков — и не из вежливости. Был очень заинтересован.

— Само собою, — заметил Дрек'Тар. — Возможность великолепная! Да они замыслили против нас с самого прибытия, сведения собирали. И вот наткнулись на двух наивных детей, готовых захлеб рассказать про все, что знают! Да это просто подарок!

Предки не лгут ни в малом, ни в важном, а уж в особенности в таком. Дуротан вспоминал события того дня и вечера — и действия Велена казались все подозрительнее. И все же — неужто он настолько преуспел в обмане, что и чувство теплоты и глубокого доверия и у самого Дуротана, и у Оргрима было всего лишь иллюзией, лживым мороком?

Дуротан снова склонился угрюмо.

— Все же я не убежден, — сказал тихо. — Сомнение живо. Однако я не могу рисковать будущим своих людей из-за своих зыбких сомнений.

Нер'зул не предлагал нападать завтра. Он предложил тренироваться, наблюдать, готовиться, сближаться тесней с другими кланами. Этим я и займусь — ради блага Северных Волков и всех орков.

Посмотрел в каждое встревоженное лицо — и просто сородичей, единоплеменников, и в лица тех, кого любил: Дреки, Дрек'Тара.

— Клан Северного Волка будет готов к войне!

Глава 8

Как же легко рождается ненависть из страха!

Это простейшая, врожденная защитная реакция.

Вместо того чтобы подумать о соединяющем нас, мы упираемся в разделяющее, отличающее. Моя кожа — розовая, твоя — зеленая. У меня — клыки, у тебя — длинные уши. Моя кожа нага, твоя — покрыта шерстью. Я дышу воздухом, ты — нет.

Если б мы продолжали упираться в подобные различия, Плавающий Легион никогда не был бы побежден. Я тогда едва ли пожелал бы союза с Джайной Праудмур, не смог бы сражаться плечом к плечу с эльфами. Тогда мой народ не дожил бы до союза с тауренами и Отрекившимися.

Но в дрениях мы увидели лишь рознь. Тогда наша кожа была темно-смуглой, красноватой. Их — синей. У нас были ноги, у них — копыта и хвосты.

Мы жили большей частью под открытым небом, они — под крышами, в городах. Мы жили недолго, а сколько жили они, никто и не догадывался. И неважно, что мы видели от них лишь добро, получали помощь и ответы на все, что нам приходило в голову спросить. Неважно, что они торговали с нами, обучали нас, делились знанием. Все это потеряло значение, когда предки научили нас видеть, сколь отличались дренией от нас, и мы увидели это воочию.

Теперь я каждый день молюсь, чтобы моим народом руководила мудрость. И в молитве моей — просьба, чтобы мы никогда более не обманулись внешними различиями.

Началась серьезная подготовка. Почти у всякого клана было в обычае тренировать молодых, как только те достигнут седьмого года жизни. Но раньше с тренировками особо не усердствовали — хотя они и оставались суровыми. Оружие предназначалось для охоты, а не для войны с разумными существами, обладающими оружием и умением им владеть, причем оружием и умением совершеннее оркских. К тому же всегда хватало и взрослых охотников, с легкостью приносящих добычу.

Молодежь училась в меру сил, неспешно, и оставалось вдоволь времени для игр, для того, чтоб радоваться своей юности.

Теперь все изменилось.

Призыв к единству был услышан. Гонцы загоняли волков, разнося известия от клана к клану.

Тут чья-то светлая голова додумалась тренировать кровавых ястребов для переноски писем. Получилось оно не сразу, пришлось изрядно попотеть.

Но потихоньку Дуротан привык видеть алых птиц в небе над стойбищем клана — ястребы без устали носили письма Дрек'Тару и прочим озабоченным связью между кланами. Идею поддержал горячо — чем больше живого на своей стороне, тем легче битва.

Обычные стрелы, копья и топоры были рассчитаны на зверей, но для войны с дрениями их не хватило бы. Особое внимание уделили защите: если раньше броню делали против клыков и когтей, теперь доспехам требовалось спасать от копейного острия и меча. Раньше кузнецов были считанные единицы — теперь главнейшие мастера набрали по дюжине учеников. Молоты день и ночь звенели в кузнях, шипела сталь, погружаемая в холодную воду. Орки день и ночь махали кайлом, добывая нужную для доспехов и оружия руду. Охоты, раньше устраиваемые по мере нужды в мясе, теперь сделались ежедневным обыкновением — мясо сушили и вялили про запас, кожи требовались для доспехов.

Молодежь, пришедшая тренироваться, казалась чересчур недорослой — по крайней мере, Дуротану. Глядя на них, вспоминал, как отец учил обращаться с копьем и секирой. Что бы он подумал про этих малышей, горбящихся под весом новой сверкающей брони, сжимающих оружие, прежде неизвестное ни единому орку?

Теперь время стало драгоценностью. И свадьбу нового вождя отметили лишь скорым, простым ритуалом.

Дрека подошла, тронула нежно спину, успокаивая — всегда ведь догадывалась, о чем думал муж.

— Конечно, лучше б мы родились во времена мира. Даже самые кровожадные не оспорят этой простой истины. Но такая уж наша судьба — и от нее мы бежать не станем.

— Конечно, не станем. — Дуротан улыбнулся грустно. — Мы — воины. Наша стихия — азарт охоты, боевой клич, кровь и победа. Пусть они — малыши, но они сильные и сумеют выучиться. Ведь они — Северные Волки.

Помолчав, добавил свирепо:

— Они ведь — орки!

— Прошло много времени, — сказала Рулькан.

— Я знаю... но моему народу нельзя бросаться в битву, не подготовившись, — ответил

Нер'зул. — Сейчас дренеи намного превосходят нас силами.

Рулькан заворчала сурово, но улыбнулась.

Странно: или показалось, или улыбка и в самом деле вынужденная, будто вытянутая силой?

— Мы тренируемся со всей возможной поспешностью, — добавил быстро, не желая обидеть дух той, кто была рядом всю жизнь.

Рулькан молчала. Ясно, что оркская подготовка не казалась ей скорой.

— Возможно, ты смогла бы помочь нам... советом, — промямлил он вдруг, сам не понимая, что несет. — Возможно, есть знание, доступное тебе...

Рулькан нахмурилась, затем приподняла голову, словно прислушиваясь.

— Я сказала тебе все, что знаю... но есть другие существа... другие силы, о которых живые не догадываются.

Нер'зул едва не поперхнулся, услышав такое.

— Есть духи стихий... есть духи предков, — выдавил он наконец. — Какие еще существа?

— Муж мой, на твоих губах еще теплое дыхание. — Рулькан улыбнулась снова, — Ты еще не готов встретиться с ними. Они помогают нам, чтобы мы могли помочь вам, нашим возлюбленным, оставшимся в мире живых.

— Я не могу ждать! — взмолился Нер'зул, понимая, что совершает недостойное и недозволенное, умоляя дух, но ничего не мог с собой поделать, — пожалуйста, ради будущих поколений орков, помоги нам, помоги, чем можешь!

Нер'зулу нравилось быть центром внимания каждого орка из каждого клана. Давнее обещание силы и власти запало, вьелось в душу — и родило горячее стремление к ним. А кроме того, Рулькан вселила такой страх перед дренеями, что внезапное кажущееся нежелание помочь полностью выбило шамана из колеи.

Рулькан глянула оценивающе.

— Возможно, ты и прав. Я попрошу, чтобы они заговорили с тобой. Среди этих существ есть один, кому я доверяю более всего, чья любовь к нашему народу в особенности глубока.

Он кивнул, по-детски обрадовавшись. Открыл глаза в мире яви, улыбнулся. Скоро уже, очень скоро он увидит таинственный благоволяющий дух.

Гул'дан улыбнулся, принеся мясо и фрукты для подкрепления сил учителя.

— Учитель мой, новое видение?

Поклонился низко, поднося пищу и чашку парящего отвара из трав. По совету Рулькан Нер'зул начал пить отвар смеси особых трав, заваренных строго в нужной пропорции. Она объяснила, что такой отвар поможет поддерживать разум и душу открытыми для видений. Поначалу снадобье показалось отвратительным, но Нер'зул не подал виду. А теперь с удовольствием пил и поутру, и еще трижды в день. И сейчас с благодарностью принял чашку, кивнул в ответ на вопрос.

— Именно... и я узнал важное. Сколько существуют орки, столько существуют и их шаманы.

А работа шамана — звать духов стихий и говорить с предками.

— Да, конечно, — подтвердил Гул'дан озадаченно.

Нер'зул не смог сдержать усмешки, растянувшей его губы над клыками.

— Это воистину так. Но есть и неизвестное нам ранее. Предки могут видеть существ, которые недоступны живым. Рулькан говорила с этими существами. Мудростью и знаниями они превосходят даже наших предков — и они пришли к нам на помощь. Рулькан сказала мне, что есть среди них один, в особенности заботящийся об орках, и вскоре он явится ко мне!

— А может, и ко мне? — Глаза Гул'дана заблестели.

— Ты силен. — Нер'зул улыбнулся. — Иначе я б не избрал тебя учеником. Да, я думаю, он явится и тебе — когда сочтет достойным, как счел меня.

— Да будет так, — промолвил Гул'дан, склонив голову, — Для меня честь — служить вам и всем оркам. Настают времена великой славы, и наше счастье — родиться в них.

Клан Черной Горы с Черноруком во главе испросил чести ударить первым. Конечно, кое-кто ворчал и протестовал, но охотничье умение клана славилось повсюду, да и жил клан вблизи Тэлмора, небольшого окраинного города дрениев. Клану Черной Горы выдали первые доспехи, мечи, стрелы с железными наконечниками и прочую воинскую снасть, назначенную погубить дрениев.

Оргрим с Молотом Рока за спиной ехал рука об руку с вождем клана, одетый с головы до ног в железо — тяжелое, стесняющее движения. Везущему его волку доспехи тоже не нравились, и он время от времени поворачивал тяжелую голову, клацал зубами у Оргримовой ноги, будто назойливое насекомое хотел отогнать. И бежал тяжелее обычного по мягкой луговой траве, трудно дыша, высунув язык.

Оргрим чертыхнулся вполголоса. Надо же, так просто — взяли да и поехали на войну с новым врагом. Все повскакивали, да и он тоже, руками замахали, заголосили радостно. И никто не подумал, как тяжело готовился к такой войне. Волков-то надо еще больших выводить, чтоб вдобавок к тяжеленным мускулистым оркам несли еще и броню с оружием.

Оружие уже довелось опробовать — нападали с ним на огров. Ведь хотя дрениеи быстры и сообразительны, а огры неуклюжи и глупы, драка с ними больше похожа на войну с новым врагом, чем охота на талбуков. Сначала потеряли нескольких воинов — их тела были сожжены со всеми подобающими почестями на погребальных кострах.

Руки не привыкли к новому оружию, броня стесняла движения, но каждая новая атака проходила лучше и легче. В последний раз сражались не только с парой огров, но и с их чудовищным хозяином, гронном, соединявшим огрскую свирепость с недюжинной злобой и смекалкой, и потому куда опаснейшим. Погибли двое храбрых воинов, прежде чем Оргрим сумел нанести последний удар оружием пророчества, опустив Молот Рока на воющего гронна.

Чернорук тогда стоял рядом, потный, забрызганный своей кровью и кровью убитого чудовища. Отер лицо латной перчаткой, лизнул кровь, ворча.

— Два огра заодно с их повелителем! — выдохнул он и похлопал Оргрима по плечу, — Да у жалких дрениев и шансов нет устоять против нас!

Потея под солнцем, плескавшим о яркий металл доспеха, слепящим глаза, Оргрим кивнул согласно. Жажда битвы загорелась в его крови. Он доверял Нер'зулу и шаману своего клана. А поговорив с Дуротаном, уверился: хоть когда-то дрениеи и обошлись с ними гостеприимно и по-дружески, вели себя они подозрительно. Да и духи предков никогда прежде не подводили. С чего бы им ошибаться сейчас?

Но пока ехал бок о бок с господином к месту, где заметили охотничий отряд дрениев, сомнения росли. Дрениеи странные — ну и что? Когда они прибыли сюда, наверняка орки показались им странными. Неужто смерть — соразмерное наказание за различие? Разве дрениеи хоть когда-то нападали на орков? Разве хоть раз оскорбили? А сейчас полторы дюжины закованных с головы до пят в железо и вооруженных до зубов воинов клана Черной Горы ехали, чтобы перебить горстку синекожих, без всякого злого умысла добывающих себе пищу. Неожиданно — и неприятно — в памяти Оргрима всплыло лицо девушки-дрениеи, ее робкая улыбка. Может, ее отец или мать умрут сегодня, таким погожим красивым днем?

— Что-то невесел ты, моя правая рука, — заметил Чернорук сурово, и Оргрим едва не вздрогнул, застигнутый врасплох. — О чем задумался?

«О сиротах», — подумал Оргрим, а вслух пробурчал:

— Думаю, какого цвета у дрениев кровь. Чернорук запрокинул голову и захохотал. На соседних деревьях закаркали испуганно — воронья стая, загомонив, кинулась прочь, перепуганная голосом вождя Черной Горы.

— Я позабочусь, чтоб она осталась на твоём лице, — посмеиваясь, сказал вождь.

Оргрим ничего не ответил, лишь зубы стиснул.

Конечно, дитя-то невинно, но его родители заслужили смерть — если злоумышляют против орков.

Скрываться и не пытались — спокойно подъехали к охотникам-дренеям. Разведчики донесли: тех одиннадцать, шесть мужчин и пятеро женщин, они встретили стадо копытней. Хотя большого косматого копытня трудно убить, стадо их агрессивностью растревоженных талбуков не отличалось, и дренеи уже сумели отбить от стада молодого самца. Тот ревел, копытил землю и наставлял рог на охотников, но исход охоты сомнений не вызывал — если б не орки.

Чернорук выстроил отряд на гребне холма. Оргрим чуял возбуждение сородичей, чувствовал, как дрожат их тела под новенькой броней, как стискиваются кулаки, желающие обнять новое, полузнакомое оружие. Вождь поднял руку в латной перчатке, уставился маленькими глазками на суету внизу, выжидая удобного момента. Еще немного, и кинется, будто ястреб на луговую крысу!

Повернулся к шаманам, одетым во все черное, тоже закованным в броню, но без оружия — к чему им? Их дело — врачевать павших и обрушить на врага мощь стихий.

— Готовы? — спросил их.

Старший кивнул — глаза его пылали яростью, губы искривились в презрительной ухмылке. Он тоже захотел увидеть кровь дрениев.

Чернорук зарычал, махнул рукой — и воины понеслись, голося истошно, испуская боевые кличи. Синекожие обернулись, испуганные, недоумевающие. Поначалу, наверное, лишь удивились: с чего стольким оркским воинам верхом на волках помогать охоте на одного копытня? И лишь когда Чернорук мощным ударом двуручного меча развалил главаря дрениев надвое, те поняли: орки пришли не за копытнем, но за ними.

Надо отдать им должное — они не застыли, оцепенелые от ужаса, но немедленно дали отпор.

В переливчатых чужих голосах слышалась лишь легчайшая тень страха. Хотя Оргрим смысла и не уловил — это у Дуротана хорошо получалось со словами, не у него, — но помнил звучание сказанного еще с того дня, когда дренеи спасли их с Дуротаном в лесу, заранее предупредил шаманов, чего ожидать, и те были готовы. Потому когда в небе затрещали сине-серебристые молнии, шаманы встретили их своими. Вспышки слепили, и Оргрим посмотрел вниз, сосредоточившись на ближайшем воине-дренее, одетом в броню, с посохом, светящимся и брызжущем искрами. Заревев, поднял Молот Рока над головой и обрушил на врага, смяв броню, будто тонкий оловянный браслет. Кровь и мозг брызнули наземь.

Осмотрелся, выискивая следующую цель. Кое-кто из воинов клана барахтался в сети из нечистых, противоестественных молний дрениев. Сильные и гордые воины кричали от боли, дрожа, когда раскаленное плетение впивалось, прожигало кожу. Кислый запах горелой плоти, вонь крови и страха смешались в Оргримовых ноздрях — восхитительная, пьянящая смесь!

Ветер коснулся лица, изгоняя вонь, наполняя легкие свежестью. Оргрим избрал следующую жертву: женщину, безоружную, но окутанную пульсирующим голубым облаком колдовских молний. И охнул, изумленный, когда Молот Рока отскочил, едва не вырвавшись из рук, сотрясши самые кости. Один из шаманов ударил — и Оргрим заорал радостно, глядя, как добрая старая молния побивает волшебю дрениев. Взмахнул молотом снова — и на этот раз череп врага разлетелся послушно.

Все, бой решен. Еще двое дрениев на ногах, но через мгновение и они пали под ударами. Крики, рык, впивающиеся в мягкую плоть лезвия — и тишина. Победа!

Правда, загнанный копытень сбежал.

Оргримова сердце колотилось в груди, кровь, разгоряченная боем, стучала в ушах. Охота всегда приносила радость, но это... такого никогда и не ожидал! Иногда и звери отбивались, нападали, но разве сравнится зверь с добычей, подобной дренеям, — разумной, могучей, сражающейся на равных, а не когтем и клыком против стали? Как это ново и поразительно! Запрокинул голову и захохотал — не иначе опьянев от боя и убийства.

Поляну оглашали улюлюканье и грубый гогот победивших орков — живых врагов на ней не осталось. Чернорук подошел к Оргриму, обнял неуклюже, лязгнув броней.

— Ну и споро же молотом машешь, даже глаз не ловит, — проворчал вождь, усмехаясь. — Здорово ты сегодня дрался! Не зря я назначил тебя старшим после меня!

Нагнулся над поверженным магом, стянул латные перчатки. Череп женщины был расплюсчен, синяя кровь разлилась лужей. Вождь окунул в нее руку и тщательно вымазал лицо Оргрима кровью врага. И будто всколыхнулось внутри: Оргрим вспомнил охоту посвящения, первую добычу, горячую алую кровь, вспомнил, как шел к Священной горе с кровью отца на лице. И вот вождь помазал снова кровью поверженного врага, снова посвятил!

Капля темно-синей жижи скатилась по щеке к уголку рта. Оргрим высунул язык, тронул — кровь врага оказалась сладкой.

Кровавый ястреб уселся на хозяйской руке, глубоко вонзив когти в защитную перчатку. Нер'зул ходил беспокойно, пока сокольный отцеплял и разворачивал донесение. Дождавшись, схватил, быстро пробежал записку глазами.

Так просто, просто до невероятия. Без потерь!

Хотя не без раненых, конечно. Первая же вылазка — и столь полная победа! За строчками так и чувствуется презрение Чернорука. Налетели, разможили черепа... быстро и просто. Все, как обещала Рулькан. Уже скоро, скоро появится существо, помогающее Рулькан. Эта победа показала силу орков, ведомых Нер'зулом.

Перечитал записку. Да, с выбором не ошибся: именно Чернорука и его клан следовало посылать в бой первыми. Сильные, свирепые и, в отличие от многих других — к примеру, клана Песни Войны, — полностью послушные вождю.

Этой ночью клан Призрачной Луны праздновал победу, ел, пил, гулял, смеялся и пел, пока Нер'зул не приковывал наконец в шатер и не свалился в глубокий беспробудный сон. И тогда явилось существо — мощное, великолепное, сияющее столь ярко, что и духовным зрением Нер'зул поначалу не посмел на него взглянуть. Упал на колени, содрогаясь от радости и благоговения.

— Вы пришли! — прошептал он, и по щекам его потекли слезы. — Я знал: если мы окажемся достойными, вы придете!

— Да, ты оказался достойным, Нер'зул, духовный пастырь народа орков.

Голос отдавался в самом естестве, в костях, в крови, и Нер'зул закрыл глаза, едва не теряя сознание от нахлынувших чувств.

— Я видел, сколь умело ты собрал свой народ воедино и повел к общей славной цели.

— Эту цель явили нам вы, о Великий! — пробормотал Нер'зул.

Мелькнула мысль: а почему Рулькан не приходит? Но мысль эта скоро исчезла, испарилась перед великолепием гостя. О, сколь он могуч, сколь превосходит тень былой возлюбленной! Так говорите же, говорите, я жажду слышать вас!

— Вы явились к нам и открыли правду. А мы лишь сделали, что требовалось.

— Воистину так — и я весьма доволен вами.

Следуйте моим советам — и тогда победа, слава и сила будут вашими!

— Конечно, конечно... но, Великий, могу ли я, покорный слуга, просить вас о милости?

Нер'зул рискнул глянуть на существо: огромное, сияющее, алое, с могучим торсом и ногами, завершавшимися раздвоенными копытами, изгибающимися назад, будто ноги талбука... или ноги дренея... Моргнув, замер, ожидая, — после просьбы словно холодом потянуло. Но голос послышался снова, заполнив слух и рассудок, — сладкий, тягучий, приторный.

— Проси же — и получишь, если достоин.

Во рту вдруг пересохло, слова застыли на языке. С усилием шаман выговорил:

— О Великий, поведаете ли вы имя, которым мы сможем звать вас?

Смех существа отозвался дрожью.

— Простая милость, легко даруемая. Да, я назовусь. Вы можете звать меня Кил'джеден.

Глава 9

Легко понять, почему столь многие мои современники предпочли бы забыть эту страницу нашей истории, позволить ей тихо уйти в небытие, в беспamięть, позволить водам забвения спокойно сомкнуться над нею, скрыв ото всех стыд, запрятанный в глубинах. Хоть я еще и не родился тогда, мне тоже стыдно. Я вижу стыд на лице Дрек'Тара, когда он скрипучим дрожащим голосом рассказывает об этом. Я вижу, как тяжесть прошлого давит на Оргрима Молота Рока. Гром Адский Крик, дважды друг и единожды предатель, истерзан стыдом.

Но делать вид, что прошлого не существует — значит забыть его ужасный урок, представить себя жертвами обстоятельств, а не движущей силой собственного разрушения. Мы, орки, сами избрали путь — и шли по нему, едва не перейдя предел, за которым возврата нет. Память о прошлом поможет нам, однажды избравшим черный и стыдный путь, не ступить на него снова.

Поэтому я хочу слышать свидетельства тех, кто добровольно ступал по дороге, едва не приведшей к полному уничтожению орков. Я хочу понять, почему она показалась в то время дорогой правды, справедливости и спасения. Я хочу это постичь, чтобы узнать эту дорогу, если она снова ляжет под нашими ногами.

У людей есть мудрые, верные, поразительно точные слова об этом. Они гласят: «Не помнящие своей истории обречены пережить ее вновь». И еще: «Знай своего врага!»

Когда Ресталаан неохотно подошел к Велену, тот пребывал в глубокой медитации, сидя на центральной площади храма Карабор, и не на удобных скамьях, окаймлявших бассейн, а на холодном камне. Цветущие в роскошном саду кусты наполняли воздух мягким благоуханием, журчала вода, нежно шелестела под ветром листва — покой, мир и радость окружали Велена. Но его внимание было обращено внутрь.

Долгое время дрениеи и наару верили друг другу. Создания света, столь редко воплощавшиеся в осязаемую форму, сперва заботились и защищали беглых эредаров, затем учили их, после стали просто друзьями. Путешествовали вместе, познали множество миров. ВСЯКИЙ раз наару, в особенности один из них, по имени К'ер, спасали дрениеев, когда ман'ари отыскивали беглецов. Но Кил'джеден и чудовища, бывшие эредары, подбирались все ближе. Велен тяжело скорбел, покидая обжитые миры, ибо знал: любое оставшееся там существо изменится так же, как изменились эредары под властью Саргераса. Кил'джеден не упускал новых рекрутов для легиона, создаваемого в угоду своему владыке.

К'ер печалился вместе с вождем беглецов. Но спокойная логика указывала Велену: если не этот, так другой подобный мир подвергся бы точно такому же разрушению и за такое же время. Для Саргераса любые миры и расы ничем не отличались друг от друга — всех их он хотел ввергнуть в безумие огня и убийства. Смерть Велена от рук созданий, бывших когда-то лучшими друзьями, ничем бы не помогла невинным, а вот его жизнь, возможно, когда-нибудь и пригодится для их спасения.

— Но как же, как моя жизнь может быть важнее их жизнью?! — вскричал Велен однажды, обуянный отчаянием.

— Поверь мне, — сказал тогда К'ер, — ты важен. Мы собираем силы медленно, но непрестанно. Есть другие наару, подобные мне. Мы ищем встречи с молодыми расами. Когда они подготовятся, мы объединим всех, верящих в доброе, светлое, гармоничное, в вечное равновесие вселенной, и тогда Саргерас неизбежно падет.

У Велена не было выбора. Следовало либо довериться другу и спасителю, либо отвернуться от тех, кто поверил ему самому, и превратиться в ман'ари. Велен избрал доверие.

Теперь, однако, он был весьма озадачен — орки принялись атаковать отдельные отряды охотников без всякой видимой причины. Никто из стражей, потрясенных и растерянных, не

мог обнаружить ничего необычного, но три отряда были истреблены целиком. Ресталаан, расследовавший произошедшее, сказал, что охотники были не просто убиты — но тела их изувечены, изуродованы.

Поэтому Велен и явился в храм, выстроенный в первые годы пребывания дрениев на этой земле.

Окруженный четырьмя из семи рожденных в день бегства кристаллов Ата'мала, он мог слышать разумом слабый голос друга, но К'ер еще не знал ответа на мучившие Велена вопросы.

Если дела пойдут скверно и нависнет погибель — спастись бегством уже не удастся. К'ер умирал, запертый в том самом корабле, который спасал дрениев и низвергся на Дренор два столетия назад.

— О, великий пророк, — обратился Ресталаан, и голос его звучал устало и вяло. — Новая атака.

Велен медленно раскрыл старческие глаза, грустно посмотрел на друга.

— Я знаю, я почувствовал.

Ресталаан взъерошил волосы толстопалой пятерней.

— И что нам делать? Атаки все яростнее.

А осмотр ран показал: орки используют все лучшее оружие.

Велен вздохнул тяжело, покачал головой, и седые волосы его колыхнулись в такт движению.

— Я больше не слышу К'ера — по крайней мере, так, как слышал раньше. Боюсь, ему уже недолго осталось.

Ресталаан опустил голову, черты его исказились болью. К'ер пожертвовал собою ради них — все дрениев понимали это. Хотя наару был странным и непонятным существом, за годы странствий он стал дорог каждому изгнаннику. А теперь К'ер оказался в ловушке, медленно умирая на протяжении двух столетий. Почему-то Белену казалось: для подобного существа двух столетий мало, если даже наару и смертны — в чем он сомневался.

Но тем не менее... хорошо. Велен встал решительно — мантия затрепетала от резкого движения.

— К'ер еще многим хочет поделиться со мною, но у меня не хватает умения его услышать. Я должен приблизиться. Возможно, вблизи я расслышу его лучше.

— Вы... вы имеете в виду приблизиться к кораблю?

— Я должен!

— О, великий пророк, я не усомнюсь в вашей мудрости, но...

— Но усомнился все равно. — Велен рассмеялся, его пронзительные голубые глаза лучились добротой, — Говори же, старый друг! Твои сомнения всегда ценны для меня.

— Орки считают корабль своей священной горой, — сообщил Ресталаан, вздохнув.

— Я знаю.

— Тогда к чему озлоблять их, пытаясь туда пробраться? Они воспримут ваш приход как попытку святотатства, в особенности сейчас. Вы дадите им повод продолжать нападения.

— Я долго и тяжело размышлял об этом. Возможно, настало время раскрыть, кто мы и что такое их священная гора. Они верят, что их предки живут там — очень может быть. Если время К'ер близится к концу, разве не стоит использовать его знания и силы, пока можем? Если кто-либо или что-либо и способно восстановить мир между нами и орками, так именно это существо, превосходящее любого из нас. Может, это единственная наша надежда. К'ер говорил про другие расы и племена, готовые присоединиться к борьбе за равновесие и гармонию против Саргераса и огромного нечестивого войска, созданного им.

Велен положил хрупкую бледную руку на плечо друга.

— Одна несомненная правда открылась мне в видениях: жизнь не сможет продолжаться по-прежнему. Орки и дрениев не смогут жить бок о бок, почти не общаясь. К этому не вернешься. Сейчас либо война, либо мир, либо они наши союзники, либо враги. И я никогда не прощу себе, если не использую хотя бы малейшую возможность мира. Теперь ты

понимаешь?

Ресталаан посмотрел в лицо пророку и кивнул.

— Да, да, я понимаю — но мне это не нравится. Хотя бы позвольте отправить с вами вооруженную охрану! Они же нападут прежде, чем выслушают!

— Никакого оружия. — Велен покачал головой — Ничего, способного спровоцировать их. В их сердцах живут и честь, и достоинство. Я заглянул в души двух молодых орков, гостивших у нас когда-то. Там нет страха и злобы — лишь настороженность, а сейчас, по непонятной причине, и страх. И теперь орки нападали на охотников — но не на безоружных.

— Конечно, позаботившись о своем численном превосходстве!

— Не только наша кровь была пролита, — напомнил Велен, — Тела они забрали для ритуального сожжения, но земля сохранила достаточно оркской крови. При наших знаниях горстка дрениев справится с множеством орков. Я все же рискну. Если я честно и прямо сообщу о своей цели и явлюсь без всякой очевидной возможности защитить себя — они не убьют.

— Мне бы вашу уверенность, — ответил Ресталаан, поклонившись низко. — Я соберу для вас эскорт — безоружный.

Великий Кил'джеден все чаще являлся шаману Нер'зулу. Поначалу он приходил лишь в снах, подобно предкам, открывал себя среди ночи, когда шаман лежал в глубоком забытии, отяжелелый от дурманного зелья. Зелье раскрывало разум голосу Великого, нахваливавшего, нашептывающего, сообщавшего планы оркских побед и свершений.

Нер'зул заходил от восторга — и каждое письмо от кланов умножало радость.

«Мы наткнулись на двух разведчиков, оторванных от основных сил, — писал вождь клана Изувеченной Длани. — Нас было много больше, они пали скоро».

«Клан Кровавой Глазницы с радостью сообщает великому Нер'зулу: мы исполнили все желаемое, — говорилось в другом письме. — Мы объединились с кланом Веселого Черепа, удвоив число воинов, готовых выступить против общего врага.

Насколько нам известно, клан Громоборцев ищет союзников — завтра мы вышлем гонца».

— Видишь, как они объединяются ради правого дела? — Кил'джеден улыбнулся, — Раньше кланы непременно повздорили бы, сойдясь вне Кош'харга. Теперь они делятся знаниями и запасами, работают как одно целое ради победы над общим врагом.

Нер'зул кивнул, но к радости вдруг примешалась нотка горечи. Так чудесно созерцать прекрасное, величественное существо, хотя и странно похожее на ненавистных дрениев, но почему не приходит больше Рулькан? Он так скучал по ней... почему же не приходит она повидать его?

— Но Рулькан... почему ее нет? — промолвил, запинаясь.

— Она сыграла свою роль, приведя тебя ко мне, — успокоил Кил'джеден, — Ты же ее видел и знаешь: с ней все хорошо, она счастлива. Ее посредничество больше не требуется — я уже убедился, что ты достоин быть моим голосом среди народа орков.

Как и раньше, душу Нер'зула затопила радость.

Но все же, несмотря на утешающие и приободряющие слова, сердце тронула тупая саднящая боль.

Так хотелось бы поговорить с женою...

Когда Гул'дан принес послание, Нер'зул пребывал в глубоком раздумье. Подмастерье, поклонившись, протянул кусок пергамента, задубевшего от засохшей синей жижи.

— Что это? — спросил шаман, глядя на заскорузлый пергамент.

— Это нашли у дрения, шедшего с юга.

— Шел отряд?

— Нет, один-одинешенек, безоружный. Дурень не ехал даже — представить только, шел пешком!

Гул'дан хохотнул презрительно.

Нер'зул вдруг понял: синие пятна на пергаменте — кровь дрены. Что же погнало глупца в одиночку и без оружия в самое сердце земель клана Призрачной Луны? Развернул пергамент осторожно, стараясь не изломать, начал читать. Но не успел и вчитаться, как все вокруг озарилось сиянием — и оба шамана пали ниц.

— Прочти же вслух, о великий Нер'зул! — раздался мягкий голос Кил'джедена. — Раздели знание со мною и с верным учеником!

— Конечно, как вам угодно, о господин! — ответил Нер'зул послушно и поспешно.

А когда читал, впервые после памятного разговора с возлюбленной Рулькан, ощутил сомнения.

Нер'зул, шаману клана Призрачной Луны, шлет приветствия Велен, пророк народа дрениев. В последнее время многие из нашего народа подверглись атакам орков, причина чего мне непонятна. Долгие годы наши народы жили в мире и взаимопонимании — в состоянии, устраивавшем нас обоих. Мы никогда не поднимали оружия против орков, а однажды нам посчастливилось спасти жизни двух молодых орков, безрассудно подвергших себя опасности.

— А, я помню, — прервал Гул'дан. — Дуротану, нынешнему вождю Северных Волков, и Оргриму Молоту Рока.

Нер'зул кивнул рассеянно и продолжил читать:

Быть может, дело всего лишь в странном и трагическом недоразумении? Нам хотелось бы узнать, в чем дело, разрешить возможные сомнения. Мы хотели бы говорить с вами, чтобы предотвратить дальнейшую бессмысленную гибель орков и дрениев.

Как я понимаю, гора, называемая вами Ошу'гун, священна для вашего народа — там живут мудрые духи ваших предков. Хотя гора эта издавна важна также и для дрениев, мы всегда уважали ваш выбор ее в качестве священного места. Однако пришло время признать: объединяет нас куда большее, чем разделяет. Среди моих людей я зовусь пророком, ибо временами меня посещают мудрые прозрения. Я стараюсь вести свой народ к разуму и миру — так же, я уверен, как ваши вожди свои кланы.

Давайте же встретимся с миром у места, столь важного для наших рас. На третий день пятого месяца я с небольшой группой пилигримов приду к священной горе, дабы проникнуть в ее недра. Все мы придем безоружными. Я приглашаю вас и всех, кто пожелает, присоединиться к нам в этом месте магии и силы, дабы попросить существ намного мудрее нас исцелить рознь и горе, возникшие между нами.

Во имя света и блага, мир вам!

Гул'дан заговорил первым — или, точнее, первым рассмеялся.

— Какое высокомерие! О мой господин, великий Кил'джеден, эту возможность нельзя упускать! Главарь врагов является на убой, будто теленок копытня, безоружный, считая в глупости своей, что мы ничего не знаем о злобных намерениях дрениев! И он еще думает осквернить Ошу'гун!

Он умрет, прежде чем нечестивое его копыто коснется хотя бы тени священной горы!

— Я доволен сказанным тобою, о Гул'дан! — пророкотал дружелюбный голос Кил'джедена. — Нер'зул, слова твоего ученика мудры.

Нер'зул хотел ответить, но язык будто прилип к нёбу. Дважды раскрывал рот напрасно и лишь на третий выпихнул хриплые, грубые слова.

— Не стану спорить — дрениев опасны, — выговорил, запинаясь. — Но мы же не гронны, чтобы убивать безоружных.

— Но курьера мы убили, — заметил Гул'дан. — Безоружного и даже пешего.

— Зря! — рывкнул Нер'зул. — Его следовало взять в плен и немедленно привести ко мне, а

не убивать!

Кил'джеден ничего не ответил, но его алое сияние окутывало Нер'зула, пытающегося нащупать верные слова.

— Ему не дадут осквернить священную гору, не сомневайся, мой ученик. Но я не позволю убить его, прежде чем смогу поговорить с ним. Кто знает, что может нам открыться?

— Да, — подтвердил Кил'джеден, и голос его лучился добром и теплотой. — Боль заставляет раскрыть многое.

Верховный шаман был поражен, но чувств не выдал. Это чудесное доброе существо желает, чтобы он, Нер'зул, пытал Велена? Внутри всколыхнулись предвкушение, смутная радость — но и отвращение. Нет, такого он не сделает — не сейчас.

— Мы будем ждать, — заверил он и господина, и ученика. — Он не уйдет.

— Господин, — выговорил Гул'дан медленно. — Можно ли мне предложить?

— Говори.

— Ближайший к горе клан — Северные Волки. Пусть они захватят Велена со свитой и приведут к нам. Их вождь испробовал гостеприимства дрениев. И хотя Северные Волки не мешали нам, я не припомню, чтобы они нападали на дрениев. Так мы убьем двух птиц одним камнем: захватим главаря дрениев и проверим преданность вождя Северных Волков общему делу.

Нер'зул чувствовал, как две пары глаз впились в него: маленькие карие глазки ученика и огромные пылающие очи господина. Предложенное Гул'даном казалось мудрым. Но почему так неохота соглашаться?

Сердце билось неровно, на лбу шамана выступил пот. Наконец решился сказать — и обрадовался, услышав свой голос, неожиданно сильный.

— Я согласен. Это хороший план. Подай мне перо и пергамент — я уведомя Дуротана о его долге.

Глава 10

Более всего я гордился отцом, когда Дрек'Тар рассказал мне историю о посольстве Велена. Я по себе знаю, как трудно временами принять ответственное решение. Своим поступком отец ничего не приобрел, а мог потерять многое.

Хотя не совсем так: он и сохранил, и приобрел.

Наградой за выбор стала его честь — и нет цены, за которую можно было бы ее отдать.

Сказанное в письме не оставляло выбора. Вздыхнув, Дуротан передал пергамент жене. Дрека пробежала глазами по строчкам, зарычала тихо.

— Нер'зул — трус, решивший взвалить бесчестье на твои плечи, — сказала вполголоса, чтобы не услышал ожидающий снаружи гонец. — О встрече просили его, не тебя.

— Я обещал подчиняться, — также вполголоса ответил Дуротан, — Нер'зул оглашает волю предков.

Дрека задумчиво покачала головой. Солнечный зайчик скользнул по стене шатра, лег на ее лицо, высветил высокие скулы, сильный, упрямый подбородок. Дуротан глянул на любимую — и дыхание перехватило. Как хорошо, что есть она среди хаоса и безумия, сошедшего вдруг на орочий народ! Тронул ее лицо осторожно острокогтым пальцем — она улыбнулась.

— Супруг мой, я не уверена, что могу доверять Нер'зулу, — промолвила чуть слышно.

— Но мы оба доверяем Дрек'Тару, а он подтвердил сказанное Нер'зулом. Дрениев умышляют против нас. Нер'зул пишет: Велен хочет проникнуть в священную гору!

Вождь Северных Волков снова внимательно перечел письмо.

— Хорошо, что Нер'зул не хочет убивать Велена. Возможно, когда мы захватим их, сможем переубедить, заставим объяснить, зачем так упорно желают нашей гибели. Быть

может, удастся договориться о мире?

От этой мысли стиснуло сердце. Хотя и чудесна жизнь с Дрекой, и власть над могучим кланом приятна, но разве не приятней было бы жить, как жил отец: охотясь на лесных и полевых зверей, танцуя под луной на празднике Кош'харг, слушая легенды и полагаясь на бдительную заботу предков?

Хоть и не говорил жене ничего о детях, был доволен, что она до сих пор не понесла.

Детям сейчас нелегко. У них украли детство, взвалили груз взрослых забот на плечи, еще недостаточно крепкие для него. Если Дрека понесет дитя, наследника либо наследницу придется тренировать вместе со всеми детьми — потомство вождя должно разделять участь прочих. Вождь сделает и сам то, чего требует от других, но хорошо, что свое дитя не приходится подвергать такому.

Дрека смотрела, сощурившись, будто мысли читала.

— Ты ведь раньше встречал Велена. И до сих пор не смог примириться с тем, что принявший тебя под своим кровом, спасший тебя, разделивший с тобой пищу умышляет погубить тебя. Я видела твои сомнения — ты еще не избавился от них.

— Да, не избавился. Может, и к лучшему, что схватить его выпало мне. Велен, конечно, вспомнит тот день. Может, со мною ему будет легче договориться, чем с Нер'зулом. Хотелось бы мне увидеть Веленово письмо.

— Конечно, мы б из него узнали очень много, — заметила Дрека, вставая, и вздохнула.

— Я скажу гонцу: передай господину — пусть не тревожится. Клан Северного Волка исполнит обещанное.

Встал и шагнул к выходу из шатра, зная, что Дрека с тревогой смотрит вслед.

Велен носил фиолетовый кристалл у сердца.

Красный и желтый лежали обочь сидящего в медитации пророка, мягким сиянием окрашивая алебастровую кожу. Четыре оставшихся камня размещались в разных местах земли дрениев, помогая своей мощью народу изгнанников. Но с фиолетовым не расставался.

Его сила раскрывала разум и душу — и ощущалась так, будто он общался напрямую с наару. Медитируя с этим кристаллом, Велен всегда чувствовал себя чище, сильнее, утонченнее, восприимчивее. Хотя каждый из семи кристаллов был драгоценен и могуч, пророк дрениев ценил более всех фиолетовый.

Прислушался, стараясь различить слабый шепот К'ер, но не смог. Горько и досадно, и поделать нечего.

Заслышав голоса, открыл глаза — Ресталаан разговаривал с храмовым служкой. Велен жестом подозвал начальника стражи. Предложил ему чая из трав, спросил о новостях. Ресталаан от чая отказался.

— О, пророк, новости и скверные, и хорошие.

С глубокой скорбью сообщаю вам, что гонец, посланный к главе шаманов Нер'зулу, был убит отрядом орков.

Велен закрыл глаза, а фиолетовый кристалл потеплел, будто утешая.

— Я почувствовал смерть, — сообщил Велен печально, — Но надеялся — это несчастный случай. Ты уверен — он был убит?

— Нер'зул подтверждает убийство и не приносит извинений, — В голосе Ресталаана прозвучали гнев и обида.

Глава стражей стоял на коленях близ красного кристалла — и тот полыхнул ярко в ответ на чувства Ресталаана.

— И вы полагали, они не нападут на безоружных? — спросил с горечью.

— Я надеялся на лучшее, — ответил Велен спокойно. — Но ты говорил: есть и хорошие новости, чтобы смягчить скверные.

— Если можно назвать их хорошими. Нер'зул сообщает, что отряд орков встретит нас у подножия горы.

— А сам он не придет?

Ресталаан опустил голову.

— Нет, не придет.

— Кого же он шлет вместо себя?

— В письме об этом не сказано.

— Дай же его!

Ресталаан уложил пергамент в белую ладонь пророка. Тот развернул свиток, прочел.

Твой гонец мертв. К счастью, убившие не сочли за труд обыскать его и нашли послание. Я прочел и согласен выслать отряд орков для разговора с тобой. Я не гарантирую ни твоей безопасности, ни мира. Но мы слушаем тебя.

Велен вздохнул глубоко. Не на такой ответ надеялся он всем сердцем. Что же случилось с орками? С чего они вдруг так захотели уничтожить дренеев, никогда не враждовавших и не споривших с ними?

«Я не гарантирую ни твоей безопасности, ни мира», — написал Нер'зул сильным, резким почерком.

— Хороню, — сказал Велен. — Значит, ни безопасности, ни мира — как обычно в нашей жизни.

Дуротан подумал: слишком этот день погожий и яркий. Начало лета, все поет и радуется, и солнце слепит глаза. Лучше бы было, если б погода отвечала настроению — небо с мрачными свинцовыми тучами, безрадостное и унылое, а лучше еще и промозглый затяжной дождь. Но солнцу безразлично настроение одного орка или даже всего орочьего племени. Оно сияет, будто все всегда замечательно повсюду, куда падают его яркие лучи. Кажется, Ошу'гун пылает — так ярко отражается свет от множества ее хрустальных граней.

Дуротан умело расположил воинов — отряд Велена будет виден издали и задолго до того, как дреanei заметят орков. Решил дать пророку дренеев приблизиться вплотную, но расположил воинов так, чтобы удрать враги не смогли. Все орки, выжидавшие этим непристойно ярким днем, были вооружены до зубов, и шаманы приготовились заранее.

Остроглазая, наблюдательная, первоклассный боец, Дрека полезнее всего была в роли разведчицы. Дуротан отправил ее с передовым отрядом.

Едва Велен появится, она сообщит при помощи особого заклинания, подготовленного Дрек'Таром. Сам же Дрек'Тар остался рядом с Дуротаном.

Роль главного кланового шамана — защищать вождя. Оба стояли на скальном выступе прямо над входом в священную пещеру. Дюжины воинов ожидали с дротиками и топорами наготове, со стрелами на тетивах. Много дней воины потратили, подкатывая, располагая поудобнее валуны у обрывов. По одному слову Дуротана огромные камни обрушатся на головы дренеев. В этот прекрасный летний день гора повсюду грозила смертью.

Пропела птица, ветер всколыхнул черные волосы вождя. Дрек'Тар глянул на него озабоченно.

— Мой вождь, вы исполняете обещанное, — сказал, ободряя, — Помните: эти существа — наши враги.

Дуротан кивнул, подумав, что желал бы верить в это так же незыблемо, как любой другой орк.

Ветерок снова коснулся щеки, уже настойчивее, и в его шелесте различил он слова: «Они идут — их пятеро. Все без доспехов, очевидно безоружные. Идут пешком, будто в храм». Ветер подхватил ее слова, чтобы донести до ушей всех собравшихся орков. Когда приспест время, Дрек'Тар велит ветру отнести им приказ вождя.

Дуротан выпрямился, сжал рукоять секиры.

Сердце заколотилось в груди.

— Вон они, — сказал Дрек'Тар угрюмо.

Да, сообщение Дреки было точным — даже в описании походки дренеев. Их не

прикрывала странная бело-серебристая броня, виденная в тот день, когда Дуротан впервые встретил их. Одеты были как на праздничной трапезе — в широкие красивые платья ярких, переливчатых оттенков, развевающиеся на ветру, словно знамена. Впереди — сам пророк Велен, его ни с кем не спутаешь: белая кожа, мантия цвета песка... Несмотря на паршивое настроение, Дуротан усмехнулся помимо воли: дренеи так аляповато и ярко одеты, что лишь совсем слепой орк не заметит их издали. Но тут понял: дренеи ведь и хотят, чтобы их заметили.

Чтобы определили безоружность, беззащитность, чтобы поверили: идут они, совершая то, что Мамаша Кашур назвала бы паломничеством.

А может, это изощренная хитрость? Шаманам для убийства не нужны копья — как и дренеям.

Достаточно вспомнить их непонятные магические сети, возникавшие из ниоткуда, впивавшиеся в тело, обжигавшие. Нет, даже безоружные, дренеи вовсе не безобидны.

Воины знают, чего ожидать — Дуротан рассказал о боевом умении дренеев, — и подчинятся приказу беспрекословно. Без команды не выпустят стрелы даже предупредительно, не выкрикнут оскорбления. Вождь чувствовал настороженность ближайших воинов — интересно, может, это чувствуют и дренеи?

Вот дальние группы уже вышли, замкнули кольцо окружения за спинами врагов — в достаточном отдалении, чтоб те не заметили. Если и заметили, то виду не подали, продолжая шествовать спокойно, медленно, уверенно... будто в храм.

Дуротан и Дрек'Тар не стали прятаться. Спустя несколько невыносимо долгих минут Велен поднял голову — и встретился взглядом с вождем клана Северного Волка. Он не отвернулся, но выждал, пока все враги приблизятся. Те достигли подножия горы, но шагу дальше не ступили — дюжины орков вышли из укрытия и окружили их.

Велен вовсе не выглядел удивленным. Осмотрелся, улыбнувшись, затем снова посмотрел на Дуротана. Тот спустился медленно, встал лицом к лицу с пророком.

— Много же времени прошло с тех пор, как мы глядели вот так друг на друга, — сказал Дуротан спокойно и умышленно, не именуя его по его званию.

— В самом деле, о Дуротан, сын Гарада, вождь клана Северного Волка, — ответил Велен переливчатым, мягким голосом, так врезавшимся в память со дня встречи в городе дренеев. — Вы еще друзья с Оргримом?

— Да, друзья. Он теперь носит Молот Рока и второй по старшинству в своем клане.

Искренняя печаль отобразилась на лице вождя — снова вспомнилась та давняя ночь, когда сидели за столом и говорили об оркских обычаях и о том, какой ценой достанется Оргриму Молот Рока.

— Я надеюсь, ваши отцы ушли к предкам доблестно.

— Сегодня мы здесь не для того, чтобы вспоминать прошлое, — сказал Дуротан резче, чем намеревался, ту ночь он вспоминать не хотел. — Мы здесь потому, что вы осмелились дерзко преступить пределы священной для нас земли.

И подумал: «Вот оно, началось — и не стоит тратить слов попусту». Велен выдержал Дуротанов взгляд, кивнул.

— Но я слал письмо не тебе, а Нер'зулу — и он не захотел встречи со мною. Интересно, сообщил ли он тебе содержание письма?

— Мне его содержание знать не нужно. Меня просили прийти вместо Нер'зула — я и пришел.

Велен чуть сгорбился, вздохнул тяжело.

— Вижу, он не сказал тебе, почему я пришел.

— Это мне тоже знать не нужно!

— Но тогда о чем нам говорить? — Голос Велена стал ясен и резок — ничего не было в нем старого и ветхого, вопреки хрупкому и древнему виду пророка.

Вот так неожиданность! Дуротан впервые понял, насколько велика сила воли этого почтенного старца, ведущего свой народ бесчисленные годы.

— Этот... эта гора священна для твоего народа. Мы это знаем и уважаем. Но она священна и для нас, — сказал Велен, ступая вперед, глядя Дуротану прямо в глаза.

Воины-орки забормотали, переминаясь с ноги на ногу, но с места никто не двинулся.

— Глубоко внутри горы обитает существо, долго заботившееся о народе дрениев. Оно намного старше, чем любой из нас способен вообразить.

Но даже древние могучие существа смертны, и теперь пришел его час. Но пока оно еще живо — и орки, и дрениев могут обрести мудрость, милосердие и примирение с его помощью...

— Святотатец!!!

Дуротан вздрогнул. Крик исторгся не из глотки нетерпеливого и вспыльчивого воина — от негодования дрожал, глядя с ненавистью, стоявший рядом шаман Дрек'Тар. Жилы вздулись на его шее, он тряс кулаком, грозя. Дуротана так поразил взрыв шаманского негодования, что он не пресек неповиновение сразу, как следовало.

— Ошу'гун принадлежит нам! — орал Дрек'Тар. — Это дом наших возлюбленных мертвых, колыбель их духов, и твои грязные раздвоенные копыта не достойны и шагу ступить на ее священные склоны!

Велена, кажется, шаманская несдержанность тоже удивила. Повернулся к нему, протянул руку, будто умоляя.

— Да, духи ваших мертвых нашли приют в этой горе, я никогда этого не отрицал! Но их привлекло туда именно это существо. Оно стремится...

Велен избрал самые неподходящие к случаю слова. Недослушав, шаман взревел от ярости. Другие подхватили, и не успел Дуротан опомниться, как воины бросились на дрениев! Дрека кинулась навстречу, пытаясь остановить, — тщетно, они набегали неукротимой волной. Тогда вождь развернулся и с маху отвесил оплеуху своему шаману.

Тот покачнулся, зарычал.

— Защити их! — крикнул Дуротан. — Слушай приказ: мы должны взять их живыми! Волк тебя дерит, защити их!

Глаза шамана сверкнули яростью — но лишь на краткий миг. Поднял руки, закрыл глаза — и внезапно вокруг дрениев вспыхнул пламенный круг. Поднялся ветер, взметывая пламя все выше, отшвыривая воинов. Те отступили — но, к ужасу Дуротана, лучники положили стрелы на тетивы.

— Отставить! — проревел Дуротан, а ветер подхватил его слова и донес до каждого воина. — Убью любого, пустившего стрелу!

Команды вождя и могучая, хотя и не по своей воле призванная магия Дрек'Тара сохранили дрениев в целости. Дуротан сбежал по склону к пленникам, ибо они стали теперь его пленниками. Шаман — следом.

— Убери огонь! — приказал он шаману.

Сразу же стена огня, едва не опалявшая Дуротану брови, исчезла. Теперь он стоял лицом к лицу с Беленом, и странное, трудное, неловкое чувство захлестнуло его, колыхнулось болезненно внутри — пророк дрениев остался таким же спокойным и невозмутимым, как и при обычном разговоре.

— Велен, ты и твоя свита теперь — пленники клана Северного Волка, — произнес Дуротан вкрадчиво.

— Я иного и не ожидал, — сказал пророк с горечью, улыбнувшись грустно.

И он, и другие умудрились сохранить достойный и даже горделивый вид, пока их обыскивали и раздевали. Прекрасные платья достались главнейшим воинам клана, дрениев одели в засаленные кожаные рубахи. Было тяжело и мерзко слышать издевки и оскорбления, видеть, как глумятся, плюют на пленных воины, но унижений вождь не прекратил. Пусть развлекаются, но чтоб пальцем тронуть не вздумали, за этим уж Дуротан следил тщательно. Дрека же смотрела в ярости на бесчинства сородичей. Наконец прошептала: «Муж мой, почему ты их не остановишь?»

Тот покачал головой.

— Я хочу увидеть, как дренеи поведут себя. К тому же воины сдержали свои руки, уже готовые убивать. Сдерживать еще и языки я не хочу.

Дрека глянула удивленно, кивнула, отошла. Конечно, она не одобрила. И самому не нравилось происходящее. Но вождь не всесилен и сейчас ступает по тонкой, очень тонкой грани. Важно не оступиться.

— Мой вождь, гляньте, что нам принесли! — закричал Роккар, второй по старшинству орк в клане.

Дуротан подошел, глянул в мешочек, раскрытый Роккаром. Ого! Внутри на мягкой ткани — два прекрасных драгоценных камня, красный и желтый. Дуротану до боли захотелось тронуть их — но удержался. Повернулся к Велену.

— Когда-то давно Ресталаан показал нам подобный кристалл. Тот кристалл защищал город. На что способны эти?

— У каждого — своя сила. Эти камни даровало нам существо, живущее в священной горе.

Дуротан зарычал тихонько, затем буркнул:

— Лучше б ты не поминал больше священную гору.

А Роккару велел:

— Накорми их, свяжи им руки, посади на волков, поставь шамана охранять их. Камни отдай Дрек'Тару. Дренеев мы заберем с собой, затем передадим Нер'зулу. Ему бы следовало быть сегодня здесь вместо меня.

Повернулся и пошел прочь, не желая заглядывать в странные, яркие, синие глаза Велена, не желая видеть осуждения в глазах Дреки.

Во время долгого пути домой Дуротан мучился сомнениями. Конечно, святотатство — Дрек'Тару было с чего вспылить. Ошу'гун — святыня орков. Мысль о том, что еще что-то живет в горе, да не просто живет, а силою сумело притянуть души предков к себе, — чудовищное кощунство. Для шамана вовсе — страшнейшее оскорбление. Куда ни глянь — всюду подтверждение Нер'зуловым словам. Дреней — пятно на чистом лице мира, и пятно это следует стереть как можно скорее.

Но почему? Быть может, этой ночью и отыщется ответ...

Все, включая пленных, возвращались верхом — потому успели еще до заката. Дуротан выслал вперед гонца с добрыми вестями, и клан с нетерпением ожидал воинов и добычу. По правую руку от вождя ехали Дрек'Тар и Роккар, разделявшие радость остальных, по левую — Дрека, необычно угрюмая, молчащая все время.

И к лучшему — Дуротану вовсе не хотелось выслушивать ее слова. И так слишком много сомнений, ведь и воины по-своему правы, и она.

Пленников грубо распихали по палаткам, приставили охрану — четверых испытанных бойцов и шамана, которому Дрек'Тар доверял особо. Стража безмерно гордилась своим заданием. Велена вождь приказал поместить отдельно — хотел переговорить наедине.

Когда суматоха чуть улеглась, Дуротан, вздохнув, решился начать разговор. Предвидел: нелегкий он будет и неприятный. Но ведь надо, куда денешься. Кивнул стражам, ступил в небольшую палатку, куда запихнули пророка. Ожидал найти его с руками, связанными за спиной, но те, кому приказывал, переусердствовали. Палатку поставили вокруг толстого дерева и привязали пророка к нему. Завернули руки за спину, веревки на запястьях затянули так, что даже в полумраке видно было, как потемнела кожа под ними. Веревка вокруг шеи — к счастью, не слишком затянутая — заставляла держать голову поднятой, чтоб не удушиться. Рот заткнули грязным кляпом, поставили на колени, связав и копыта.

Дуротан выругался, вытянул кинжал. В глубоких синих глазах Велена не промелькнуло и тени страха, но все же Дуротану показалось: дренеи удивился, когда кинжал взрезал не тело, а веревки. Велен не вскрикнул от боли, не застонал, хотя призрачно-бледное лицо его исказилось на мгновение, когда кровь снова потекла по жилам занемелых рук.

— Я сказал им связать руки, а не увязывать всего, будто талбука, — буркнул Дуротан.

— Кажется, твой народ слишком усерден.

Вождь протянул Велену бурдюк с водой, посмотрел, как тот пьет. Сидя рядом, одетый в кожаные лохмотья, отхлебывающий затхлую воду, с руками, истертыми веревкой, Велен вовсе не казался страшным. Интересно, как бы Дуротан себя почувствовал, узнав, что дрены обращаются так вот с Мамашей Кашур? Всё тут как-то не так, всё. Но ведь Кашур сама предупредила Дрек'Тара об угрозе дрениев — угрозе страшной, почти невообразимо ужасной.

На полу стояла миска остывшей каши с кровью. Ногой Дуротан подвинул ее к пленнику. Велен глянул, но есть не стал.

— Не совсем похоже на яства, которыми ты потчевал нас с Оргримом в Тэлморе. Но оно сытное.

— Достопамятный вечер. — Губы Велена изогнулись в улыбке.

— Так ты получил от нас той ночью, что хотел? — спросил Дуротан сердито.

Но гневался он не на Велена. Злился потому, что все повернулось так гнусно и нелепо, и тот, от кого видел лишь добро и гостеприимство, теперь пленник. И на нем же эту злобу и вымещать...

— Не понимаю — мы попросту хотели оказать гостеприимство двум заблудившимся юношам.

Дуротан встал, пнул миску — холодная каша разбрызгалась по земляному полу.

— Думаешь, я тебе поверю?

Велен на уловку не поддался, ответил спокойно:

— Это правда. Верить или нет — решать тебе.

Дуротан опустился на колени, лицом к лицу с дрением.

— Зачем вы пытаетесь уничтожить нас? Что мы вам сделали?

— То же самое я хотел бы спросить у тебя, — ответил Велен, побагровев. — Мы и волоска не коснулись ни на едином орке — а уже две дюжины дрениев убито вами!

От правды Дуротан разозлился еще больше.

— Предки никогда не лгут нам! Они предупредили нас: вы вовсе не те, кем кажетесь! Вы — наши лютые враги! Зачем ты принес эти кристаллы, если не хотел напасть на нас?

— Мы думали, они помогут нам лучше расслышать существо, живущее в горе, — произнес Велен быстро, будто опасаясь, что Дуротан не даст досказать. — Это существо — не враг оркам, и мы — не враги. Дуротан, ты разумен и мудр, уже давно я увидел в тебе это. Ты не из тех, кто слепо бежит, словно теленок на бойню, повинаясь приказам. Я не понимаю, зачем ваши главари лгут вам — но они лгут. Мы всегда хотели мирно жить с вами. Ты же можешь прозреть чужую ложь, о сын Гарада! Ты же не такой, как все!

— Ты ошибаешься, дрений, — произнес Дуротан, сощурившись, и сплюнул презрительно. — Я — как все. Я — орк и горд этим.

— Ты не понял! — воскликнул Велен отчаянно. — Я вовсе не хотел оскорбить твой народ, я просто...

— Просто что? Просто хотел рассказать нам, что мы видим наших возлюбленных мертвых лишь потому, что их притянул к себе ваш бог, обитающий в горе?

— Это не бог, это наш союзник! Он станет союзником и вам — если вы позволите ему!

Дуротан выругался. Встал, зашагал по палатке, стискивая кулаки. Наконец гнев перегорел, осыпался пеплом — и тогда вождь, вздохнув, сказал спокойно:

— Велен, твои слова лишь разжигают наше негодование. Они высокомерны и оскорбительны.

Они только укрепят в уверенности тех, кто решил умертвить всех вас по слову предков. Я и сам не могу понять тебя — ведь ты просишь отказаться от всего, во что я верю, с чем вырос и к чему привык, ради всего лишь твоих слов.

Повернулся, глядя на дрения.

— Знай — я всегда буду со своим народом. Если мы сойдемся на поле битвы — моя рука не дрогнет.

— Значит... ты не передашь меня Нер'зулу? — спросил Велен озадаченно.

— Нет. — Дуротан покачал головой. — Если б он хотел тебя видеть — явился бы сам. Он назначил меня распорядиться тобой — и я распорядился, как счел нужным.

— Разве тебе не было приказано доставить ему пленных?

— Мне было приказано встретить тебя и выслушать. Если б я захватил тебя в битве, выбив оружие из твоих рук, повергнув наземь, тогда ты был бы пленник. В связывании рук, с покорностью для того протянутых, нет чести. Я не могу тебя понять и не хочу убивать. Ты говоришь, что не питаешь к оркам зла. Мои вожди и духи предков говорят иное.

И снова Дуротан встал на колени перед Беленом.

— Тебя зовут пророком — так может, тебе известно будущее? Если так, скажи, что мне сделать для предотвращения грядущего зла? Я не хочу проливать невинную кровь! Дай мне хоть что-нибудь в доказательство твоих слов, хоть что-нибудь показать Нер'зулу, убедить его!

Понимал: умоляет врага, стоя на коленях, но это не унижало. Дуротан любил жену, свой клан, народ. И ужасался происходящим перед его глазами — ведь целое поколение мчится стремглав в будущее, заполненное лишь ненавистью, с сердцами, отравленными злобой. Если мольбы перед странным существом помогут избежать этого — стоит и взмолиться!

Велен посмотрел на вождя врагов без жалости и презрения, но с глубоким сочувствием и теплотой. Положил бледную руку на плечо.

— Будущее — не книга, открытая для чтения. Оно всегда течет, меняется, будто рябь на воде, взвихренный песок. Иногда я могу прозреть возможное — но едва ли больше. Я ощущал, что должен прийти безоружным, и оказалось: встречает меня не главный шаман орков, но тот, кто узнал гостеприимство моего дома. Думаю, это не случайно. И если есть способное предотвратить грядущую беду, живет оно среди орков, не среди дрениев. Лишь в этом я могу заверить тебя. Остальное не в моих силах. Реку можно направить в другое русло, но сделать это придется вам. Это все, что я знаю, и молюсь, чтобы этого оказалось достаточно для спасения моего народа.

Древнее, усталое, удрученное лицо Велена сказало больше слов: сам он не верит в спасение дрениев. Дуротан закрыл глаза на мгновение, шагнул назад.

— Камни мы оставим себе. Какова бы ни была их сила, шаманы обучатся ею владеть.

— Я так и думал, — сказал Велен с горечью, — Но я должен был их принести. Я надеялся: мы сможем вместе найти путь из общей беды.

Горе и стыд... почему же, почему сейчас глава врагов кажется ближе и правдивее, чем духовный вождь своего народа? Дрека, должно быть, чувствовала с самого начала. Знала и не говорила ничего, надеясь: Дуротан поймет сам, когда настанет время. Сегодня ночью в шатре вождю будет о чем говорить с женой. Долго говорить.

— Вставай! — приказал грубо, стараясь скрыть чувства. — Ты и твои спутники могут уйти целыми и невредимыми.

И криво усмехнулся.

— Целыми и невредимыми, насколько ночь вам позволит — безоружным и пешим. Если нарветесь за моей землей и сгинете — моей вины в том не будет.

— Наша гибель за пределами твоей земли для тебя, конечно, удобнее всего, — ответил Велен, вставая. — Но почему-то мне кажется: ты вовсе этого не хочешь.

Дуротан не ответил. Вышел из шатра и сказал ожидающей охране:

— Велена и четырех его спутников проводить до пределов нашей земли. Там отпустить — пусть возвращаются домой. И чтоб пальцем их не трогали, ясно?!

Страж глянул яростно, уже решившись протестовать, но другой, старше и мудрее, посмотрел свирепо — и первый лишь пробормотал покорно:

— Ясно, мой вождь.

Когда стражи ушли за дрениеми, Дрек'Тар поспешил к вождю.

— Дуротан, это зачем? Почему? Нер'зул ожидает пленников!

— Если ему надо — пусть сам захватывает! — рявкнул Дуротан. — Командир — я, это мое решение! Хочешь оспорить?

Шаман осмотрелся, потянул вождя подальше от ненужных ушей.

— Да, оспорить! — прошипел сердито. — Ты ж его слышал: он говорит, будто наши предки слетаются к его горному богу, будто мотыльки к факелу! Что за высокомерие! Нер'зул прав — их нужно уничтожить! Нам же приказали!

— Приказали — значит, уничтожим. — Дуротан ухмыльнулся, — Но не этой ночью, мой шаман. Не этой.

Когда брели по взмокшей от росы траве мимо громадных, темных теней леса Тероккар к ближайшему городу, Велен был мрачен и молчалив. Теперь два кристалла Ата'мала — в руках орков. Несомненно, Дуротан не преувеличил: их шаманы вскоре откроют секреты камней. Но третьего камня орки так и не нашли, потому что этот кристалл не захотел быть найденным ими. Фиолетовый кристалл искривил свет вокруг себя, остался невидимым для обыскивающих, удержался у сердца.

И теперь его тепло согревало древнюю плоть пророка.

Он все поставил на кон — и проиграл. Проигрыш не обернулся катастрофой — ведь и сам, и спутники остались в живых и движутся к безопасности. Но ведь надеялся: орки выслушают и, по крайней мере, позволят пройти к сердцу священной горы, сопровождают туда, а там узреют то, что не только не опровергнет их веры, но даст ей новое подтверждение.

Теперь же будущее казалось безрадостным.

Идя через стойбище, увидел молодежь, тренирующуюся до полного изнеможения, огни кузней, не гаснущие и ночью. Хоть отпустили живым и невредимым — это никак не скажется на будущем.

Даже клан вдумчивого и осторожного Дуротана не просто готовится на случай возможной войны — орки убеждены в ее неизбежности. И каждый грядущий день лишь приближает беду.

Кристалл, лежащий у сердца, запульсировал в ответ на мысли пророка. Велен повернулся к друзьям, посмотрел скорбно.

— Орков не убедишь сойти с избранной дороги. И потому, если хотим выжить, нам тоже придется идти тропой войны.

Вдали изнуренное, измученное, умирающее существо, известное под именем К'ер, пытающееся отлежаться и набраться сил на самом дне священного водоема в недрах горы, испустило полный отчаяния и боли крик. Велен вздрогнул, узнав голос, склонился понуро.

Орки клана Северного Волка обернулись в ужасе, глядя на священную гору.

— Предки гnevаются на нас! — крикнул молодой шаман. — Мы позволили Велену уйти — и они в гнев!

Дуротан покачал головой. Молодого следует выбрать за несдержанность. Если повторится утром — выберит, и сурово. Но теперь сердце вождя наполнилось печалью. Не гневный возглас донесся от священной горы, а плач, крик скорби и боли. Дуротан содрогнулся при мысли о том, отчего так горько и тяжело печалются предки.

Глава 11

Нер'зул, Гул'дан... чернейшие имена из всех, когда-либо омрачавших историю моего народа. И все же... Дрек'Тар говорил мне: когда-то Нер'зулом восхищались, даже любили, он по-настоящему заботился о своем народе. В это тяжело поверить, зная, кем Нер'зул стал, но я пытаюсь. Пытаюсь, потому что хочу понять.

И не могу.

— Что?

От ярости в Нер'зуловом голосе Гул'дан втянул голову в плечи. Дуротан же не отвел глаз.

— Я отпустил пророка Велена, — повторил вождь Северных Волков спокойно.

— Тебе приказали взять его и прочих в плен! — Голос шамана сорвался на визг.

Ведь так было ясно и просто! О чем этот громила думает? Отбросить такую возможность, будто обглоданные кости? Сколько сведений могли бы вытянуть из Велена! Сколь многое можно было бы за него выторговать!

Но все это меркло перед ужасом предстоящего разговора с Кил'джеденом. Что он сделает, узнав, что Велена отпустили? Прекрасное и могучее существо обрадовалось плану шамана. Возгордившись своей хитростью и сноровкой, не сомневаясь в успехе, Нер'зул даже посмел предложить Велена в подарок Великому Кил'джедену! И что теперь? Страх перед гневом Великого перевесил гнев от неисполнения приказов.

— Ты приказал мне схватить их — я схватил, — ответил Дуротан. — Но в пленении того, кто готов сдаться сам, нет чести. Ты хотел, чтобы мы стали единым сильным народом, а не стадом. Как же мы сможем этого достичь, если не соблюдем единого и незыблемого кодекса чести? Честь — главное...

Дуротан продолжал говорить — грубо, уверенно. Но Нер'зул не слушал. Осознал вдруг в ужасное, ледяное, растянувшееся вечностью мгновение: Кил'джеден, возможно, вовсе и не добр и не благодушен. Дуротан, увлеченный разъяснением причин своего поступка, не заметил перемены в Нер'зуле. Но Гул'дан не сводил глаз с учителя, и в сердце Нер'зула родился еще один страх: а если он догадался о сомнениях, об ужасе перед Кил'джеденом? Что же делать? Как угодить Великому? Как смягчить гнев?

Почему больше не приходит Рулькан?

Опомнился, заморгав, когда Дуротан замолк и посмотрел на шамана внимательно, ожидая ответа.

И как с ним обойтись? Дуротана уважают в народе. Если наказать, многие встанут на сторону Северных Волков — и ткань, заботливо сплетаемая ткань единого народа орков, единой Орды — вот верное слово! — разорвется. А если оставить проступок безнаказанным, как отзовутся ревностные сторонники истребления дрениев?

Как же выпутаться... а Дуротан уже хмуриться начал.

— Мой господин столь поражен и гневен, что лишился дара речи, — сообщил Гул'дан тихо.

Оба, и Нер'зул, и Дуротан, уставились на младшего шамана, удивленные.

— Ты не подчинился прямому приказу духовного вождя. Возвращайся же в свое стойбище, Дуротан, сын Гарада. Вскоре мой господин пришлет тебе письмо с изъявлением его воли.

Дуротан глянул на Нер'зула, недовольный дерзостью ученика. Нер'зул собрался с силами, выпрямился горделиво и на этот раз смог отыскать нужные слова.

— Изыди, Дуротан! Ты навлек на себя мой гнев, и, хуже, гнев существа, одарившего нас милостью.

Вскоре я изъявлю тебе мою волю!

Дуротан поклонился, но не ушел сразу.

— Я кое-что принес тебе, — сказал, протягивая маленький сверток.

Шаман принял его трясущимися руками, надеясь, что дрожь припишут гневу, а не страху.

— Мы нашли это у пленников, — сообщил Дуротан. — Наш шаман считает — в этих камнях сила, пригодная против дрениев.

Чуть помедлил, ожидая от Нер'зула ответа, но когда затянувшееся молчание сделалось неловким, поклонился и ушел. Некоторое время и учитель, и ученик молчали.

— О, господин, простите мое самовольство. Я сказал: вы столь поражены, что и говорить не в силах. Я боялся, что этот громила из Северных Волков воспримет ваш гнев как нерешительность и сомнение.

Нер'зул посмотрел пытливо. Слова ученика звучали искренне, и лицо его не выдавало лукавства... Но все же, все же...

Не так давно Нер'зул бы просто сознался ученику во всем — ведь годами тренировал его, воспитывал, доверял. Но теперь, даже в тяжкий момент нерешительности, раздираемый сомнениями и страхом, одно Нер'зул знал совершенно точно: нельзя позволить Гул'дану увидеть хоть какую-то слабость учителя.

— Мною в самом деле овладела ярость, — солгал Нер'зул. — Честь... если пострадает народ, какая тут честь?

Вдруг он заметил, что стиснул судорожно сверток, принесенный Дуротаном, а Гул'дан смотрит, и во взгляде — неприкрытая жадность.

— Что ж он принес, чтобы смягчить ваш гнев?

Нер'зул глянул высокомерно.

— Ученик мой, сперва я изучу это, затем разделю знание с Кил'джеденом, — сообщил сурово. И замер, ожидая со страхом реакции Гул'дана.

И на кратчайшее мгновение в лице того мелькнул гнев. Затем младший склонился и выговорил покорно:

— Конечно, мой господин. Как самонадеянно было думать о таком... но мною двигало чистое любопытство, хотелось узнать, ценно ли хоть сколько-нибудь принесенное вождем Северных Волков.

Выслушав, Нер'зул отчасти смягчился. Гул'дан верно и преданно служил уже много лет и в свое время станет достойным преемником. Ни к чему шарахаться от теней.

— Конечно, — сказал старший шаман уже добрее, — я поведаю тебе, если разузнаю интересное. Ты ведь мой ученик, разве нет?

— Я готов служить вам во всем!

Лицо Гул'дана посветлело, он поклонился снова и удалился, видимо обрадованный. А Нер'зул тяжело осел на кипу шкур, служившую постелью.

Уложил сверток на колени, помолился предкам: если уж Дуротан не сумел привезти главара дрениев, так пусть хоть находка его окажется ценной.

Вдохнул глубоко, развернул сверток — и онемел. В мягком меху лежали два сияющих кристалла. Нер'зул тронул красный и охнул — бодрость, радость, невиданная сила потекли сквозь него. Захотелось схватиться за оружие — хотя уже много лет не знал в нем нужды, — размахнуться, ударить. Почему-то не сомневался: когда кристалл рядом, удар найдет цель! Чудеснейший подарок оркам — надо постараться обратить страсть к бою, раскаленную ярость схватки, обитающую в кристалле, к своей выгоде.

Лишь большим напряжением воли заставил себя отпустить красный кристалл. Задышал глубоко, успокаиваясь, очищая разум.

Теперь — желтый кристалл. Уже знал, чего ожидать, с готовностью принял исходящее тепло и силу. Но без возбуждения, без желания хватать, рубить, мчаться. Желтый кристалл прояснял разум, с ним казалось — раньше видел все вокруг как сквозь туман. И слов-то не отыскать для описания, но все будто чище, совершеннее, точнее — до остроты граней, до боли от столь совершенной безжалостной ясности.

Выпустил кристалл, уронил в подол. И острая, как нож, ясность рассудка поблекла. Нер'зул улыбнулся: хоть и не может представить самого Велена могучему Кил'джедену, по крайней мере, столь драгоценные дары смогут умиловить Великого.

Кил'джеден был взбешен. Нер'зул простерся ниц, дрожа, бормоча: «Простите меня, простите...»

Кил'джеден бесновался в ярости. Шаман уже зажмурился, ожидая неслыханной, невыносимой боли, но Великий вдруг успокоился.

Нер'зул глянул украдкой на благодетеля — тот снова выглядел спокойным, серьезным, величественным, был окутан сиянием.

— Я... разочарован, — прошептал Великий, переступив с одной ноги, оканчивающейся огромным раздвоенным копытом, на другую. — Но я скажу тебе вот что: виноват вождь клана Северного Волка, и ты больше никогда, слышишь, никогда не доверишь ему

ответственного задания!

Радость, облегчение, надежда нахлынули мощной волной — шаман едва не лишился чувств, залепетал счастливо:

— Господин мой, конечно, никогда больше! Смотрите: мы нашли эти кристаллы для вас!

— Для меня они бесполезны.

Нер'зул скорчился в ужасе.

— Но думаю, они могут пригодиться твоему народу в битвах, чтобы уничтожить дренеев. Ведь это ваша битва, не так ли?

Страх опять стиснул сердце Нер'зула.

— Конечно, мой господин! Это ведь воля наших предков!

Кил'джеден глянул — и его сияющие глаза, казалось, извергали пламя.

— Это моя воля, — сказал просто, и шаман закивал подобострастно.

— Конечно, это ваша воля, и я подчиняюсь вам во всем!

Кил'джеден, видимо, удовлетворился ответом. Кивнул и исчез. А Нер'зул, еще дрожа, принялся вытирать лицо, все в холодном поту от пережитого. И краешком глаза заметил проблеск белого — это Гул'дан! Он видел, он знает все!

Мы заранее обдумали нападение, и вчера, когда Белая Госпожа не вышла в небо, обрушились на их маленький сонный городок. Не пощадили никого, даже немногих найденных детей. Их припасы, доспехи, оружие, странные штуковины, непонятные и отвратительные нам, — вся добыча разделена между объединившимися кланами. Их синяя густая кровь засыхает на наших лицах, а мы танцуем, празднуя...

Нер'зул не дочитал письмо. К чему? Отличаются лишь детали, суть всегда одна: удачная атака, радость победы, радость от пролитой крови.

Сегодняшним утром кипа писем — целых семь.

С каждым прошедшим месяцем — даже долгими, морозными месяцами зимы — орки делались все искуснее в убийстве дренеев. С каждой победой узнавали больше о враге. Кристаллы, принесенные Дуротаном, оказались весьма полезными. Нер'зул работал с ними сперва в одиночестве, затем призвал и других шаманов. Красный камень называли Сердце Ярости и открыли: когда вождь отряда несет его с собой, не только он, но и весь отряд сражается яростнее и с большим мастерством. Камень отдавали каждому клану лишь на одну луну, и вскоре камень сделался вожаком награды. Но Нер'зул знал — присвоить его никто не осмелится.

Второй камень называли Сияющая Звезда. У шамана, несущего кристалл, обострялся разум, он все видел яснее, лучше сосредотачивался. Сердце Ярости будило эмоции — Сияющая Звезда успокаивала их. Мыслилось точнее, и внешнее не так отвлекало. Магия давалась легче и легче управлялась — еще один залог орочьих побед. Какая насмешка над ненавистными дренеями: их же магия помогает сокрушить их! Это изрядно поднимало настроение оркам.

Но все это не слишком радовало Нер'зула. Внезапное сомнение, родившееся, когда говорил с Дуротаном, ожгло до костей. Шаман гнал его прочь, ужасаясь: а вдруг Кил'джеден читает мысли? Но сомнения возвращались, вгрызались, копошились, словно черви в падали, отравляли и сон, и бодрствование. Кил'джеден выглядел очень, очень похожим на дренеев. Может, он — родня им? Что, если Нер'зула попросту используют в непонятной усовице между сородичами?

Однажды вечером сомнения стали невыносимы. Шаман молча оделся, разбудил волка Небесного Охотника. Тот потянулся, глянул сонно.

— Поедем, дружок, — успокоил его шаман, устраиваясь на просторной волчьей спине.

Никогда раньше не ездил к священной горе — всегда шел пешком, как требовал обычай. Но надо вернуться скорее, до того, как хватятся. Несомненно, предки извинят дерзость — важность дела того стоит.

Уже почти настала весна, время Кош'харга — но зима еще прочно держалась за землю. Холодный ветер щипал нос, терзал уши. Шаман скорчился, зарывшись в волчью шерсть, благодарный за звериное тепло... Какой свирепый ветер, так и хлещет снегом!

Волк пробирался сквозь сугробы — медленно, упорно. Наконец, подняв голову, Нер'зул увидел перед собой идеальный треугольник Горы Духов — и будто груз упал с сердца. Впервые за много месяцев ощутил: сейчас делает правильное, единственно нужное.

Небесный Охотник едва ли смог бы вскарабкаться в гору, потому шаман приказал ему остаться. Волк выкопал нору в сугробе, свернулся калачиком. Нер'зул решил, что за пару часов управится, и поспешил вверх — радостный, предвкушающий, бодрый, хотя и сгибался под тяжестью бурдюков с водой. Давно пора это сделать: пойти прямо к источнику мудрости шаманов, как и все его предшественники. И почему раньше не приходило это в голову?

Наконец добрался к входу, замер перед идеальным его овалом. Хотя и не терпелось увидеть предков, ритуал должно соблюсти. Поджег пучок сухой травы, и ее сладкий запах успокоил душу, очистил мысли. Лишь потом шагнул внутрь, пробормотав заклинание, зажигавшее факелы на стенах. Этот путь Нер'зул проходил множество раз, уже и не помнил сколько — ноги ступали будто сами по себе. Спешил вниз по извилистой тропе, и сердце, замирая от радости, чуть не выпрыгивало из груди, спеша в темноту.

Но, кажется, слишком долго пришлось дожидаться, пока усилится свет. Ступив в пещеру, обнаружил: свет от водоема предков тусклее, чем раньше, — тревожно и странно.

Вдохнул глубоко, выбралил себя — ведь собственные страхи принес к священному месту, только и всего. Шагнул к озерку, опорожнил туда принесенные бурдюки — тишину пещеры разорвал плеск воды, отдался эхом. Совершив приношение, сел на берегу, вглядываясь в сияющие глубины.

Но ничего не случилось.

Ничего страшного — предки не всегда отзываются сразу. Но время шло, и в Нер'зуловом сердце зашевелилась тревога. Решился заговорить:

— О, предки... возлюбленные наши умершие... Я, Нер'зул, шаман клана Призрачной Луны, вождь ваших детей, пришел искать — нет, молить о мудрости. Я... я потерял путь к вашему свету. Хоть мы стали сильнее, объединившись, стали единым народом — времена пришли темные и страшные.

Я сомневаюсь в избранном пути и умоляю вас: помогите! Пожалуйста, если вы любите, если хоть когда-то любили тех, кто пришел в жизнь следом за вами, придите ко мне, дайте совет, чтобы я мог лучше вести их!

Голос его задрожал, оборвался. Знал: слова прозвучали жалко и бессильно, и на мгновение вспыхнувшая упрямая гордость заставила покраснеть от стыда. Но ведь забота о народе превыше гордыни! Ради блага, ради верной дороги стоит умолять, в особенности, когда не знаешь, какой эта дорога должна быть...

Вода засветилась. Нер'зул склонился нетерпеливо, вглядываясь, и увидел лицо. «Рулькан!» — выдохнул счастливо.

На глаза навернулись слезы — и они на мгновение милостиво скрыли, размыли, сделали все нечетким. А когда рассмотрел, сердце шамана зашлось от боли.

Во взгляде Рулькан виделись лишь ненависть и презрение. Нер'зул отпрянул, будто от удара. А в воде всплывали все новые и новые лица, десятки лиц — и во всех читалось то же самое.

Шамана замутило. Шатнувшись, закричал:

— Пожалуйста, помогите! Явите мне мудрость, чтобы я снова смог добиться вашей милости!

Лицо Рулькан чуть смягчилось, и в ее голосе прозвучало сочувствие:

— Теперь ты ничего не сможешь сделать, хоть бы и старался сотню лет. Тебе не заслужить нашего прощения. Ты не спаситель нашего народа — но предатель его.

— Нет! Умоляю, скажите мне, что делать, и я сделаю! Ведь еще не поздно, я знаю, не

поздно...

— Ты слишком слаб, — произнес рокочущий мужской голос. — Если б был сильным, не поддался бы искушению, не стал бы игрушкой в руках того, кому безразличен наш народ.

— Но я не понимаю... Рулькан, ты же приходила ко мне, я слышал! Ты, Грек'шар, ведь ты советовал мне! Вы привели Кил'джедена ко мне! Ведь он — Великий друг всех орков...

Рулькан ничего не ответила. Да и сам, говоря, вдруг понял, как глубоко и страшно был обманут.

Предки не приходили к нему. Видения были всего лишь мороком, насланным Кил'даседеном. Предки правы в недоверии — любой шаман, позволивший так себя провести, недостойн исправить причиненное зло. О, как запутался Нер'зул во лжи, страхе, фальшивой надежде! Жалкое насекомое, игрушка в чужих руках, повлекшая в ловушку всех остальных!

Выхода нет — сотня дрениев мертва, мира уже не добиться, и помощи от предков ждать нечего.

Как теперь доверять видениям? Ведь, скорее всего, они окажутся лживыми. А хуже всего: ведь сам предал свой народ тому, кто, вопреки прекрасному виду и сладкоречию, заботился лишь о своем, используя орков как дешевое оружие.

Рулькан отвернулась, ушла, исчезла в глубине, а за ней — все явившееся множество лиц. Нер'зул трепетал от ужаса, от омерзения. Нет прощения, невозможно исправить содеянное. Что поделать?

Остается лишь идти по дороге, столь искусно приготовленной Кил'джеденом, и молить уже не слушающих предков о том, чтобы как-нибудь все выправилось. Шаман закрыл ладонями лицо, заплакал.

Скорчившись во тьме у поворота тоннеля,

Гул'дан слушал всхлипы учителя и улыбался.

Кил'джеден, несомненно, поблагодарит за узнанное сегодня.

Глава 12

Так либо иначе, все живые слабы, какой бы расы или племени они ни были. Иногда эта слабость — лишь оборотная сторона силы. Иногда — гибель. А временами — и то, и другое разом. Мудрый понимает свою слабость, и учится жить с нею.

Глупец же подчиняется ей и гибнет.

Но временами наибольшим глупцом оказывается как раз мудрейший.

Спеша назад верхом на Небесном Охотнике, вцепившись намертво закоченелыми руками в волчью шерсть, Нер'зул хотел лишь одного: чтобы ночь разверзлась и поглотила его. Как можно возвращаться к поверившим ему? Как после такого предательства? А куда убежишь? Кил'джеден ведь отыщет. Если б только хватило мужества взяться за ритуальный нож да засадить себе прямо в сердце... Но ведь не отважится. Самоубийца — презренный трус, избравший постыдное бегство от жизни вместо того, чтобы встать лицом к лицу с нею. Избравший путь труса не удостоится жизни среди духов.

Остается притвориться, будто ничего не знает, и попытаться потихоньку переиграть Кил'джедена. Хотя, очевидно, могущественный, этот «Великий благодетель», едва ли способен читать в душах.

От этой мысли шаман несколько оживился. Да, можно смягчить вред, нанесенный этим самозванцем. Так он, Нер'зул, продолжит по-настоящему служить своему народу.

Истощенный телесно и душевно, Нер'зул ввалился в свой шатер перед самым рассветом, желая лишь одного: рухнуть в постель и заснуть, надеясь забыть, хотя бы на краткое время, ужас, принесенный им самим в этот мир.

Но невыносимо яркий свет ослепил его. Шаман пал на колени.

— Так ты готов предать меня? — произнес из сияния Великий.

Нер'зул вскинул руки, тщетно пытаясь защитить глаза от невыносимого блеска. Живот

болезненно скрутило — вот-вот стошнит от страха.

Свет чуть померк — и шаман опустил руки. Рядом с Кил'джеденом стоял Гул'дан, усмехаясь криво.

— Гул'дан, ученик мой, — прошептал Нер'зул в ужасе, — что ты наделал?

— Я рассказал Кил'джедену о крысе, — сообщил Гул'дан с той же кривой ухмылочкой на лице. — Ему решать, что сделать с тварью, вздумавшей предать его.

На Гул'дановых плечах еще не растаял снег.

До оцепеневшего от ужаса Нер'зула вдруг дошло: ученик, жадный до власти — и как можно было не замечать этого столь долго? — выследил учителя.

Выслушал слова предков... и продолжает стоять рядом с Кил'джеденом после всего узнанного? На мгновение страх и ненависть исчезли — Нер'зул просто пожалел существо, павшее столь низко.

— Мне досадно и горько, — пожаловался Кил'джеден, и шаман глянул на него недоуменно. — Я избрал тебя. Я дал тебе мою силу. Я показал, что нужно твоему народу, чтобы не остаться вторым в этом мире, чтобы обрести новое могущество.

— Ты обманул меня! — выпалил Нер'зул, не думая. — Ты насылал фальшивые видения, ты оскорбил предков и все, что нам дорого. Не знаю, зачем ты делаешь это, но уж точно не из любви к моему народу!

— Но ведь он процветает. Он един впервые за много столетий.

— Объединенный ложью? — спросил Нер'зул презрительно.

От собственной дерзости кружилась голова.

Вот так встать, смело высказать все — и пусть это чудовище, разъярившись, убьет. Все проблемы решатся разом.

Но Кил'джеден вовсе не вскипел яростью, как рассчитывал шаман. Вместо этого он вздохнул глубоко, покачал головой — ни дать, ни взять, родитель перед провинившимся чадом.

— Ты еще можешь искупить вину, — предложил он, — У меня есть задание для тебя. Исполнишь — и я прощу твое сомнение во мне.

Нер'зул раскрыл рот, чтобы снова выкрикнуть непокорное, обличающее, но слова почему-то не захотели звучать. Мгновение силы и отчаяния миновало — шаман хотел умереть не более, чем любое другое разумное существо, и потому смолчал.

— Меня тревожит произошедшее с вождем Северных Волков не в последнюю очередь потому, что он не единственный, подавший голос против общего дела. Есть и другие — носитель Молота Рока, к примеру, кое-кто в клане Ветряной Мельницы и в клане Красных Ходоков. На это можно было бы не обращать внимания, но подающие эти голоса — далеко не последние орки в кланах. Они — риск успеху моего плана. Поэтому нужно гарантировать их покорность. Простой клятвы верности недостаточно, хм...

Кил'джеден постучал по щеке длинным алым пальцем.

— Слишком многие здесь любят по-своему понимать, что такое клятва и честь. Мы должны, хм, обеспечить их покорность раз и навсегда.

— Что же вы предлагаете, о, Великий? — вскричал Гул'дан.

Кил'джеден улыбнулся ему. О небо, до чего же они схожи! Нер'зул въяве ощущал их связь, родство душ. Со старым шаманом Кил'джедену приходилось прибегать к хитростям и уловкам, соблазнять ложью — с Гул'даном можно говорить открыто.

— Есть способ сделать их навечно привязанными к нам. Навечно верными.

Нер'зул считал, что после увиденного и услышанного в пещере предков ужаснуть его уже нечем, но, слушая замысленное Кил'джеденом, понял: ужасы бывают и пострашнее. Чудовищнее, невообразимее. Навечно верные, навечно привязанные.

Навечно — рабы.

Глянул в пылающие глаза Кил'джедена — и слова замерли в глотке. Кивка бы хватило выразить согласие, но и этого не смог. Просто смотрел, оцепенев, будто птица перед змеей.

Кил'джеден вздохнул тяжело.

— Значит, ты отказываешься от шанса оправдаться в моих глазах?

Растаял ледяной ком, закупоривший горло.

Слова хлынули наружу, и, хотя старый шаман понимал — они значат гибель, не остановил их.

— Я отказываюсь обрекать мой народ на вечное рабство!

Кил'джеден выслушал терпеливо, кивнул огромной головой.

— Хорошо. Таков, значит, твой выбор — вместе со всеми его последствиями. Знай же, шаман: он ничего не решает. Мой план исполнится все равно, твой народ превратится в рабов. Но вместо того чтобы вести их, наслаждаясь моим благоволением, ты будешь наблюдать в бессилии.

Думаю, это наказание для тебя куда лучше, чем, если бы я попросту умертвил тебя.

Нер'зул открыл рот, но ответить не смог.

Кил'джеден чуть сощурился, и шаман не смог даже двинуться. Лишь сердце дико колотилось в груди, но и оно, Нер'зул понимал, продолжает биться лишь по воле Великого.

Как же можно было жить таким простодушным глупцом? Как же мог не прозреть лжи? Как мог принять обман, посланный этим... этим чудовищем, за дух любимой жены? Слезы навернулись на глаза, поползли по щекам — и то лишь потому, что владыка Кил'джеден позволил.

Тот улыбнулся — и повернулся к Гул'дану, медленно, нарочито. И Нер'зул, хотя и в состоянии донельзя жалком, отметил почти с удовольствием: все же он не смотрел на Кил'джедена с таким беззаветным, щенячьим обожанием, как Гул'дан.

— Тебя-то не нужно успокаивать мелкой ложью, мое новое оружие? — Кил'джеден говорил почти добродушно, приязненно, — Ты-то от правды не прячешься?

— Конечно, мой господин, не прячусь. Я живу лишь для исполнения ваших приказов!

Кил'джеден злорадно усмехнулся.

— Если мне приходится лгать — я прощаю и чужую ложь. Живешь ты, чтоб захватить побольше власти. Ты алчешь ее, жаждешь, изнемогаешь — уж я-то вижу. И за последние месяцы твое умение выросло достаточно, чтобы ты стал полезен мне.

Наша связь — отнюдь не от уважения, обожания и прочего в том же роде. Она — от взаимной выгоды и шкурных интересов. Что значит — она окажется прочной.

Гул'дан замер в нерешительности, не зная, что и сказать, то багровея, то бледнея. Нер'зул наблюдал с удовольствием.

— Как... пожелаете... — выдавил, запинаясь, Гул'дан.

Но затем голос его окреп, и закончил он уже увереннее:

— Скажите, что мне делать, и я исполню!

— Несомненно, ты заметил: я хочу уничтожить дрениев. Зачем и почему — не твое дело, достаточно и того, что я этого хочу. Орки кое-как справляются, но могли бы и получше. Они будут справляться лучше. Предел возможностям воина полагает его оружие, и я дам оркам такое оружие, какое они и представить не могут. Но это займет время — мне нужно сперва натренировать тебя, чтоб ты смог учить остальных. Готов ли ты, хочешь ли?

— Начинайте же учить, о Лучезарный, и увидите, насколько я способный ученик! — Глаза Гул'дана сияли.

Кил'джеден рассмеялся.

Дуротан был залит кровью, большей частью его собственной. Что ж пошло не так? Поначалу все как обычно: нашли охотничий отряд, приблизились, напали, ожидая, что шаманы используют магию для боя.

Но шаманы бездействовали. Один Северный Волк за другим падал под ударами сияющих мечей и бело-голубых молний дрениев. И вот, сражаясь отчаянно, чтобы выжить, Дуротан увидел: Дрек'Тар отбивается посохом!

Что же случилось? Почему шаманы не пришли на помощь? О чем Дрек'Тар думает, почему не применяет магию — он же владеет посохом не лучше ребенка?!

А дренеи бились свирепо, пользуясь случаем.

Наседали, рубились ожесточенней, чем когда-либо, и глаза их блестели предвкушением победы — впервые! Дуротан поскользнулся на залитой кровью траве. Упал, а противник занес меч.

Вот оно — вождь клана доблестно гибнет в битве. Разве что битва вовсе не доблестная — просто бойня. Поднял секиру, чтобы отбить удар, хотя рука была ранена клинком, попавшим в сочленение брони, и дрожала. Посмотрел в глаза своего убийцы — и вдруг узнал Ресталаана!

В этот же миг узнал его и глава стражи города Тэлмор и, глядя удивленно, не завершил удара.

Дуротан застонал, хватая воздух ртом, попытался встать, чтобы биться дальше, а Ресталаан выкрикнул что-то на переливчатом языке дрениев — и все они остановились, не добивая.

Когда вождь Северных Волков встал, увидел: в живых осталась лишь пригоршня его воинов.

Еще пара мгновений — и дрениев перебили бы всех, сами потеряв лишь двоих-троих.

Ресталаан повернулся к Дуротану. На уродливом лице дрениев смешалась целая гамма чувств: отвращение, сожаление, сочувствие, решимость.

— За милость и честь, оказанную нашему пророку, ты, Дуротан, сын Гарада, и те из твоего клана, кто еще жив, будут пощажены. Позаботьтесь о раненых и возвращайтесь домой. Но не ожидайте снова подобной милости от нас — долг чести выплачен.

Дуротан истекал кровью из глубоких ран, его качало, будто спьяну. Лишь усилием воли заставил себя стоять, пока дрениев не скрылись из виду. А тогда ноги сами подогнулись в коленях. Наверное, несколько ребер треснули или поломаны — каждый вдох отдавался резкой болью.

— Дуротан?!

А, Дрека. Тоже тяжело ранена — но голос ее силен. Дуротан вздохнул с облегчением — хвала предкам, она жива! Прибежал Дрек'Тар, бормоча, приложил руки к груди у сердца — и Дуротан ощутил прилив живого тепла, боль от ран унялась.

— По крайней мере, они позволяют мне врачевать, — пробормотал шаман так тихо, что Дуротан едва различил слова.

— Позаботься об остальных, потом поговорим, — велел вождь.

Дрек'Тар кивнул, не решаясь глянуть в глаза, затем вместе с другим шаманом поспешил к раненым: залечить магией раны, какие смогут, какие нет — обработать, приложить лекарства, забинтовать. У Дуротана еще остались раны, но неопасные для жизни, и он принялся помогать шаманам.

Когда закончил, огляделся вокруг: полтора десятка тел осталось коченеть на измятой траве — и тело второго по старшинству, Роккара. Дуротан покачал головой, пораженный, в недоумении. Надо возвращаться с носилками, чтобы отнести павших к их землям, а там устроить погребальные костры, развеять пепел по ветру — пусть разнесет по земле и воде, чтоб духи павших могли уйти к предкам, подняться к священной Ошу'гун. Они вольются в сонмище предков, и шаманы станут совещаться с ними о делах исключительной важности.

Раньше всегда было так. Но сейчас... сейчас случилось ужасное, и надо срочно выяснить, что же именно.

Столько крови и смерти... зачем?

Дуротан скрипнул зубами. Пусть предки говорят про необходимость войны — нутро так и кричит против. Ошибка это, страшная, нелепая и губительная.

Кинулся к Дрек'Тару, рыча, схватил его, изнеможенного, пытающегося напиться, вздернул на ноги.

— Это ж бойня! — заорал, тряся, — Пятнадцать сородичей мертвы, земля пьет их кровь! Где твои умения? Почему ни ты, ни твоя порода не помогли бою?

Сперва Дрек'Тар слов найти не мог, а уцелевшие Северные Волки смотрели молча на

ссору вождя со своим главным шаманом.

Затем Дрек'Тар прошептал:

— Стихии... они не захотели прийти.

Дуротан прищурился. Не отпуская кожаной шаманской куртки, потребовал, глядя прямо в круглые от страха глаза:

— Скажи: это правда? Они не захотели помочь нам в битве?

Несчастный, растерянный, шаман кивнул.

А другой сказал дрожащим голосом:

— Великий вождь, это правда. Я все их просил, одну за другой. Они сказали... сказали: равновесие нарушено, и они больше не позволят нам пользоваться их силой.

Дуротаново изумление прервал сердитый возглас. Обернувшись, увидел искаженное злостью лицо Дреки.

— Это уже не знак — это крик, это боевой клич! Они кричат нам: мы делаем неправильное!

Дуротан задумался, пытаюсь уместить в голове случившееся, кивнул. Если бы не милость Ресталаана, сейчас валялся бы на земле, коченея. Стихии не помогли, отказали шаманам в их просьбах. Вдохнул глубоко, помотал головой, будто отгоняя мрачные мысли.

— Нужно доставить раненых домой как можно быстрее. Затем... затем я разошлю письма. Если мои страхи оправдаются, если не только шаманам Северных Волков отказали в помощи стихии из-за того, что мы учинили с дрениями, значит, нам придется серьезно говорить с Нер'зулом.

Глава 13

Как же мы могли не увидеть?

Сейчас так просто возлагать вину за наше падение на искусного прельстителя Кил'джедена, слабого Нер'зула, жадного к власти Гул'дана. Но ведь они потребовали от каждого признать черное белым, а горькое — сладким. И хотя все, все указывало нам: мы идем ложной дорогой, идем к гибели — мы по-прежнему шли. Меня еще не было в то время. Возможно, и я бы помчался вместе со всеми, как щенок после хозяйской трепки. Возможно, страх оказался слишком велик, или привычка повиноваться вождям, вьевшаяся слишком прочно.

Возможно.

Но возможно также, что я, подобно отцу и многим другим, начал бы видеть очертания гибели. Мне хотелось бы верить в это.

Чернорук глянул исподлобья, хмурясь. Впрочем, он всегда выглядел хмурым — наверное, потому, что всегда был чем-то недоволен.

— Ну, Гул'дан, не знаю, не знаю, — проворчал, а рука, будто сама собой легла на рукоять меча, поглаживая, пощупывая.

Гул'дан поморщился. Когда две недели тому назад просил Чернорука прийти, приведя заодно шаманов клана Черной Горы, и ничего никому про то не рассказывать, Чернорук согласился.

Ему Гул'дан всегда нравился больше Нер'зула, хоть и сам не понимал почему. А когда после обильной и роскошной трапезы Гул'дан сел с вождем один на один и разъяснил ситуацию, Чернорук очень обрадовался, что согласился на эту встречу.

Теперь понял, почему так по душе Гул'дан, прежний ученик главного шамана, а теперь сам главный шаман, — да попросту похож он на Чернорука! Никаких глупостей про честь и прочее, ясная выгода и польза — вот главное. А с ними — власть, хорошая еда, красивые доспехи и оружие, и кровь, побольше пролитой крови! Вот что любили оба — и не стеснялись того.

Чернорук — вождь клана, обреченный оставаться вождем клана до конца жизни. По

крайней мере, так было до сих пор, пока величайшей честью для орка было вести свой клан. Но теперь орки объединились. И в маленьких глазках Гул'дана горит алчный огонек, светится похоть к власти, могуществу, силе. Не того ли хочет и вождь клана Чернорук?

— Нер'зул — он мудрый, хороший советчик, — вещал Гул'дан, поедая сушеный фрукт. Колупнул когтем меж зубов, извлекая непрожеванный остаток.

— Он хороший шаман. Но было решено, что отныне я — лучший духовный вождь для орков.

Чернорук ослабился — ага, а старика-то и не видать поблизости!

— А мудрый вождь должен окружить себя надежными союзниками, — продолжал Гул'дан. — Сильными, покорными, хорошо исполняющими порученное. Теми, кто за верность получит в награду высокую милость, власть и богатые дары.

Чернорук, скривившийся было при слове «покорными», весьма оживился при словах «власть и богатые дары». Глянул искоса на восемь приведенных шаманов — те сгрудились у соседнего костра, их потчевали слуги Гул'дана. Шаманы клана Черной Горы выглядели растерянными и жалкими и, к счастью, разговора вождя с Гул'даном слышать не могли.

— Ты просил привести шаманов, — заметил Чернорук. — Кажется, ты знаешь, что с ними случилось?

Гул'дан вздохнул, потянулся за ногой талбука. Вгрызся — по подбородку побежал мясной сок, смешанный со слюной. Вырвал кус, вытер рот ладонью, пожевал рассеянно, проглотил.

— Да, я слышал — им стихии больше не подчиняются.

— Некоторые думают: это из-за неправильной и несправедливой войны, — произнес Чернорук, глядя внимательно на шамана.

— А ты как думаешь?

— А что мне подумать? — Чернорук пожал широкими плечами. — Тут для меня все ново и непонятно. Предки говорят: делай, а стихии-то — тью-тью.

Насчет предков у Чернорука тоже были кое-какие подозрения, но решил промолчать. Знал: многие считают его дураком — и отлично, пусть думают, что он — всего лишь сильная рука и острый меч. Недооценивший врага всегда в проигрыше.

А Гул'дан-то смотрит как, в самую душу лезет.

Может, заподозрил, распознал, что вождь Чернорук вовсе не кусок мяса с мечом?

— Мы — гордая раса, — сообщил Гул'дан. — Временами нам трудно принять, что знания наши малы и слабы. А Кил'джеден и существа под его рукой... ах, Чернорук, какой же мощью, какими тайнами они владеют! И мощью этой они готовы поделиться с нами!

Теперь Гул'дановы глазки блестели от возбуждения — и сердце Чернорука заколотилось быстрее. Гул'дан наклонился, зашептал благоговейно: «Мы передними — просто невежественные дети. Даже я, даже ты. Но они готовы научить нас, поделиться силой, не зависящей от духов земли, воды, воздуха и огня».

Гул'дан пренебрежительно махнул рукой.

— Сила стихий ненадежна, на нее нельзя положиться. Она может покинуть в середине битвы, оставить беспомощным.

Лицо Чернорука окаменело. С его отрядом случилось то же самое. После того, как шаман завопил испуганно про непослушание стихий, победу лишь еле-еле удалось вырвать.

— Я слушаю, — прорычал тихо.

— Представь только, что мог бы ты сделать, имея под рукой шаманов, не молящих духов о силе, а всегда имеющих ее под рукой, управляющих ею! Представь: у этих шаманов могут быть слуги, также сражающиеся с врагом, способные обратить врага в паническое бегство, высосать дочи́ста их магию, как летний гнус высасывает кровь. Или отвлечь, мешать сосредоточиться на битве.

— Думаю, я побеждал бы всякий раз. Или почти всякий, — ответил Чернорук, выгнув удивленно косматую бровь.

— Именно! — Гул'дан кивнул, ухмыляясь.

— Ты уверен, шаман? Это не фальшивый шепоток, не лживое обещание?

— Уверен, вождь, я ведь сам уже испытал это. Я научу твоих шаманов всему, что знаю.

— Ого! — пророкотал Чернорук.

— Но это не все — я знаю способ сделать тебя и сражающихся бок о бок с тобой яростнее, смертоноснее, свирепее. Все эти дары станут нашими — нам остается лишь протянуть руку и взять.

— Нашими?

— Я не могу тратить все время на разговоры с вождем любого клана, вздумавшего пожаловаться мне. Есть те, кто согласен с путем, избранным тобою и мной... и те, кто не согласен.

— И что дальше?

Но Гул'дан не спешил отвечать, размышляя.

Чернорук подхватил прутик, потыкал в костер.

Знал: большинство орков даже его собственного клана считают вождя вспыльчивым и нетерпеливым, но он хорошо знал цену терпению.

— Мне видится два правительства для орков. Одно — с избранным открыто вождем, с действиями, открытыми и ясными для всех. Второе — тень первого, скрытое, тайное. И могущественное. Это... в этот Совет Теней войдут только преданные нам и нашему делу, согласные пожертвовать всем для его успеха.

— Да, да, я понимаю, — закивал Чернорук. — Вождь для всех и вождь на самом деле.

Гул'дан ухмыльнулся, растянув медленно губы. Чернорук посмотрел на него, по-прежнему тыча прутиком в костер, и спросил:

— И куда войду я?

— В оба совета, — тут же ответил Гул'дан. — Ты — прирожденный лидер. Ты умеешь увлечь народ, ты силен, и даже твои враги согласны: ты несравненный командир на поле боя. Тебя легко будет избрать вождем всех орков.

— Я тебе не кукла, — проворчал Чернорук, и глаза его сверкнули гневом.

— Ну конечно! Потому и говорю: ты войдешь в оба совета! Ты станешь вождем нового племени орков, новой... новой Орды, так сказать. И ты станешь силой в тайном совете. Мы же не сможем сработать, не доверяя друг другу.

Чернорук глянул в мелкие хитрые глазки Гул'дана и усмехнулся. Шаману он не доверял ни на йоту и подозревал: шаман столь же доверяет ему. Но не важно, ведь оба хотели одного и того же — власти. Чернорук знал: ему самому недоступны умения и таланты, нужные для власти, которой добивается Гул'дан. А тому вовсе не нужны были те власть и сила, которых желал Чернорук.

Они не были конкурентами, но дополняли друг друга и поэтому могли оставаться союзниками.

Чернорук подумал о семье: о жене Урукале, сыновьях Ренде и Мэйме, дочери Гризельде. Конечно, так не сходил с ума по ним, как слабак Дуротан по своей Дреке, но ведь заботился и любил по-своему. Хотел видеть жену усыпанной драгоценностями, сыновей и дочь — почитаемыми, как подобает детям Чернорука. Краем глаза заметил движение — Нер'зул, когда-то уважаемый, а теперь ненужный и бесполезный, выскользнул из шатра.

— А с ним как?

Гул'дан пожал плечами.

— С ним... он теперь — пустое место. Прекрасный господин не желает его смерти. Похоже, он придумал нечто... особое для него. А пока он — удобная кукла, орки привыкли почитать Нер'зула, поэтому неразумно избавляться от него сейчас. Но не бойся, он для нас — не угроза.

— Ты сказал — научишь моих шаманов новой магии? Той, какую сам изучал? Сделаешь их непобедимыми?

— Я стану обучать их сам, и если они преуспеют в обучении — займут достойное место среди моих новых учеников-чернокнижников. Чернокнижники... вот какое имя у

новых шаманов. Зловещее, сильное слово. Должно быть, соответствующее новым чарам. Чернокнижники. И шаманы клана Черной Горы станут первыми среди них.

— Чернорук, вождь клана Черной Горы, что скажешь ты мне в ответ?

Тот медленно повернулся к Гул'дану.

— Скажу: да здравствует Орда! И ее Совет Теней.

У подножия священной горы собралось множество рассерженных орков. Дуротан разослал письма тем, кому доверял, и получил подтверждение: да, стихии оставили всех шаманов. Особо неприятное известие пришло из клана Костеглодов: весь их отряд погиб в бою против дренеев, почему так случилось, поняли лишь через несколько дней, когда оставшийся шаман захотел вылечить больного ребенка. Теперь разъяренные вожди кланов и их шаманы съезжались к Ошу'гун, чтобы потребовать у Нер'зула объяснений.

Тот явился приветствовать, замахал руками, прося тишины.

— Я знаю, почему вы пришли, — сказал тихо, но его услышали все.

Дуротан нахмурился: Нер'зул стоял так далеко, что казался лишь пятнышком на горном склоне, но голос его доносился отчетливо. Раньше и Дуротан проделывал подобное, приказывая ветру разносить слова. Но если стихии отказались повиноваться шаманам, как это возможно? Переглянулся с Дрекой — но оба смолчали.

— В самом деле, стихии больше не отвечают призывам шаманов...

Дальше слова Нер'зула утонули в сердитых выкриках. Старший шаман замолк, опустив устало голову. Как же он постарел — истончал, осунулся, — настолько подавленным и потерянным Дуротан его никогда не видел. Почему-то это вовсе не удивило.

Через пару минут крики улеглись — собравшиеся сердились, но не настолько, чтобы гнев победил любопытство. Всем хотелось узнать, в чем дело.

— Обнаружив непокорство стихий, некоторые из вас заключили поспешно о неверности нашего общего пути. Но они ошиблись! Сейчас мы достигаем могущества, никогда прежде невиданного, открываем новую силу. Мой ученик Гул'дан изучил эту силу, и я позволяю ему отвечать на все ваши вопросы.

С тем Нер'зул, тяжело опираясь на посох, отошел в сторону. Гул'дан земно поклонился учителю — тот, кажется, и не заметил. Стал, закрыв глаза, — ветхий, немощный.

Гул'дан же попросту лучился здоровьем, силой, энергией — Дуротан прежде не видел его таким.

Спокойная уверенность, звучащая в каждом слове, горделивая осанка, властные жесты.

— То, что я собираюсь поведать вам, многим будет трудно принять. — Зычный, ясный его голос раскатился над толпой. — Но я верю — мой народ не отвернется близоручко от возможности улучшить себя. Для нас поразительным откровением стало явление могучих существ, не похожих ни на предков, ни на духов стихий. Другим таким же откровением стало знание: кроме заклинания стихий есть и другие пути владения магией. Новую магию не нужно выпрашивать у стихий, моля их о милости. Это магия сильных, способных приказать и заставить колдовскую силу явить себя. Этой магией можем управлять мы, а не стихии. Эта сила подчиняется нам, покорна нашей воле, она — наша слуга, а не наоборот.

Гул'дан сделал паузу, давая время сказанному осесть в умах, глянул свысока на собравшихся.

— Это возможно? — спросил Дуротан у Дрек'Тара.

Тот беспомощно пожал плечами, полностью сбитый с толку Гул'дановым откровением.

— Не знаю и не понимаю... но скажу одно: если шаманы исполняли волю предков, как стихии могли отказать нам? Почему предки позволили такое? — спросил Дрек'Тар с горечью, обуянный злостью и стыдом.

Дуротан понимал: шаман чувствовал себя как воин, потянувшийся в пылу битвы за проверенной секирой и обнаруживший, что секира эта растеклась дымом прямо в пальцах. А ведь ее даровал верный друг, и для доброго, освященного дела.

— Да, да, я вижу: вы понимаете значение предлагаемого мною... Великим и Прекрасным,

взявшим нас под покровительство, — объявил Гул'дан, кивая. — Я учился у этого Великого существа — как и вот эти благородные шаманы.

Отошел, и вперед выступили несколько шаманов, одетых в прекраснейшие, искусно сделанные доспехи из ткани — лучшие из когда-либо виденных Дуротаном.

— Они все — из Черной Горы, — пробормотала Дрека, нахмурившись.

— Изученное ими сможет узнать каждый пожелавший шаман — в этом я клянусь вам. Следуйте же за мной к равнине, где мы издавна праздновали Кош'харг, и они по моей воле покажут вам свое устрашающее мастерство!

Непонятно почему, но Дуротан почувствовал себя очень скверно. Дрека заметила неожиданную бледность, стиснула его руку, ободряя.

— Что с тобой, муж мой? — спросила вполголоса, когда вместе со всеми пошли к месту праздника.

— Не знаю, — ответил так же тихо. — Вот только... мне показалось: сейчас свершится ужасное и непоправимое.

— Я это чувствую уже очень давно.

Дуротан усилием воли придал лицу равнодушное выражение. Вождь ответственен за свой клан, а вождь Северных Волков и так был на не слишком хорошем счету у Нер'зула, а теперь, наверное, и у Гул'дана. Сейчас опорочить и вождя, и его клан стало куда легче, чем в прошлом. Все озабочены единством. Изгнание, изоляция клана Северного Волка будет означать лишь быстрое вымирание. Пусть и не нравится, куда все катится, но что поделаешь? Переступишь черту, протестуя, и пострадает множество доверившихся ему. Этого нельзя допустить.

И все же сердце так и колотится в груди, кровь стучит в висках, дрожат руки — скверное, скверное ждет впереди. Воззвал про себя к предкам: не оставьте, помогите народу мудростью!

Наконец достигли плоского дна долины, испокон веку служившей местом Кош'харга. Ступив на священную землю, Дуротан чуть расслабился, улыбнулся даже. Пришли приятные воспоминания о той ночи, когда вдвоем с Оргримом решили презреть традиции и подслушать, о чем это секретничают взрослые у костров, и как были разочарованы обыденностью разговоров. Сейчас уже, с высоты взрослого опыта, ясно: хоть и воображали тогда невесть что, не первые Дуротан с Оргримом были такие дерзцы и не последние.

Вспомнил и то, как впервые увидел будущую жену, вспомнил охоту на роскошных полях долины, пляски у костра, когда отзывалась в крови барабанная дробь, вспомнил песни под луной.

Пока народу дорого это, пока поколение за поколением знают эту радость — народ не умрет.

Приободрившись, глянул на место всегдашних танцев — там, непонятно для чего, стояла небольшая палатка. Вместе с Дрекой остановились в нескольких шагах от нее. Не иначе для показа шаманского мастерства возведена...

День выдался погожий, в долине собирались орки, сплошь вожди и шаманы кланов. Не слишком много — в праздник долина принимала куда больше. Гул'дан подождал, пока собралась все, потом зашагал к палатке, шаманы, искушенные в новой магии, — за ним. Шагали уверенно, горделиво. Остановившись перед палаткой, Гул'дан позвал нескольких воинов из клана Черной Горы — те подошли послушно, стали навтыяжку.

В этот миг изменившийся ветер принес знакомый запах — дрений! Дуротан оглянулся удивленно, рядом в толпе зашептали, загомонили приглушенно — не он один узнал запах. Гул'дан кивнул воинам — те нырнули в палатку и извлекли оттуда восемь дрениев со связанными руками. Лица дрениев были в кровоподтеках и синяках, опухли и исказились до неузнаваемости. У каждого изо рта торчала тряпка, на синей коже, на жалких лохмотьях, оставшихся от одежды, запеклась кровь.

— Когда клан Черной Горы сражался при помощи магии, которой я поделюсь с вами, он победил уверенно и столь полно, что сумели взять пленных, — заявил Гул'дан с

гордостью. — Эти пленные помогут мне показать, на что способна новая магия.

Ярость захлестнула Дуротана. Одно дело — убить врага в бою. Убивать безоружных пленников — совсем, совсем другое. Уже открыл рот, готовясь выкрикнуть, но чья-то ладонь легла на его руку. Оглянулся, посмотрел в холодные серые глаза Оргрима.

— Ты знал! — прошипел Дуротан тихо, чтоб расслышал лишь друг.

— Тише, тише, — прошептал Оргрим, оглядываясь, прислушиваются ли к ним.

Но никто внимания не обращал — все смотрели на Гул'дана и пленников.

— Да, я знаю — я дрался в том бою, когда мы захватили их. Сейчас новые времена и все происходит по-новому.

— Орки никогда так не делали!

— Теперь делают. Это печальная необходимость. Но не думаю, что расправы над пленными станут обычным делом — мы ведь хотим попросту перебить дрениев, а не покорить.

Под Дуротановым взглядом Оргрим покраснел, затем отвернулся. А ярость Дуротана чуть поутихла. По крайней мере, Оргрим понимал: происходящее неправильно и противоестественно.

Но что он может сделать? Он — второй после Чернорука и связан клятвой верности. Как и на Дуротане, на нем ответственность, и от нее не убежать. Впервые в жизни Дуротан захотел быть просто рядовым воином.

Глянул на жену — она посмотрела с отвращением на них с Оргримом, лицо ее исказилось горечью и отчаянием.

— Теперь эти твари нам полезны, — говорил Гул'дан.

Дуротан поднял с усилием отяжелевшую голову, заставил себя посмотреть на шамана.

— Мы используем их для нашей новой магии.

Кивнул первой в строю шаманке, облаченной в кольчугу. Та закрыла глаза, сосредотачиваясь.

Зашелестело — будто поднялся внезапно ветер.

Странный узор запылал лиловым пламенем у ее ног, над головой завращался медленно лиловый куб. И вдруг у ног ее оказалось маленькое верещащее существо. Оно подпрыгивало радостно, скаля мелкие зубы, глазки его полыхали алым.

Вокруг зашептали, кто-то зашипел в ужасе.

Прочие шаманы также принялись чертить лиловые узоры, вызывать кубы, наколдовывать тварей, казалось, просто из ничего. Многие призванные были огромны, бесформенны, колыхались, отсвечивая бликами фиолетового и лилового. На некоторых было бы даже не так противно смотреть, если б не нетопырьи крыла и раздвоенные копыта. Одни были большими, другие — маленькими, и все покорно сидели либо стояли рядом с вызвавшим их.

— Симпатичные зверушки, — зычно объявил Гром Адский Крик. — Они что, засмеять дрениев до смерти собрались?

— Немного терпения, о Адский Крик, — заметил Гул'дан, снисходительно улыбаясь. — Умение терпеть — вовсе не слабость, а признак ума.

Адский Крик нахмурился, но не ответил — наверняка и его любопытство мучило не меньше прочих. Чернорук же улыбался, будто гордый папаша, любующийся потомством. Лишь он один не выглядел удивленным. Наверное, уже видел новую магию в действии. Видел — и одобрил.

Одного дрения отделили от остальных, выпихнули вперед. Рук, впрочем, не развязали. Существо зашаталось, сделало несколько неверных шагов, затем выпрямилось, глядя безучастно, — лишь хвост чуть подергивался, выдавая волнение.

Первая шаманка выступила вперед, бормоча, чуть сощурилась. Вызванный зверек взвизгнул, кинулся, из когтистых лапок вырвался огонь и ударил в беззащитного дрения. В тот же миг в руках шаманки склубилась тьма, черный шар повис на кончиках пальцев, сорвался, устремился к пленнику. Тот лишь глухо застонал, когда синяя его плоть чернела,

обращалась в пепел от пламени, испущенного мелкой тварью, но от шара тьмы упал на колени, корчась. Шаманка снова забормотала — и из самой плоти истязаемого дрения вырвалось пламя. Прежние муки он терпел молча, а теперь закричал, содрогаясь, и даже грязный кляп во рту не смог заглушить крика. Корчился и бился на земле, будто выброшенная на берег рыба, затем стих.

Воздух заполнил запах горелой плоти.

На мгновение повисла тишина. А затем раздалось то, о чем Дуротан и помыслить не мог: крики радости и одобрения при виде связанного беспомощного врага, умирающего от пыток!

Дуротан смотрел в ужасе, как еще одного пленника убили для «показа магии»: одно из симпатичных призванных существ хлестало его кнутом, и дрений стоял парализованный, пока на него лился огонь, пока тьма пожирала его тело. У третьего пленника высосало душу и магическую сущность чудовище, похожее на изувеченного волка со щупальцами на спине.

Тошнота подкатила к Дуротанову горлу. Синяя кровь, пепел от сожженной плоти покрывали землю, бывшую когда-то священной. Землю, еще и теперь пышную, плодородную, но покой ее был жестоко осквернен. Здесь танцевал, пел под луной, уговаривался с другом, здесь ухаживал за любимой. Поколения орков праздновали единство на месте столь священном, что любая свара немедленно прекращалась, а ссорящимся приказывали помириться — либо покинуть долину. Дуротан не был шаманом, не мог видеть духов земли и воды, но и без шаманского дара ощущал их боль и отчаяние как свои собственные.

Неужели мать Кашур захотела бы такого? Радостный гомон бился в уши, в ноздри лезла вонь крови и горелого мяса. И хуже всего было смотреть на единоплеменников, ликовавших при виде боли и мук тех, кто не мог даже и плюнуть во врагов. А такие ликующие были и среди Северных Волков...

Как сквозь туман ощутил боль в руке. Глянул, растерянный, — Дрека стиснула так сильно, что, казалось, хочет сломать кости.

— Да здравствуют шаманы! — раздалось из толпы.

— Нет! — Голос Гул'дана разнесся над всеми. — Они теперь не шаманы. Стихии оставили их, и они больше не будут умолять их о помощи. Смотрите же на тех, кто обладает силой и не боится ее использовать! Смотрите на чернокнижников!

Дуротан заставил себя посмотреть на священную гору. Та все так же спокойно и безупречно устремлялась ввысь, грани ее все так же отражали свет. Почему же она не рухнет, не разорвется, как сердце существа, ужасающегося содеянным в ее некогда благодатной тени?

Вечером началось разгульное веселье. Дуротан сам не захотел в нем участвовать и запретил клану. Когда шаманы клана сидели у костерков, подавленные, и жевали уныло скудный ужин, Дрек'Тар отважился спросить то, что у всех вертелось на языке.

— Вождь мой, ты позволишь нам изучить магию чернокнижников?

Надолго повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в костре. Наконец Дуротан заговорил:

— Прежде я спрошу тебя: одобряешь ли ты произошедшее сегодня с пленными?

— Конечно... ну... лучше б было, если бы мы в битве их встретили, с оружием... — выговорил, запинаясь, растерянный шаман. — Но ведь они — враги. Они это доказали.

— Доказали, что могут сопротивляться, когда на них нападают? Они доказали только это и ничего более.

Дрек'Тар запротестовал — Дуротан махнул рукой: молчи, мол, и слушай.

— Я знаю: это воля предков, но сегодня я увидел то, чего и вообразить не мог. Сегодня священные поля, где веками наши предки собирались в неизменном, священном мире, осквернены кровью тех, кто и руки не мог поднять в свою защиту!

Заметил движение у края пространства, освещенного костром, уловил Оргримов запах.

Но продолжил спокойно:

— Скверна разлилась под самой Ошу'гун. Убившие дрениев сегодня пролили кровь не ради защиты нашей земли. Пленных предали мучительной смерти лишь ради похвальбы новой магией.

Оргрим кашлянул вежливо, и Дуротан пригласил его к костру. Оргрима все пришедшие Северные Волки хорошо знали, и он уселся у костра как свой, уверенный в гостеприимстве и доброжелательности.

— Оргрим, первые чернокнижники... они же из твоего клана... ты про них что думаешь? — спросила Дрека, тронув осторожно руку друга.

Тот тяжело нахмурился, глядя в огонь, подбирая слова.

— Если уж нам пришлось воевать с дрениями — и даже вы, Северные Волки, с этим согласились, — мы должны добиваться победы. Стихии не отвечают шаманам. Духи стихий всегда были капризны и непредсказуемы — ненадежные и неверные союзники. Не то что настоящие друзья.

Глянул на Дуротана, чуть улыбнувшись. Хотя и тяжело было на сердце, Дуротан улыбнулся в ответ.

— Эти новые твари, новые силы — они кажутся надежнее. И разрушительней.

— Но в них что-то такое... неестественное... — прошептала Дрека.

Тут поспешно вмешался Дрек'Тар.

— Дрека, я понимаю твою озабоченность. Это в самом деле, неестественные силы — по крайней мере, для нас, шаманов, чья магия исходила от природы. Но кто сказал, что ими нельзя пользоваться? Раз они существуют — есть же и у них свое место в порядке вещей? Огонь всегда огонь — вырывается он из мелкой скачущей твари или с благословения духа огня, обжигает он одинаково.

Я согласен с уважаемым гостем: раз мы ввязались в войну, мы должны попытаться ее выиграть!

Дрека покачала головой, повела руками, будто нащупывая верные слова.

— Тут дело не просто в заклинании огня или даже в странных шарах из тьмы. Я билась с дрениями, я убивала их. И никогда я не видела их корчащимися от боли, вопящими, стонущими.

Твари, прислуживавшие чернокнижникам, кажется, радовались их мукам...

— Но мы ведь радуемся охоте, — возразил Дуротан. — Волки радуются, вонзая клыки в еще живое мясо.

Он не любил спорить с женой, но, как всегда, считал нужным оценить вопрос со всех сторон, прежде чем выбрать лучшее для клана.

— Разве желать победы — неестественно? — спросил Оргрим, хмурясь. Разве неправильно радоваться победе?

— Радоваться победе и охоте — правильно. Но я говорю про муки, причиняемые убиваемым.

Дрек'Тар пожал плечами.

— Возможно, призванные чернокнижниками твари кормятся чужой болью, и это им нужно, чтобы жить.

— Но нужно ли это нам, чтобы жить? — Глаза Дреки блестели в свете костра, и Дуротан вдруг понял: не от гнева, но от слез отчаяния.

— Магия дрениев всегда была сильнее нашей, даже когда стихии отвечали нам, — сказал Дрек'Тар. — Я всегда был шаманом, я родился, чтобы стать им. Но сейчас я говорю: я хочу изучить магию чернокнижников, если вождь позволит мне. Именно потому, что я взывал к стихиям всю жизнь, я понимаю, что эта новая магия может сделать для нас. Прости меня, Дрека, но эта магия и в самом деле нужна нам, чтобы жить. Если стихии не ответят нам, дрениев сотрут нас с лица земли.

Дрека вздохнула и спрятала лицо в ладонях.

Собравшиеся замолкли, тишину нарушало лишь потрескивание костра. Дуротану

казалось: не хватает чего-то. Наконец понял, чего именно: не слышны голоса ночной живности, птиц, насекомых, обычно наполняющие теплую тьму звуками размеренной летней жизни. Случившийся ужас прогнал их из долины. Хорошо, если это не зловещее предзнаменование...

— Я позволяю клану Северных Волков выучиться новой магии, — выговорил тяжело.

Дрек'Тар поклонился.

— Спасибо, Дуротан. Ты не пожалеешь об этом.

Дуротан не ответил.

Глава 14

Дрек'Тар плачет, рассказывая мне о тех днях, и слезы катятся из глаз, уже не видящих настоящее, но слишком хорошо видящих прошлое. Мне нечем его утешить. Теперь равновесие восстановлено, содеянное прощено — стихии снова приходят на зов, как засвидетельствует любой шаман.

Зловещая башня, еще укрывающая тьму, далеко за морями. Телесно мы уже далеки от ее зла — но тень ее еще лежит на наших душах. Это тень, тянущаяся от дня осквернения самой священной для нас земли.

Это тень черной руки.

Дуротан долго не мог заснуть. Дрека тоже — металась, вздыхала, вздрагивала. В конце концов, Дуротан открыл глаза и принялся обдумывать события дня. Самое нутро, казалось, кричало против принятия магии, питающейся от боли и родящей такое страдание. Но что поделаешь? Хоть сами предки велели воевать, стихии отказались подчиняться. А без магии враги, превосходящие и оружием, и знанием, быстро уничтожат орков.

Поднялся, вышел из спального шатра. В предутреннем холоде развел костер, принялся жевать холодное сырое мясо, глядя на разгорающийся восток. Как раз успел доесть, когда подскочил гонец, швырнул, не останавливаясь, кусок пергамента.

Бросил и ускакал, а Дуротан, подобрав, развернул свиток — ага, через два дня еще встреча. Теперь вождям нужно выбрать главного вождя, чтоб говорил за всех и думал за всех. Верховного вождя для войны.

Волосы погладила мягкая ладонь. Обернулся — Дрека стояла рядом, читая через плечо.

— Ты можешь и дома остаться, — сказала сварливо. — И так ясно, кого выберут.

— Обычно ты не настолько цинична, — заметил Дуротан грустно.

— Я не привыкла жить в подобные времена.

Что тут скажешь? Ведь права: известный, сильный, способный увлечь за собой, по-настоящему способный командовать всеми — лишь один. Гром Адский Крик мог бы оспорить избрание Чернорука, но слишком уж Адский Крик порывист и нетерпелив для главенства. А Чернорук с самого начала стал важен в деле войны, сперва выступая против, а после поддерживая Нер'зула. Именно шаманы Чернорука первые стали чернокнижниками, именно он добился больше всего побед над дренеями.

Дрека не ошиблась и здесь — как и во многом прочем. Два дня спустя Дуротан наблюдал, скучая, как после подсчета голосов Чернорук из клана Черной Горы вышел победителем. Когда Гул'дан объявил и Чернорук, пытаясь изобразить скромное смущение, принял звание, многие глянули в сторону Дуротана. Но тот не захотел возражать — к чему? Уже висит над головой подозрение в неверности общему делу. Да и не изменят его слова ничего. Посмотрел только на Оргрима. Для всех второй в клане Черной Горы прочно и надежно поддерживал вождя. Но Дуротан знал друга лучше, чем кто-либо, и заметил сжатые губы, морщинку меж бровей — Оргрим едва ли обрадовался победе своего вождя. Все же Оргрим, как ближайший к Черноруку, может хоть отчасти смягчить вред, который Чернорук неизбежно причинит, — в этом Дуротан не сомневался.

Чернорук выступил вперед, улыбаясь, махая рукой ликующей толпе. Дуротан не

возражал, но радость изобразить не пытался — избранный воплощал для него все самое гнусное, до чего может скатиться орк.

Оргрим стоял чуть позади вождя, по правую руку. Гул'дан же — несомненно, он Черноруком управляет, хотя и непонятно как именно, — отошел, глядя на Верховного с уважением.

— Братья мои и сестры! — возопил Чернорук. — Вы оказали мне великую честь! Я клянусь быть достойным отважных воинов, доверившихся мне! Днем и ночью мы трудились, улучшая наше оружие и доспехи, теперь же мы отказываемся от ненадежных стихий и принимаем настоящую мощь — силу магии, доступной нашим чернокнижникам без необходимости кланить и вымаливать ее. Это свобода! Это сила! Наша цель едина, понятна всем — мы должны стереть дренеев с лица этой земли! Они не смогут сопротивляться напору воинов и чернокнижников, неудержимой Орде! Мы — их ужаснейший кошмар! Вперед же, в битву!

Поднял руки и заорал:

— Да здравствует Орда!

И тысячи яростных глоток подхватили, ответили:

— Да здравствует, да здравствует Орда!

Дрека с Дуротаном вернулись домой вскоре после избрания Чернорука — уж больно мерзко было оставаться на празднестве. Шаманы же задержались для обучения. Когда несколькими днями позже вернулись, снова ступали твердо, выглядели гордо. Новая магия вернула им уверенность в себе, разлетевшуюся дымом в тот день, когда стихии отказались отвечать на зов. За это Дуротан был благодарен Гул'дану — ведь любил свой клан и не хотел видеть своих орков расстроенными и подавленными.

Шаманы поначалу практиковались на охотах, посылая странных призванных тварей за талбуками и копытнями. На мучения животных больно было глядеть — но со временем добыча страдала перед смертью все меньше. Боль не уменьшилась, но шаманы-чернокнижники научились убивать быстрее. Призванные помощники, ручные монстры, как их, шутя, называли шаманы, неизменно слушались и действовали все лучше.

Чернорук же наслаждался новой властью. Каждодневно прибывали от него гонцы, сами все разукрашенные и на разукрашенных побрякушках волках. Впрочем, не без толку — и Дуротан скоро понял и одобрил: очень даже полезно знать происходящее в других кланах. Однажды приехал не простой курьер. Дуротан узнал издали: волк с особо лоснящейся черной шерстью, на нем — личный чернокнижник Чернорука, Кар'кул. Остановился перед Дуротаном, слез, поклонился.

— Вождь, я по поручению верховного. Разговор есть, — вымолвил на удивление приятным голосом.

Дуротан кивнул, махнул рукой: дескать, пройдемся. Шли, пока не уверились — никто не подслушает.

— В чем дело, зачем Чернорук шлет ко мне чернокнижника из главнейших? — спросил тогда Дуротан.

Кар'кул оттопырил губы у клыков, улыбаясь.

— Я все кланы посещаю, — сказал он, намереваясь поставить Дуротана на место.

Да уж, Северным Волкам нет особого почета у верховного. Дуротан вздохнул, сложил руки на груди, ожидая.

— Самый важный залог нашей неизбежной и славной победы над дренеями — наша численность. Их мало, нас много — но надо еще больше.

— Так вот чего хочет Чернорук — чтоб мы не бились, а детей плодили?

— Не совсем, — ответил Кар'кул, не смутившись. — Битвы не стоит прекращать, но так побуди своих воинов... хм, размножаться пожилее.

Ты получишь дополнительную пищу и средства за каждое рожденное дитя. Это поможет делу. Но к несчастью, воины нам нужны не через шесть лет, а прямо сейчас.

Дуротан смотрел немо, ошеломленный. Думал смутить шамана грубой шуткой, а

вышло... что ж вышло-то?

— Дети начинают тренироваться в шесть. В двенадцать они достаточно сильны для боя. Созови весь свой молодежь!

— Я не понимаю... зачем их созывать?

Кар'кул вздохнул и добавил, будто поясняя глупому ребенку:

— Я могу ускорить их рост... немного подвинуть их вперед во времени. Если взять всех детей от шести лет и состарить их до двенадцати, мы в полтора раза увеличим число воинов.

Дуротан не верил своим ушам.

— Это невозможно! Немыслимо! Чудовищно!

— Боюсь, у тебя нет выбора. Это приказ. Любой отказавшийся клан посчитают предателем Орды. Он будет изгнан, его вождь и жена вождя — казнены.

Дуротан задрожал от ярости, а чернокнижник сунул ему деловито свиток. Вождь прочел, едва сдерживаясь: и правда, чернокнижник не солгал.

Дреку и ее мужа убьют, Северных Волков изгонят.

— Ты украдешь у них детство, — сказал он глухо.

— Это ради их будущего. Я украду у них немного жизни, шесть лет всего. Это вреда не причинит — детям Чернорука не причинило. Верховный настоял, чтобы его потомство первым удостоилось такой чести. Зато повзрослевшие смогут биться за Орду, и сила их станет важна для победы!

Дуротана вовсе не удивило, что Чернорук лишил детства своих сыновей и дочь, и впервые поблагодарил судьбу, пославшую так мало детей в клан Северного Волка. Лишь пятеро были старше шести и младше двенадцати. Перечитал послание, содрогаясь от омерзения и ярости. Могли бы уже позволить детям просто побыть детьми!

Чернокнижник терпеливо ждал. Наконец Дуротан объявил нарочито грубо, чтобы скрыть боль:

— Делай, что собрался!

— Да здравствует Орда! — возгласил Кар'кул.

Дуротан не ответил. Произошедшее затем было жестоким варварством. Дуротан заставил себя смотреть безучастно, как Кар'кул насыляет заклятие, как дети корчатся, колотятся оземь, пока их кости вытягиваются, а кожа и мышцы растут с неестественной быстротой. Ядовито-зеленые жилы протянулись от каждого к чернокнижнику, будто он высасывал их жизнь. Кар'кул смотрел, как пьяный, на мучающихся детей — сам-то уж точно не страдал, скорее наоборот. У Дуротана родилось жуткое подозрение: ведь не остановится, будет сосать жизнь, пока дети не превратятся в сморщенных стариков.

Но к счастью, Кар'кул остановился. Молодые орки, лишившиеся детства, лежали на земле там, где постигло их заклятие. И поначалу не могли подняться на ноги — лишь тихонько, с придыханием плакали, словно ни для чего иного сил уже не осталось.

— Ты сделал, что хотел, — заключил Дуротан, повернувшись к чернокнижнику. — Теперь убирайся.

— Вождь Дуротан, ты... — начал было Кар'кул обиженно.

Дуротан схватил его за грудки, за роскошную алую мантию — в глазах чернокнижника мелькнул страх.

— Убирайся сейчас же!

Толкнул — и чернокнижник отшатнулся, отступил назад, едва не упав. Зарычал.

— Чернорук не обрадуется, услышав про это!

Дуротан не ответил. Знал: если скажет хоть что-то, слова эти погубят его клан. Отвернулся, пошел к детям, уже не бывшим более детьми.

Некоторое время после этого от клана Северного Волка требовали лишь усиленной тренировки воинов и докладов о том, как она проходит. Дуротан радовался, но и был настороже — не иначе готовят что-то. Чувствовал: Чернорук с Гул'даном глаз не спускают, наверняка припасли особо трудное.

Ожидания не обманули. Однажды, когда рассматривал рисунок новых доспехов, придуманных кузнецом, в стойбище примчался гонец на волке. Не останавливаясь, швырнул пергамент, помчался прочь. Дуротан подобрал, развернул, принялся читать — и глаза чуть на лоб не полезли. Глянул спешно на гонца — нет, это не от Чернорука.

Старый мой друг, знаю, ты догадываешься: за тобой наблюдают. И собираются дать тебе задание — очень трудное, но для тебя выполнимое. Соглашайся на него. Не знаю, что они сделают в случае отказа, но следует ожидать наихудшего.

Без подписи — но Дуротану ее не требовалось, размашистый почерк Орггрима определил безошибочно. Скомкал пергамент и швырнул в огонь — кожа искривилась, скрючилась, зашевелилась, будто живое существо, а языки пламени лизали, впивались в нее.

Орггимова предупреждение едва успело — после обеда явилась женщина верхом на волке, носящая перевязь гонца от самого верховного, и вручила письмо. Дуротан же кивнул, принимая, и отложил в сторонку — прямо сейчас читать настроения не было. Но она не уехала. Поглядела недовольно и растерянно, не слезая с волка.

— Мне приказали дождаться ответа! — выдавила после мучительной паузы.

Хорошо. Вождь развернул свиток, улыбнулся, видя изящный красивый почерк, — диктовал послание Чернорук, не иначе. Хоть был хитер и неглуп, грамоту едва знал.

Письмо оказалось куда хуже ожидаемого. Постарался сохранить лицо равнодушным, видел краем глаза: Дрека наблюдает внимательно.

Дуротана, сына Гарада, вождя клана Северного Волка, приветствует Чернорук, верховный вождь Орды.

У тебя уже было время увидеть наших новых чернокнижников в деле. Теперь настало время нести войну нашим врагам! Город дренеев Тэлмор близок к твоим землям. Ты должен собрать отряд воинов и напасть на город. Орггрим сказал мне, что в детстве вы с ним проникли в этот город и видели тайное устройство, прячущее город от наших глаз. Орггрим также сказал: у тебя отличная память, ты сможешь открыть город для нападения наших воинов.

Уверен, мне не придется доказывать, насколько взятие этого города важно для Орды — и для клана Северного Волка. Ответ на это письмо немедленно, и мы начнем приготовления к штурму. Да здравствует Орда!

Вместо подписи — отпечаток правой руки Чернорука, вымазанной в чернилах.

Дуротан был в ярости: и как же Орггрим мог выболтать столько сведений про друга? Может, на самом-то деле он верен Черноруку, если рассказывает то, чем можно бывшего друга припереть к стенке? Но, чуть поостыв, понял: все, упомянутое Черноруком — и визит к дренеям в детстве, и то, как город скрыт, и цепкая память Дуротана, — наверняка поминалось в разговорах за прошедшие годы. Черноруку хватило ума подбирать любой найденный клочок сведений и сохранить до времени, когда понадобится.

Подумал: может, солгать, сказать, что не помнит слов, которыми Ресталаан расколдовал иллюзию, укрывавшую город от огров — а теперь и от орков. Много лет прошло, а слышал всего один раз. Любой другой давно б уже забыл. Но угроза в письме была до смешного открытой. Если Дуротан согласится помочь атаке на город — докажет верность Орде, Черноруку, Гул'дану, по крайней мере на какое-то время. Если откажется, даже если просто скажет, что не может вспомнить слов заклинания, можно ожидать наихудшего. Орггрим прав, тысячу раз прав.

Посланица ждала — и Дуротан принял единственно возможное решение. Глянул безучастно, обронив:

— Само собой, я поступлю, как приказывает верховный вождь. Да здравствует Орда!
Во взгляде гонца читалось облегчение, но и удивление.

— Верховный вождь обрадуется, узнав об этом. Мне приказали передать тебе это.

Вытянула из заплечного мешка кожаный кисет, протянула Дуротану.

— Твоим воинам и чернокнижникам нужно тренироваться с ними.

Вождь кивнул, зная, что в кисете: Сердце Ярости и Сияющая Звезда, взятые по его приказу у Велена. Наверное, лишь эти камни и спасли Дуротана, когда навлек ярость Нер'зула. Теперь вождь Северных волков использует кристаллы против их прежних хозяев.

— Верховный вскоре свяжется с тобой, — сказала посланница, поклонилась и развернула волка.

Дуротан проводил ее взглядом. Когда подошла Дрека, отдал ей письмо и пошел в шатер. Жена пришла через пару минут, обняла сзади его, закрывшего лицо ладонями, оплакивающего свое вынужденное решение — страшное и горькое.

Спустя несколько дней отряд для нападения на Тэлмор был сформирован и собрался у стойбища Северных Волков. Большинство воинов и чернокнижников пришли из клана Черной Горы, но среди толпы виднелось изрядно и лиц с раскраской клана Песни Войны и несколько — из Изувеченной Длани. Даже самые косные из Северных Волков ощущали недоверие и презрение гостей.

Дуротан знал: не случайно пришедшие воины — из самых драчливых и агрессивных кланов. Чернорук захотел увериться, что Северные Волки не подведут в решающий момент. Интересно, кому верховный отдал приказ перерезать Дуротанову глотку при первых признаках измены? Хорошо хоть, если не Оргриму. Друзья обменялись парой слов, на Оргримовом лице отражалось сочувствие и сожаление — и то ладно. Значит, друг тоже не одобряет происходящего.

Гонец заранее предупредил о сборище, так что развели вдоволь костров, заготовили пищу и питье для голодных незваных гостей. Многие Северные Волки уступили свои шатры прибывшим, чтоб те как следует отдохнули перед завтрашней битвой. Дуротан же посовещался с Оргримом и другими командирами, начертил с Оргримовой помощью по памяти план города.

К полудню штурмовой отряд — уже, по сути, небольшая армия — двинулся в путь. Пошли по лугам у леса Тероккар, где в юности Дуротан с Оргримом мчались наперегонки и наткнулись на огра. Теперь никакие чудовища не тревожили неуклонное шествие орочьего войска по пути к цели. Дуротан на волке Ночном Ловце ехал рядом с Оргримом впереди. Оба друга молчали, но Дуротан заметил: Оргрим долго смотрел на то место, где дрены спасли двух оркских мальчишек.

— Много лет прошло с тех пор, как мы побывали тут, — сказал Дуротан.

— Я не уверен, той ли мы дорогой едем, — отозвался Оргрим, кивнув, — Лес и луг изменились, разрослись, а примет и тогда было немного.

— Я помню, — выговорил Дуротан тяжело.

Лучше б было, если бы память подвела... Но нет: кучка камней там, выступ пригорка здесь, для других ничего не значат, но Дуротану хватит, чтобы указать дорогу. Чернорук предупредил своих воинов: дрены умело скрыли город. Но все равно чуткие Дуротановы уши уловили недовольное бурчание среди воинов.

— Мы уже близко, — предупредил сурово. — Соблюдайте тишину — нас могут заметить, если уже не заметили.

Войско замолкло. Знаками Оргрим приказал разведчикам обыскать окрестности. А Дуротан припомнил тот вечер и свою тревогу: куда их ведут, что дрены собрались делать с мальчишками?

Остановил волка, спешил. Тот потряс головой, почесался за ухом равнодушно. Да, место то самое или совсем близко. Нахлынула отчаянная надежда: а если дрены вспомнили, что раскрыли секрет оркам, и перепрятали магический камень, защищавший от чужих глаз?

Примет никаких — ни камня, ни пригорка, памяти не за что уцепиться. Сосредоточился, идя медленно, слушая за спиной скрип кожи и позвякивание доспехов

наблюдавших, ожидавших воинов. Закрыв глаза и представил Ресталаана, вставшего на колени, отодвигающего иглицу и листья...

Открыл глаза, сделал несколько шагов влево, непонятно зачем помолился спешно предкам — то ли чтоб помогли найти камень, то ли чтоб помогли не найти. Пальцы, одетые в латную перчатку, разгребли мусор — и вдруг наткнулись на твердое, прохладное.

Все, теперь обратной дороги нет!

Взял камень в ладонь, поднял и вопреки растерянности и удрученности почувствовал исходящую от камня силу, успокаивающую, мягкую. Камень лежал в ладони, будто рожденный для нее.

Погладил пальцем осторожно, оттягивая момент, когда все изменится бесповоротно и навсегда.

— Ты нашел! — выдохнул восторженно Оргрим, неслышно подошедший к другу.

Дуротан же, разволновавшись, не ответил. Лишь кивнул, с усилием оторвал взгляд от прекрасного, пульсирующего светом камня, глянул на пораженные лица вокруг, глазающие на сокровище.

— Всем занять свои места! — приказал Оргрим резко. — Нам очень повезет, если нагрянем неожиданно!

Так приятно, уютно, спокойно держать камень — так и стоял бы, глядя в зеленые глубины кристалла, но, увы, выбор уже сделан. Дуротан вдохнул глубоко и произнес слова, услышанные от Ресталаана: «Кехла мен самир, солей лама каль».

Если б только тяжелый, гортанный оркский акцент не позволил камню узнать слова... Тогда и долг перед народом был бы выполнен, и город, полный беззащитных существ, остался бы цел. Но управлявшая зеленым камнем сущность поняла слова — иллюзия растворялась, деревья и валуны исчезали, и перед орками разостлалась широкая мощеная дорога, будто приглашая.

Но приглашения и не требовалось. Прекрасный город дрениев лежал впереди, и, вопя в сотню с лишним глоток, орки ринулись к нему.

Глава 15

Надтреснутым голосом Дрек'Тар говорит о разрушенной красоте, растерзанном совершенстве, об убийстве детей. Из слов его звучит одно: ведь нам казалось тогда — мы делаем правильное, справедливое. Думаю, и в самом деле так казалось. Я молю предков о том, чтобы никогда не пришлось, как моему отцу, разрываться между необходимостью защитить свой клан и желанием поступать, как подсказывало сердце. Именно потому я изо всех сил стараюсь поддерживать зыбкий мир с Альянсом.

Ведь немногие необдуманные слова, оскорбление, недопонимание — и следом льется детская кровь — и в этом мире, и в любом другом.

Позднее Дуротан не раз удивлялся, почему в Тэлморе не узнали заранее о приближающихся орках. С дрениеями уже не поговоришь, чтобы выяснить. Возможно, дренией так верили в спасительное укрытие из иллюзий, что и мысль о его разрушении не приходила в голову.

Воздух разорвали боевые кличи и волчий вой: верховые орки помчались по городским улицам.

Несколько безоружных дрениев пали в первые же минуты, окрасив белую мостовую голубой кровью, но городская стража опомнилась на удивление скоро.

Дуротан, расколдовав видение, сунул камень в заплечный мешок, к желтому и красному, отнятым у Велена. Сел верхом на волка, взял в руку секиру и двинулся вперед, угрюмый и решительный. Хоть и поклялся себе не убивать безоружного либо ребенка, уже решил воевать, как должно, победить или погибнуть ради победы.

Первая волна нападавших разошлась по городу, разбрелась по улицам и закоулкам,

разделяясь на группки, врываясь в большие округлые здания, высившиеся по обеим сторонам дороги. Чернокнижники поддерживали нападающих, призванные ими твари были молчаливы и покорны, разве что самые мелкие непрестанно бормотали. Чернокнижники выжидали момента обрушить на головы врагов огненные дожди, стрелы из тьмы, заклятия мучительной боли. Воины выскакивали из домов, покрытые кровью, пачкали синим широкие белые ступени, кидались к следующему дому.

На улицах появилась стража дрениев, насылающая свои заклятия. Дуротан едва успел повернуться в седле, отражая пылающий голубым меч.

Тот ударил в наверхье секиры с такой силой, что рука занемела, содрогнувшись. Но удар, куда горший обрушился на душу Дуротана — он узнал нападавшего!

Второй раз Дуротан встретился с Ресталааном в битве. Дуротан пощадил Велена и за то был пощажён Ресталааном, когда стоял, уже беспомощный, готовый принять смерть. И Ресталаан узнал — прищурил ярко-синие глаза.

Долг чести выплачен обоюдно. Теперь пощады не жди!

Ресталаан вскричал певучим голосом и вместо нового удара схватил, потянул, выдернул из седла. Не ожидавший Дуротан мгновенно оказался на земле перед врагом, заносящим меч. Потянулся к секире, нащупал рукоять — нет, не успеть, не заслониться от удара... Однако Ночной Ловец знал свое дело не хуже седока. Едва почувствовав потерю всадника, кинулся на дрения, в огромных зубах хрустнула рука. Если б не доспехи, откусил бы. Но все равно боль и сила укуса заставили Ресталаана выронить меч. Взревев, Дуротан рубанул что, есть силы, попал в бок, под грудь, просек доспехи, загнав острие глубоко.

Ресталаан упал на колени, бесполезная рука — все еще в зубах Ночного Ловца. Белый волк стиснул зубы сильнее, рыча, затряс руку, будто мелкого зверька, чтоб переломать кости, еще миг — и отдерет напрочь. Из раны в боку хлестала кровь, но, несмотря на боль, Ресталаан не издал ни звука.

Дуротан встал на ноги и ударил еще раз, добивая — быстро и милосердно. Ресталаан обмяк, волк тут же выпустил руку — командир стражи Тэлмора был мертв.

Дуротан не позволил себе сожаления. Вскочил в седло, огляделся, отыскивая врагов — в них недостатка не было. Хотя город намного уступал размером Шаттрагу, столице дрениев, был все же достаточно велик, с многочисленным населением.

Воздух наполнили крики кровожадной ярости, боли и страха, лязг мечей о щиты и треск насылаемых заклятий. В ноздри ударила вонь крови и нечистот — и ни с чем не сравнимое, резкое, грязное зловоние страха.

Кипевшая внутри ярость помогла: никогда еще чувства так не обострялись, двигался, почти не думая. Вон еще один стражник, бьется с Оргримом. Только собрался на помощь, как Молот Рока описал дугу и врезался в шлем, раздробив череп под ним. Дуротан хохотнул свирепо — Оргрим в помощи не нуждается!

Почувствовал чье-то присутствие рядом с собой раньше, чем услышал либо унюхал, развернулся, испуская боевой клич клана, занес окровавленную секиру... И увидел девочку-подростка, почти еще ребенка, безоружную, визжащую от ярости. Она голыми руками вцепилась в доспех на ноге, стараясь оторвать. Зубы оскалены, по щекам струятся слезы. Вся в синей крови, слишком много крови, наверняка чужой, платье пропиталось ею, прилипло к телу. Ударяла бессильно, с глазами, обезумевшими от боли и злобы.

На одно ужасное мгновение показалась тем самым подростком, виденным Дуротаном и Оргримом годы назад. Нет, не может быть — та девочка же взрослая женщина. Но все же, может, это она и есть?... Но неважно — девчушка с отчаянной храбростью, бессмысленно и жалко пыталась голыми руками причинить вред орку в доспехах и верхом на волке.

Лишь огромным усилием воли остановил Дуротан занесенную секиру. Нет, ребенка он не тронет — это бесчестье, это не пристало орку...

Вдруг девочка замерла, широко раскрыв глаза. Открыла рот — и оттуда хлынула кровь. Дуротан глянул вниз и увидел острие копья, натянувшее пропитанную кровью ткань. Не успел и шевельнуться, как орк из клана Изувеченной Длани повернул копье, сбрасывая тело

наземь. Уперся сапогом в плечо, хрюкнув от натуги, выдернул лезвие. Ухмыльнулся Дуротану.

— Эй, Северный Волк, за тобой должок! — сказал и растворился в толпе убийц и их жертв.

Дуротан запрокинул голову и выкрикнул в небо, предкам, свое отчаяние.

Орки неудержимо рвались вперед, оставляя за собой россыпь трупов, почти все — дрений, но тут и там среди синих тел виднелось темное пятно — павший орк. Тяжелораненные кричали, взывали о помощи — напрасно. Шаманы могли бы излечить их, но магия чернокнижников не умела исцелять. Сраженные остались умирать рядом с теми, кого убили, а неудержимая Орда шла вперед.

Прошли по всей дороге между холмами, вступили в каждый дом, убивая все живое. Несомненно, часть дрениев спряталась — Дуротан молился, чтобы их не нашли. Но едва ли эту молитву услышат. Как только сопротивление подавят полностью, как только наведаются во все дома, начнут обыскивать тщательнее, вынюхивать спрятанные ценности и их хозяев. О том условились еще перед атакой.

Орда достигла наибольшего здания, расположенного выше всех на склоне, — дома главы города, где когда-то пророк Велен угощал двух молодых орков ужином. Дуротан узнал этот дом сразу.

Подумал с горечью: плохой же ты пророк, раз не сумел увидеть столь черное будущее. Ночной Ловец помчался вверх по ступеням, а Дуротан не смог удержаться — оглянулся на город, как тогда, когда вскарабкался по этой лестнице на своих двоих.

Тогда город дрениев походил на россыпь самоцветов по луговой траве. Теперь... теперь это просто взятый, разграбленный и оскверненный город, испятнанный кровью, проклятый смертью — не только живших в нем, но и смертью всякой надежды на примирение. Нелепо и страшно...

«Я горжусь моим городом и народом, — сказал когда-то Ресталаан, теперь мертвый, остывающий рядом с телами своего народа на улицах. — Нам пришлось нелегко, мы полюбили Дренор. Я никогда не думал, что выпадет сказать об этом орку. Пути судьбы воистину причудливы».

Причудливее, чем молодой орк либо стражник дрениев могли вообразить.

Комнаты, когда-то так стеснявшие пару молодых орков, теперь были набиты десятками взрослых воинов. Большинство помещений оказалось пустыми — дрений успели увести всех, кроме поклявшихся умереть, защищая город. Они и умирали — стражники, напавшие на орков в этом доме. Изысканная узорчатая мебель обрушивалась на их головы вместе со сталью, и треск ее, разлетающиеся куски добавляли азарта бою. Орки пробивали дыры в гладких податливых стенах просто от беззаботной ярости разрушения. Рубили кровати и фруктовые вазы, крошили статуэтки, разносили топорами и молотами столы.

— Стоять! — заревел Дуротан, но никто не услышал.

Призванные чернокнижниками твари смотрели на происходящее с удовольствием, почти насмешливо. Но время разрушать уже прошло, к чему буйствовать и портить, когда обитатели Тэлмора уже либо убиты, либо бежали?

— Стоять! — заорал Дуротан снова, и на этот раз услышал Оргрим, подхватил крик.

Командир от клана Песни Войны помотал головой, будто стряхивая наваждение, и тоже попытался утихомирить своих воинов. Дрек'Тар не обезумел, как прочие чернокнижники, и сумел не насыпать бессмысленно заклятия.

— Слушать меня! — проревел Дуротан собравшимся в комнате, где Велен когда-то потчевал ужином, — изуродованной комнате, с изодранными, брошенными на пол портьерами, перевернутыми столами, изломанными стульями.

— Мы взяли город — теперь все здесь наше! Поймите — наше!

Ага, прислушались, замерли, тяжело дыша, перестали тыкать железом во все движущееся и неподвижное.

— Прежде всего, позаботьтесь о раненых! — приказал Дуротан, — Наши братья не

должны подыхать, брошенные на улицах!

Многие посмотрели виновато, и Дуротан подумал с отвращением, что они напрочь забыли о собратях, еще корчащихся от боли, пока с упоением крушили особняк главы города. Но сдержался, кивнул Дрек'Тару — хоть чернокнижники не могли исцелять, все же когда-то были шаманами, знали, как врачевать раны без магии. Дрек'Тар приказал нескольким, и те поспешили наружу, к раненым.

— Слушайте: в городе полно припасов, каких мы и не видавали, множество еды, оружия, доспехов и прочих вещей, нам, возможно, и непонятных. Но все они могут послужить Орде, ради ее цели...

Дуротан хотел добавить, как намеревался: «цели истребить дрениев», но не смог, выговорил лишь неуклюже:

— Да, ее цели. Мы — войско, а войско воюет, пока животы не опустели. Нам нужно как следует есть и пить, отдыхать, лечиться и защищать себя. Оргрим, возьми воинов и начни с конца длинной улицы. Гутор, собери своих — и к воротам.

Идите навстречу друг другу. Все, кто хоть как-то знаком с врачеванием, подойдите к Дрек'Тару и в точности исполняйте все, что он прикажет.

— А если кого из дрениев найдем живым? — спросил кто-то.

Что, в самом деле? Пленных держать негде, да и единственный смысл держать их — возможные переговоры. Но ведь и так показали яснее некуда: Орда хочет полностью истребить расу дрениев. Переговоры тут бессмысленны, и содержание пленников — тоже.

— Убейте их! — выговорил Дуротан хрипло, надеясь, что дрожь в его голосе примут за признак ярости, а не ужаса и боли. — Убейте всех!

Орки поспешили исполнять приказ, а отдавший его пожалел, что волк Ночной Ловец оказался столь проворным и защитил хозяина. Куда легче было бы погибнуть от руки Ресталаана, чем отдавать такие приказы.

Но может, судьба еще смиростивится, и в войне на полное истребление существ, ни разу не поднявших на орков руки, найдется смерть и для Дуротана... И чем скорее, тем лучше.

Глава 16

Совет Теней... Даже теперь, спустя много лет, мы почти ничего не знаем о том, кто в него входил и что делал. Гул'дан унес многое с собой в могилу — пусть же он гниет там в корчах и муках! Мне трудно представить даже двоих, настолько порочных и падиших, чтобы продать, обречь свой же народ, своих же детей за толику власти. Что таких не двое, а гораздо больше — точного числа мы так и не узнали, — превосходит мое воображение.

Впрочем, двое или больше — было бы не важно, если б не демоны, завладевшие их душами и умами.

Страдания и боль, постигшие их из-за этого, заслуженны. Но сколь же мне жаль тех, кто поверил им, подчинялся, потому что доверял. Дела обманувших и их слова я проклинаяю и презираю каждой частицей моего существа!

— Отличная проба сил! — похвалил Кил'джеден, улыбаясь слугам.

Гул'дан поклонился, светясь радостью от похвалы господина. Нер'зул же присел на корточки, глядя в пол, но при том слушал внимательно.

— Сознаюсь, Дуротан удивил меня — я не ожидал от него такой исполнительности и успеха, — сказал Гул'дан, — Думал, он мешать начнет, противиться, запретит своим то и это делать. Но он повел войско — и город теперь захвачен и опустошен, дрениев там нет — большинство убито.

— Большинство, мой Гул'дан, это не все. Отнюдь не все, и тебе это хорошо известно.

Гул'дан вздрогнул, съежился, будто побитый. И спросил себя — не в первый уже раз, —

какова связь между Кил'джеденом и дренеями, и за что он их так ненавидит и презирает.

— О Великий, это ведь была наша первая проба атаковать их город, а не разрозненные охотничьи отряды, — ответил чернокнижник, слегка удивленный собственной дерзостью.

Кил'джеден склонил рогатую голову, задумавшись, затем кивнул.

— И то верно. Время еще есть.

Разговор этот произошел через несколько дней после падения Тэлмора. Гул'дан, впечатленный успехом Дуротана, хотел отдать город ему в награду, но вождь Северных волков отказался. Сказал: его клан будет жить на землях предков.

Клан Черной Горы подобной глупости не сделал. Чернорук с семьей теперь спали в кроватях, когда-то принадлежавших главе Тэлмора. Поначалу орки не знали, что делать с трофеями, но потихоньку начали приспосабливать жизнь к новым вещам и месту. Приучались сидеть в креслах, есть за столами, изучали оружие дрениев и упражнялись с ним, перекраивали доспехи для коренастых и плотных орочьих фигур. Кое-кто из женщин и немалое число мужчин взялись носить одежды дрениев, совмещая их с традиционными орочьими рубахами, штанами и плащами.

Гул'дан знал: многие дивились, почему он или Нер'зул не взяли город себе. Искушение было велико, но господин дал мудрый совет: хоть удобства и приятны, наслаждение властью куда приятнее, и чем меньше Гул'дан возьмет себе в открытую, тем большей тайной властью сможет пользоваться. Пока Гул'дан хорошо работает для Кил'джедена, господин не оставит усердие невознагражденным. В новое жилище Гул'дана внесли лишь немного из добычи: огромный круглый деревянный стол, инкрустированный мягко поблескивающими раковинами и самоцветами, и несколько изящно выделанных, красивых стульев.

Гул'дан подошел к столу, провел рукой по гладкой поверхности, улыбаясь. Осталось только призвать тех, кто заведомо откликнется, поймет, поддержит. Кое-кто уже был на уме — эти точно не подведут. Других избрал лишь после тяжелых раздумий. Но теперь список готов — достаточно длинный, чтобы учесть необходимых, и достаточно короткий, чтобы управиться с перечисленными в нем. Скоро, куда скорее, чем ожидал, Совет Теней родится, и пока снаружи будет казаться, что Гул'дан старается продвинуть и развить орков, дать им силу, добиваясь успеха в войне на истребление против дрениев, пригоршня жадных до власти, циничных и продажных главарей, почти столь же падших, как сам Гул'дан, будет повелевать, направляя безмозглую толпу.

Дело-то было вовсе не в победе и не во благе народа орков. О благе народа и речи никогда не было.

Дело было во власти, в приходе к ней, владении, удержании. Нер'зул так этого и не понял. Любил власть, но не умел кормить ее излюбленной пищей, не умел дать Кил'джедену желаемое.

Нер'зул не сумел лгать, хитрить, интриговать, а теперь даже Чернорук, считавший себя посвященным в сокровеннейшие Гул'дановы планы, не понял настоящих стремлений чернокнижника, не уразумел их огромности — а Гул'данова жажда власти равнялась разве что Кил'джеденовой жажде уничтожить дрениев. Гул'данова страсть была острее голода, глубже моря, выше неба и поглотила ее носителя целиком.

Гул'дан посмотрел презрительно на нахохлившегося старика, сидевшего понуро в углу. Учитель, надо же... тьфу ты. Повернувшись, заглянул в пылающие глаза Кил'джедена.

Великий кивнул:

— Зови их! — и улыбнулся, открыв ряд острых белых зубов, — Они прибегут на твой зов и спляшут под твою дудку. Я об этом позабочусь.

Союзники.

Без них — никак. Странно, что Кил'джеден

этого не предусмотрел. Орки — могучая сила, особенно если ими как следует управлять. Долгие месяцы войны — а она тянулась уже почти год — сделали их еще сильнее. Лучшие умы пытались разгадать секреты мастерства дрениев. Началось строительство

главной крепости орков — придумавший ее Гул'дан назвал крепость Цитаделью, — где можно было бы держать и обеспечивать снабжением постоянную армию. Орки никогда прежде не пытались сделать ничего подобного, и Гул'дан гордился идеей. В крепости собрались воины, шаманы — теперь, конечно, ставшие чернокнижниками, — лекари и мастера. У воинов, чернокнижников и лекарей дел было полно, да и мастера не скучали — они, хоть и не воевали сами, делали оружие, доспехи, дома для тех, кто достигал военной славы, убивал дрениев, пока пальцы не слипались от засыхающей вражеской крови.

Конечно, некоторые назвали бы этих рукодельцев низшей породой, народцем прислужников — Гул'дан думал про них именно так. Но понимал: хоть едва ли эта работа, тяжелая и незавидная, принесет им славу, она жизненно важна, не менее чем готовность воина убивать и умение чернокнижника насыщать заклятия. Без добывающих пищу, строящих дома и делающих оружие воины и чернокнижники не проживут. Так что Гул'дан не ленился превозносить работу мастеровых, хвалить и поздравлять, а они, как ожидаемое и приятное следствие похвалы, старались работать усерднее, улучшать изготавливаемое.

Но хотя каждый орк в каждом клане старался изо всех сил — Гул'дановы шпионы без устали проверяли, так ли это на самом деле, — средств не хватало. Тэлмор достался на удивление легко, победа подняла боевой дух до невиданных высот.

Но Гул'дан знал: Орде просто повезло. Никто в Тэлморе не верил, что защитная иллюзия не поможет, что город откроется и падет в считанные часы. Они слишком полагались на мощь зеленого камня, Гул'даном названного Тень Листвы, так надежно защищавшего от глаз огров, а затем и от орочьих. Такой легкой победы больше не случится.

Дренией поняли, что орки далеко не огры...

— Огры... — произнес Гул'дан задумчиво, постучал острокогтым пальцем по выпяченному подбородку, — огры...

— Нет и нет! — заорал Чернорук, в два прыжка подскочив к Гул'дану.

Тому потребовалось все мужество, чтоб выдержать вид зверского лица вплотную к своему, громадную тушу верховного так близко, так угрожающе, так страшно...

— Успокойся, о верховный вождь, — выдавил Гул'дан примирительно, — тише, послушай меня. Тебе ж больше всего от этого выгоды будет!

Это подействовало. Чернорук отступил, ворча и фыркая, а Гул'дан отчаянно попытался придать лицу вид усталый и равнодушный, а вовсе не дико радостный от миновавшей угрозы.

— Это ж дерьмо! — буркнул Чернорук, — Они ж всегда были врагами орков — куда дольше, чем дрениев, и поводов враждовать у них куда больше. И какая это мне польза от них?

Гул'дан похвалил себя за прозорливость, а вслух сказал:

— Слава и власть! Еще хватает тех, кто бормочет про несправедливость и нечестность твоего избрания. Но если ты сумеешь подчинить огров...

— Возможно, — сказал Чернорук. — Но разве орки на это согласятся?

Гул'дан позволил себе улыбнуться.

— Разумеется, если мы прикажем.

Чернорук запрокинул башку и захохотал, брызжа слюной.

Что за дурацкая затея!.. Придумал же Чернорук — подружиться с ограми! Когда объяснил, Оргрим отчаянно пытался разубедить. Ведь множество раз ходил убивать огров и ненавидел их куда сильнее большинства орков — ненавдя свое бегство годы назад от неуклюжей, огромной, тупоголовой твари. А Чернорук...

Но все же, несмотря на все недостатки Чернорука — а их у него хватало с избытком, — командовать он умел, и дела свои продумывал тщательно.

Если умерить возмущение и негодование, план выглядит вовсе неплохим. Так что Оргрим согласился помочь.

Труднее всего было вызнать про огрово стойбище. Клан Черной Горы захватил трех огров, и Чернорук потратил много долгих ночей, повторяя одну и ту же пригоршню слов покорооче, чтобы до обманчиво толстых неуклюжих тварей дошло: орки хотят дружить, орки не хотят убивать огров!

И теперь каждый воин, чернокнижник и лекарь собравшегося оркского войска приготовились к битве. Огры рассказали про главное стойбище и привели к нему — объемистой пещере у подножия Острогорья. Огры жили, не скрываясь: снаружи валялось изрядно мусора, множество отпечатков босых огрских ног вело в пещеру и из нее. Небольшая группка огров выбрела из пещеры прямо к оркам — считали себя в безопасности, как и дрений в Тэлморе. Несомненно, год назад они бы не ошиблись, но теперь многое изменилось. Орки больше не воевали разрозненными группками, теперь они объединились, оставив старые обиды ради новой ненависти.

Чернорук стоял впереди бок о бок с тремя захваченными ограми. За ним — сыновья вождя, Ренд и Мэйм, переговаривающиеся шепотом, изредка гогочущие. Оргрим поначалу не хотел допускать их в битву, но парни оказались сильнее и сноровистее, чем он о них думал. Отцова хитроумия им не хватало, но в кровожадности чуть его не переплюнули. Гризельду тоже натренировали как воина, но прирожденным бойцом вроде братьев она не была.

Очередной приступ хохота наконец привлек внимание Чернорука — тот глянул свирепо, и юнцы сразу замолкли.

Интересно, затеет ли Чернорук речь перед битвой? Оргрим надеялся, что нет. У верховного дела выходили куда удачнее слов, а клан и без того готов броситься в бой по одному знаку. К Оргримову облегчению, Чернорук лишь глянул на длинный строй воинов, кивнул и приказал атаковать.

Первая волна атакующих понеслась вниз по склону, дико завывая и улюлюкая. Поначалу огры так удивились сородичам, бегущим бок о бок с орками, что и драться не стали. Но потихоньку медленные огрские мозги послали владельцам сигналы: на нас напали, нас убивают! Тогда великаны принялись наконец защищаться, но по-прежнему не трогали сородичей, спокойно прошедших сквозь их ряды, чтоб поговорить с главой стражей, прячущимся где-то в пещере.

Оргрим твердо решил извлечь удовольствие из последней разрешенной охоты на огров и размахивал Молотом Рока без малого с радостью.

Оргримов волк проворно проскочил между толстенных ног великана, явившегося попусту, нелепо размахивая дубиной. Когда ребенком был, такими огромными казались! Огромными остались и сейчас — да только и Оргрим вырос, и научился владеть легендарным оружием. Одним ударом раздробил огру лодыжку, и тот заорал от боли, падая. Волк отскочил вовремя, великан грохнулся, аж земля задрожала, попытался встать, отталкиваясь здоровенными плоскими лапищами, но наскочили воины клана, и в мгновение ока огр издох, подтекая кровью из двух дюжин прорех.

Оргрим развернулся как раз вовремя — воин взлетел, подброшенный дубиной другого огра, и, уже мертвый, зарычал, приготовился напасть, но стал как вкопанный, заслышав рев: «Стой!»

Чернорук вправду умел командовать — даже в пылу битвы с древним врагом, ослепленные жаждой крови, воины остановились. Огры же и не думали останавливаться, и потому пришлось спешно отступать, пока огры разобрались в происходящем. Снова бежать от огра! Оргрим скрипнул зубами, но напомнил себе: ведь все ради успеха общего дела!

Оглянулся: огры, плененные Черноруком и подружившиеся с ним, говорили с сородичами. Верней, орали на них, изредка раздавая затрещины.

Без особого успеха, но все же огры перестали гнаться за орками и прислушались к сородичам. Один великан, больше прочих и с чем-то вроде чиновного знака в виде перевязи, имел подозрительно разумный вид — он, наверное, и был главарем этой шайки. Оргрим болтовню злобных чудищ не понимал и передышку использовал, чтоб хлебнуть воды.

— Скорей бы мы снова по ним ударили! — сказал старший сын вождя, Ренд.

— Если у нас получится, они станут драться бок о бок с нами, — заметил Оргрим, глянув на юнца искоса. — Тебе нельзя будет их убивать.

— Тем лучше. Угробим исподтишка, — Мэйм сплюнул.

Оргрим скривился — сам бы с удовольствием принял за огров, но...

— Несколько воинов уже погибли, пытаюсь претворить план вашего отца в жизнь. Ему не понравится, если вы пустите насмарку все его усилия.

— А кто ему расскажет? — Ренд хохотнул презрительно.

— Я. Если план сработает, огры нас послушают, поверят нам, а потом вдруг одного из них найдут мертвым — я назову вас первыми подозреваемыми.

Ренд глянул сердито — ну, сейчас это попросту детская обида, разве что губки не надул. Но с возрастом... У Оргрима были нехорошие предчувствия насчет детей Чернорука. Оргриму потомство вождя не нравилось еще больше, чем сам вождь, за исключением разве что Гризельды. То ли слишком много взяли от отца, то ли колдовство роста тому виной, но ощущалось в обоих мутное, черное, лживое. Когда-нибудь, если выживут и приучатся пользоваться не только переросшими мышцами, но и мозгами, щенки станут опаснее и смертоноснее папочки.

— Я ж тебе говорил, не послушает он, — пожаловался Мэйм капризно. — Старики — они забывают, как огонь битвы по жилам бежит. Поехали!

Ренд хохотнул напоследок и отправился за братцем. А Оргрим вздохнул — на носу, куда большие проблемы, чем двое зарвавшихся юнцов. Глянул снова на огрские переговоры, хотя вряд ли ограм слово «переговоры» было знакомо. Огры уже не пытались нападать, и Чернорук, обратившийся в бегство и приказавший клану следовать за ним, теперь направил волка к собравшимся великанам.

Оргрим поспешил занять место рядом с вождем и услышал, как говорит главарь огров:

— Мы гронн не любить. Гронн нас бить.

Подозвал одного огра, тот повернулся, показывая чересполосицу шрамов на спине. Жалость в Оргрime не пробудилась — огры десятилетиями учиняли с орками куда худшее. Но знать такое было бесполезно. Пленные огры уже рассказывали о побоях и теперь закивали согласно — дескать, видишь, правду говорили, огр не лгать.

— Что ваши дать, если соединимся? — спросил главарь.

Чернорук ухмыльнулся.

— Прежде всего мы-то вас бить не будем.

Оргрим подумал про Черноруковых сыновей, но промолчал.

— Мы вас накормим, дадим хорошее оружие. Хорошо хоть броню не пообещал — материалов на доспехи огру пойдет больше, чем трем оркам. А главарь сам про доспехи не додумался.

— У вас будет и крыша над головой, а главное — возможность плющить дрениев, пока не превратятся в лужу.

Прочие огры прислушивались внимательно, и один вдруг подпрыгнул и заорал радостно:

— Я — плющить! Плющить! А-а-а!

За ним прочие принялись повторять эти простые, но, должно быть, завлекательные и веселые для великанского сообщества слова. Черноруку пришлось выждать, пока воодушевление уляжется.

— Так мы договорились?

— Больше огр не бить, — прорычал главарь, кивая, и повернулся к подопечным.

В крошечных его глазках заблестели слезы, и, когда смотрел на огров с исполосованными спинами, в сердце Оргрима все-таки шевельнулась жалость. Совсем чуть-чуть.

— Как твое имя? — спросил Оргрим главаря.

— Крол.

— Хорошо, Крол, — сказал Чернорук быстро, прежде чем Оргрим вставил бы что-

нибудь. — Когда, по-твоему, мы можем напасть?

— Сейчас, — объявил Крол, и не успели Чернорук с Оргримом глазом моргнуть, как заревел на жутком огрском наречии.

Огры подпрыгнули, ударили лапами оземь, сотрясая все вокруг. Затем все разом ушли в пещеру. Чернорук глянул на Оргрима, тот пожал плечами. Наверное, легче морской прилив остановить, чем стадо простодушных глупых гигантов.

— Зови наших, — приказал Чернорук.

Оргрим поднял рог копытня, затрубил. Орочье войско загомонило радостно, вновь принялось спускаться. Времени напоминать клану о соблюдении плана уже не осталось, а осталось лишь надеяться, что о нем не забудут — в особенности чересчур ретивые Ренд с Мэймом. Еще наубиваются вдосталь, но пусть зарубят на носу, кого можно убивать, а кого нет.

Если спутают своего огра с чужим, если дадут ограм повод разрушить странный и неестественный союз давних врагов, возможно, только детвора, женщины да старцы, ожидающие вестей в стойбище, и останутся в живых от всего клана.

Но не одно это тревожило Оргрима. Конечно, клан Черной Горы всегда отличался свирепостью на охоте, и вождь его был не более чем хитроумным дикарем. Но в последнее время они стали особо злобны, и по всем кланам стала расползаться лютая, бесшабашная и неудержимая кровожадность.

А когда уже повернул волка, чтоб въехать в пещеру вместе с другими воинами, глянул на них и протер глаза, помотал головой. Это что, зрение подводит? Не иначе — ведь откуда взяться прозелени на коже живых и здоровых орков?

Глава 17

Свой дом.

Сердце существа любой расы и племени слова эти наполняют теплом. Земля предков или новые края, обжитые, ставшие родными, или даже глаза любимой — это свой дом. Нам всем он нужен, без своего дома все мы ущербны, неполны и несчастны.

Долгие годы у каждого клана был свой дом, свои священные земли, свои духи огня, воды, земли и ветра, свой дух глухомани. Затем орков лишили дома, отнимали одно за другим, все губительнее и страшнее, пока мы не прибыли в Калимдор. Здесь я нашел дом для бездомного народа, место отдыха, святыню, где мы смогли отдохнуть и выстроить жизнь заново.

Теперь дом для меня носит имя моего отца — Дуротар.

Дуротан поднял голову, приносясь к ветру — тот нес лишь мертвую пыль. Едкий запах засухи — похоже и не похоже на гарь. Когда-то Дрек'Тар умел ловить запахи куда лучше, но дни его умения прошли. Не шаман более, но чернокнижник, а им ветер не подчиняется, не приносит знание, точное, будто записанное на пергаменте.

И еще хуже то, что Дрек'Тар — вместе с прочими бывшими шаманами клана — вовсе не жалеет об утерянном.

Дожди все не приходили, и лето выдалось жарче обычного — уже второе лето подряд дождей почти не было. Дуротан встал на колени, зачерпнул землю — когда-то богатую влажную почву, темно-бурую, жирную, пахучую. Теперь же пальцы ушли в пыль, проломили сухую корку, легко превращающуюся в песок, не способную поддержать и прокормить ничего, ни травы, ни зерна.

Иссохшая земля текла сквозь пальцы.

Почувствовал: подходит Дрека, но не обернулся. Обняла сзади за талию, прижалась крепко-крепко. Затем выпустила, подошла заглянуть в лицо. Дуротан стряхнул пыль с рук.

— В общем, мы и так не сильно рассчитывали на урожай, — заметил спокойно.

Дрека посмотрела проницательными карими глазами, все понимая и ничего не говоря.

Дуротану было тяжело и больно. Во многом она лучше разбирается, она мудрее. Но вождь — он, и ей не приходится взваливать на плечи тяжесть решений. И выбирать, как пришлось ему. А теперь выбора у него больше нет.

— Конечно, мы зависели большей частью от охоты, — согласилась Дрека, — Но добыча наша живет тем, что рождает земля. Мы все взаимосвязаны. Шаманы это понимали.

Дрека замолкла — младший шаман просеменил рядом, торопясь, а вслед поспешала, прыгая, мелкая гнусная тварь. Пробегая мимо, обернулась на вождя с женой и ухмыльнулась, показав набитую острыми зубками пасть. Дрека, не сдержавшись, вздрогнула.

Дуротан вздохнул, протянул ей свиток.

— Я только что получил его. Придется готовиться к долгому переходу. Нам приказано покинуть родные земли.

— Что?

— Приказ Чернорука. Он переселился в новую Цитадель, выстроенную для него, и хочет иметь армию под рукой. Больше недостаточно собираться в армию по его слову. Мы должны все жить вместе и идти туда, куда он вздумает повести нас.

Дрека посмотрела недоверчиво, схватила свиток. Прочла, свернула, вручила мужу.

— Нам нужно подготовиться, — сказала кратко, повернулась и пошла к своему шатру.

А муж смотрел вслед, думая, отчего такая тоска, так болит сердце, будто она уходит навсегда.

Цитадель еще не достроили, но когда Дуротан ее увидел, встал как вкопанный. А рядом зашептали благоговейно: «Такая огромная! Могучая! Дстойная верховного вождя!»

Если б Дуротан посмел открыть рот, выкрикнул бы: «Богохульство! Нечистое на земле, скверна всему, дорогому нам!»

Клан Северного Волка был еще за много лиг, но Цитадель уже торчала на горизонте, будто обожравшийся стервятник. Ничто в ней не выдавало орочьего строения: мешанина построек, еще непонятнее и страннее, чем здания дренеев, — оскорбление и глазу, и духу. Конечно, крепость должна быть огромной, чтобы вместить столько отборных воинов. Но все же, такое чудовище...

Вместо плавных округлых линий, свойственных постройкам дренеев, Цитадель тыкалась в небо углами, остриями, не уживалась с местностью вокруг, а господствовала над нею, давила, угрожала. Черный камень, тес, железо — исполинский лес колючек, раздиравших небосвод.

Дуротан понимал: с такого расстояния видна лишь главная башня, но хватило и ее. Стоял как прикованный и шага не мог сделать к огромному кошмару.

Переглянулись молча с Дрекой — что, это видеть можем только мы? Прочие Северные Волки миновали вождя, уехали вперед. С неохотой он сжал ногами волчьего бока, тронулся с места.

Вблизи крепость красивее не стала: казармы, амбары, тренировочные плацы, где кучами лежало невиданное, слишком большое на вид оружие — темное, угрожающее, смертоносное. Чиновные орки из клана Черной Горы приветствовали Северных Волков холодно и отвели на плоскую площадку в западной части крепости, чтоб ставили шатры там. Уже вечерело, когда Дуротан получил приказ взять два десятка воинов и прийти на главную площадь крепости — безоружными.

Дуротан подчинился. Ждали недолго — вдали вдруг загрохотали барабаны. Что такое? Зачем запретили брать оружие? Почему не сказали, чего ожидать? Дрека глянула недоуменно, растерянно.

Барабаны все ближе, ближе, земля уже дрожит под ногами. Такое случается, когда барабаны бьют в круге у костра, но чтоб настолько далеко? Родовичи зашептались, переглядываясь озадаченно, — в чем дело?

Земля все сотрясалась, сильнее и сильнее, барабаны — все ближе. Явились два всадника из Черной Горы, радостные и гордые.

— Не страшитесь, гордые воины Орды! — вскричал один. — Могучий Чернорук привел нам новых союзников. Они уже близко — приветствуйте же их!

Теперь дрожь земли показалась знакомой — точно так она тряслась во время битвы с...

— Огры! — взвизгнул кто-то.

Да, вот они: дюжины огромных, страшных, идут к группке безоружных орков. А вокруг скачут всадники из клана Черной Горы, орут, дуют в горны, заходясь от восторга. И толпа обезумела от радости, завывая, улюлюкая, приплясывая.

Так это и есть новые союзники? Глаза мои, вы не лжете?

Пока глядел, онемев, явился наибольший огр изо всех виденных, а подле него — Чернорук, гордый и важный, не замечающий, каким жалким выглядит рядом с исполинской тушей.

— Мы раздавим дрениев! — воззвал Чернорук, и огры, будто ожидавшие клича, подхватили как один: «Дави! Дави! Дави!»

На одно дурманящее, тошное мгновение Дуротан будто вернулся в детство — когда удирал по лугу от чудовища. Моргнул, отгоняя морок, и тут же в памяти всплыло тело отца на траве — когда-то сильное, а теперь изломанное, раздробленное, истекающее кровью и жизнью, с головой, расколотой как орех одним ударом великанской дубины.

И теперь орки дерутся бок о бок со слабоумными гигантскими тварями, чтобы уничтожить разумную мирную расу?

Этот мир сошел с ума.

Велен содрогнулся. Помощник тут же поспешил с бокалом теплого успокаивающего напитка, но пророк махнул рукой — нет, не нужно. Разве найдешь сейчас утешение в напитке? Где вообще сейчас искать утешения и покоя?

Как тяжело было слышать о гибели Тэлмора и о смерти друга Ресталаана! Как неприятно было узнать, что виновен в гибели города именно тот, с кем разделил трапезу, кто отпустил на свободу.

Пророку всегда виделось нечто особенное в молодом Дуротане. Поведение вождя клана Северного Волка, захватившего Велена со спутниками, казалось, подтверждало надежды, так страшно обрушившиеся. Из орков лишь Дуротан с Оргримом видели, как зеленый камень защищает город, и кто-то сумел запомнить заклинание, управлявшее камнем. Горстка уцелевших дрениев бежала в храм Карабора. Телесные раны излечили, но нечем было исцелить их истерзанные, раздавленные ужасом души.

Рассказы беженцев свидетельствовали о куда горше, чем крушение надежд на добрую волю хотя бы одного орка, — о новом оружии, превосходящем простую сталь: луки со стрелами, мечи, топоры и молоты. Шепотом, оглядываясь, говорили о зелено-черных молниях, причинявших неистовую боль, о муках, далеко превосходивших ранее посылаемое шаманами. Говорили об уродливых лепечущих, хохочущих тварях, семенящих рядом с теми, чья магия вызывала муку и рождалась от нее.

Они рассказывали о ман'ари.

И вот здесь все встало на места с ужасающей, безжалостной точностью. Стали понятны и неразумная ярость, упорство орков, внезапный рост их знаний и умений и то, что они забросили шаманизм — веру, требовавшую поддержания равновесия между стихиями и теми, кто их вызывал.

Повелители ман'ари не стремились поддерживать равновесие и гармонию, они желали просто повелевать — именно того, чего желали Архимонд и Кил'джеден.

Да, орки попросту пешки в руках эредаров.

Именно он, Велен, и прочие изгнанники-дрение — настоящая цель. Оркская Орда, усиленная теперь чудовищно могучими тварями, — способ уничтожить дрениев, избранный Кил'джеденом. Но ведь Кил'джеден безжалостен к своим пешкам. На минуту Велен даже задумался: может, рассказать вождю Орды об эредарах? Возможно, узнав, как его использовали и обманывали, глава Орды решит встать рядом с дрениеями в войне против

Кил'джедена? Нет, тщетная мысль. Скорее всего, те, кого использует Кил'джен, знают и о настоящей цели эредаров, и об их природе, но прельщены силой и властью. Так же пали и Архимонд с Кил'дженом, а они были куда старше, сильнее и мудрее любого орка.

И вот теперь свежая новость, ошеломляющее видение: неуклюжие косолапые чудища, огры, объединились с орками! Когда-то такое могло показаться лишь кошмаром после чересчур сытного ужина. Теперь же сомневаться не приходится.

Натура орков изменилась так внезапно и странно, что они объединились с тварями, убивавшими их много столетий, против дрениев, пытавшихся почти столь же долго жить в мире и дружбе.

Если бы подобное произошло в другом мире, следовало бы попросту собраться и улететь прочь, отдавшись под защиту наару. Но теперь корабль разбит, К'ер умирает, и выход лишь в битве против Орды да в молитвах о чудесном, почти невероятном спасении хоть кого-то из дрениев.

О К'ер, старый мой друг! Как же мне не хватает твоей мудрости, и как горько видеть тебя лежащим в сердце владений врага — врага, не подозревающего о твоём существовании!

Велен прижал кристалл, называемый Песня Духа, к груди и уловил слабый, едва слышимый отклик умирающего К'ера. Пророк склонил печально голову и закрыл глаза.

Гул'дан, довольный и веселый, оглядел собравшихся. Совет Теней уже собирался несколько раз и подтвердил правильность Гул'данова выбора.

Избранные охотно соглашались — даже нет, рвались — предать свой народ в обмен на власть и силу. И добились уже многого, действуя через глупую орущую гору мышц, искренне считавшую себя причастной к планам совета. Его и верховным вождем легко было избрать, и убаюкать лестью.

Совет улыбался ему угодливо, поддакивал, и верховный, удовлетворившись похвалами, удалялся исполнять еще что-нибудь льстящее самолюбию. А совет, вздохнув свободно, приступал к настоящему обсуждению и планированию.

— Приветствую! — объявил Гул'дан, скользнув в кресло во главе стола.

Как обычно, Нер'зул сидел в углу, к столу не допущенный, но удостоенный права слышать разговоры. Так приказал Кил'джен, и хотя Гул'дан не понимал, зачем Повелитель захотел этого, приказ нарушать не посмел, более всего ценя благоволение Великого.

Совет равнодушно пробормотал приветствия, и Гул'дан перешел к делу.

— Как кланы отнеслись к принятию огров в союзники? Каргат, твое слово — первое.

Вождь клана Изувеченной Длани ухмыльнулся и сообщил:

— Да они резни только и хотят. Им все равно, кто помогает, лишь бы помогали.

Совет дружно захохотал, кивая, поддакивая, махая руками. В тусклом свете факелов глаза собравшихся казались Гул'дану оранжевыми.

Однако кое-кто скривился и хохотать не стал.

— Клан Белого Когтя недоволен, — сообщил один из кривившихся — И Дуротан, который вождь Северных Волков, хоть и взял Тэлмор, глаз за ним нужен да глаз.

Гул'дан поднял руку, призывая к вниманию.

— Не бойся — я давно за Дуротаном присматриваю.

— Так чего он еще жив? — прорычал Каргат. — Нетрудно ж заменить его кем постговорчивее да посогласнее. А то прям, все знают, что он ни с тобой не согласен, ни с Черноруком.

— Именно потому он мне нужен живым, — возразил Гул'дан, наблюдая, кто же поймет без дальнейших объяснений.

На паре лиц отразилось понимание, прочие же выглядели озадаченными и рассерженными.

— Суть как раз в том, что он известен умеренностью и взвешенностью, — пояснил Гул'дан, досадуя, что пришлось раскладывать по полочкам для большинства в Совете. — Если уж он соглашается, то и любой сомневающийся соглашается вместе с ним. По сути, он говорит за всех, кто сам боится высказаться. И эти трусы думают: если уж Дуротан согласился, то и я могу. Как говорил уже Каргат, сомневается не только клан Северного Волка.

— Но если он подойдет к черте, которую перешагнуть не сможет? Если оспорит наше решение в открытую?

Гул'дан улыбнулся холодно.

— Тогда мы позаботимся о нем наивыгоднейшим способом, не подвергаящим риску нашу власть. Как обычно.

Затем Гул'дан решил сменить тему. Наклонился, упершись руками в стол.

— К слову о сомневающих: я слышал, кое-кто еще пытается говорить с предками и вызывать стихии.

Один из членов Совета заерзал, заговорил, сперва смущенно, а после уже и дерзко:

— Я их пытался разубедить, но я ведь не могу их наказывать! Нас на войну с дрениями подняла именно вера в предков, исполнение их воли.

— Да, конечно. — Гул'дан улыбнулся одобрительно, — Это была приманка, крючок, зацепивший глубоко и потянувший.

Глянул на Нер'зула — тот встретил взгляд, но быстро отвернулся, уставился в пол. Да уж, старика подцепило как надо, а вот на самого Гул'дана вовсе не подействовало.

— Больше он не нужен, — объявил Гул'дан. — А нужно раз и навсегда порвать с прошлым. Конечно, нам везло в войне, и с ограми-союзниками успехи наши, скорее всего, будут продолжаться.

Но при первой же неудаче, первой же проигранной битве сторонников шаманизма будут слушать, а они обвинят нас в измене обычаям. Этого нельзя допустить!.. Хм, мы не просто должны поддерживать занятия чернокнижнической магией. Шаманизм следует запретить! Будет очень некстати, если кто-то сумеет вызвать предков...

Снова глянул на Нер'зула — ведь тот лишь в священной горе сумел поговорить с предками и разобраться в происходящем. До того даже столь могучего шамана, как Нер'зул, попросту водили за нос иллюзиями. Так что образ действия ясен.

Глубоко в бестелесности, в мечтах и сне обитали существа, сотканные из света. Они помнили прошлое и время от времени прозревали будущее.

Они долго жили в обители Иного, питаемые им, таким похожим на них и таким различным. Существа чувствовали: Иной медленно, медленно умирает — но до недавнего времени постепенная его гибель была спокойной и мирной, и существа, обитавшие между жизнью и небытием, наслаждались безмятежностью. Но теперь явились скверна, ненависть, злоба. Души спящих живых перестали откликаться на зов. Возлюбленные живые больше не приходили говорить, наполнить водой священное озеро и тем поддержать жизнь Иного. Пришел лишь Обманутый, рыдая и умолая, но обман и ложь слишком далеко увели его — далеко за грань помощи и спасения.

Внезапно глубокий их сон прервался, по душам пробежала дрожь. Боль пронзила существа, и они закричали, прося помощи у Иного, но тот был бессилен помочь. Он не мог помочь и себе. Черные нечистые существа, когда-то бывшие носителями прекрасного, приближались — духи предков чувствовали их страшный шаг. Приближались неотвратимо, соединяя силы, замыкая кольцо вокруг горы. Тьма плясала в душах пошедших за Саргерасом, уродливых, изувеченных, привлеченных обещаниями силы и власти, живущих надеждой уничтожить все и вся. Предки чувствовали, видели кипящую ненависть, собирающуюся сгустком зелено-черной мути, расползающейся, выбрасывающей жадные щупала, соединяющие поработанных ею. Медленно и неизбежно тьма смыкалась, окружая гору, закрывая ее наглухо, не пуская ни отчаявшегося орка взойти на нее, ни отчаявшуюся душу

выйти.

Даже Иной закричал в отчаянии, чувствуя сомкнувшуюся тьму. Без приносящих воду шаманов он не мог исцелить себя, а без Иного исчезнут и души предков.

Далеко внизу несколько орков, еще втайне считавших себя шаманами, дрожали и плакали во сне, превратившемся в кошмар нескончаемой муки, наполненный видениями близкой ужасной беды.

Глава 18

Я — из нового поколения шаманов, и я же — вождь нового и, надеюсь, лучшего, мудрейшего воплощения Орды. Я говорю с духами стихий и дикой природы, множество раз я взывал к ним, соединялся с ними — и они приходили на мой зов, но многократно и отказывали в помощи.

Однако даже в снах я никогда не видел предков — а душа моя стремится видеть их, говорить с ними. Еще совсем недавно те, кто когда-то шел по пути шамана, и не надеялись вновь ступить на него, но теперь время шаманов вернулось.

Возможно, когда-нибудь преграда между нами и духами возлюбленных предков исчезнет. Возможно.

Но боюсь, если они узнают, как далеко мы ушли от них, от их обычаев и мудрости, если увидят, что мы сделали на Дреноре и с Дренором, ведь могут отвернуться, предоставив нас нашей судьбе. Если решат поступить так, я не стану их винить.

— Не понимаю, — заявил упрямо Гун, самый младший чернокнижник клана и, как с горечью отметил Дуротан, неисправимый идеалист.

Тоже мне, защитник старины! Морщится при взгляде на призванных тварей, помогающих в битвах с дренеями, глядит с сожалением и сочувствием на корчащихся в агонии врагов.

После Гул'данова объявления о запрете шаманизма мальчишку привел к вождю Дрек'Тар.

— Чем плохо надеяться на возвращение стихий? И почему я не могу пойти к Ошу'гун?

Как Дуротану было ответить? Приказ о запрете шаманства под страхом суровой кары — а то изгнания или смерти за повторное преступление — явился будто сам по себе, без всякого повода. Конечно, бывшие шаманы отреклись от старого ремесла, когда стихии отказались приходить на зов.

Но почему запрет на разговор с предками? Почему же в то время, когда советы древних понадобились бы более всего, Гул'дан не пускает орков в самое священное для них место?

Оттого что нечего было ответить юнцу — хорошему, честному, заслуживающему ответов, — Дуротан разозлился и сказал грубо:

— Чтоб победить дрениев, наш верховный нашел особых союзников. Эти союзники дали силы, которыми ты владеешь. Тебе ведь они нравятся, правда?.. Не ври мне — я это видел.

Тонкие острокогтые пальцы Гуна разгребли иссохшую землю, нашли камень. Молодой шаман повертел его, подбросил в ладони, а вождь нахмурился, глядя на его кожу. Конечно, сухость земли, невзгоды и тревоги последних двух лет взяли свое: обычно гладкая смуглая кожа, облегающая тугие мускулы, теперь иссохла, шелушилась. Гун рассеянно поскреб лоскут кожи, тот осыпался чешуйками, и Дуротан, леденея, увидел новую кожу под ней.

Она была зеленой!

На мгновение Дуротана захлестнул животный, безоглядный ужас. Но заставил себя успокоиться, глянул снова. Да, не ошибка: новая кожа отчетливо зеленовата. Непонятно, к чему это и отчего, но странно, ново и неприятно, прямо нутром чувствуется — не к добру. А Гун, кажется, и не замечает. Ухнув от натуги, швырнул камень вдаль, проследил за ним взглядом. Если б старше был, заметил бы предупреждение в голосе вождя. А так свои

сомнения и ослепили, и оглушили.

— Да, конечно, — согласился молодой чернокнижник рассеянно, — Эти призванные твари — они хорошо дерутся. Но не в их умении драться дело. Оно же чувствуется — не так это, неправильно. Убийство, конечно, всегда убийство, и сила стихий убивает так же, как новая магия. Но со стихиями я никогда не чувствовал этого... этой неправильности. Мы начали воевать по слову предков — так почему же Гул'дан говорит теперь, что нам нельзя общаться с ними?

Все — ярость вышибла пробку, выплеснулась вовне. Дуротан заревел, вскочил, вздернул юнца на ноги. Схватил молодого за грудки и заорал, брызжа слюной в лицо:

— Это не важно, понимаешь, не важно! Я делаю, что лучше для Северных Волков, а это значит — делаю, что Гул'дан и Чернорук прикажут! Дали тебе приказ — исполняй!

Гун глядел молча, недоуменно и обиженно.

Ярость вдруг испарилась, осталось лишь сожаление. И тогда Дуротан добавил хриплым шепотом, чтоб слышал лишь молодой: «Иначе я не смогу тебя защитить».

В глазах Гуна промелькнул странный оранжевый свет, орк вздохнул и повесил голову.

— Мой вождь, я понимаю. Я не навлеку позора на наш клан.

Дуротан отпустил — Гун отступил на шаг, отряхнул одежду, поклонился и ушел. Дуротан же проводил его взглядом, мучимый сомнениями.

И Гун ощутил неправильность происходящего — но один-единственный юнец, пытающийся заговорить со стихиями, ничего не сможет поделать.

Как и один-единственный вождь.

Храм дрениев должен был стать следующей жертвой Орды. Сразу после приказа о запрещении шаманизма последовал приказ выступить к месту, у дрениев называемому храмом Карабора.

Хотя он и находился поблизости от долины Призрачной Луны, древних земель Нер'зулова клана, ни единый орк раньше его не видел. Орки уважали священные места, пусть и чужие, по крайней мере, до теперешних времен. А теперь Чернорук встал перед собравшейся орочьей армией и принялся, надсаживаясь, обличать дрениев.

— Все взятые до сих пор города — просто тренировка! — объявил Чернорук. — Скоро мы уничтожим и их столицу. Но до тех пор нужно переломить самый стержень их душ, уничтожить суть!

Мы возьмем их храм, разобьем идолов, сотрем с лица земли все дорогое им, убьем их духовных вождей! Они падут духом, ослабнут, растерянные, и тогда брать их города станет легче, чем убить слепого щенка!

Дуротан, стоявший в строю рядом с прочими верховыми, глянул на Оргрима — как почти всегда, старый друг держался рядом с Черноруком.

Оргрим научился сохранять лицо спокойным в любых обстоятельствах, но все же чувства друга от Дуротана не укрылись. Оргрим ведь тоже понимал: храм — дом Велена. Когда Дуротан с Оргримом попали в Тэлмор, Велен лишь гостил там.

Жил он, молился, медитировал, размышлял, руководил своим народом и предсказывал его будущее в храме Карабор. Если пророк окажется дома в день штурма — его попросту зарежут. Как горько и мерзко было убивать Ресталаана. Хоть помолиться бы, чтоб Велена убивать самому не пришлось, так ведь и молиться некому...

Спустя шесть часов Дуротан стоял наверху лестницы, ведущей в храм. От воню кружилась голова. Уже знакомый запах крови дрениев, смердение мочи и кала, страшная вонь предсмертного страха. А еще сладкий, липкий смрад благовоний — и мягкий, ясный аромат тростника, рассыпанного по ступеням, похрустывающего под залитыми кровью сапогами. От него почему-то делалось горше всего...

Дуротан согнулся вдвое, содрагаясь, перхая, и блевал, пока не опустошил желудок. Потом дрожащей рукой вытянул флягу, прополоскал рот, сплюнул и услышал похабный

регот. Разъяренный, обернулся и увидел двух Черноруковых щенков, Ренда с Мэймом.

— О, вот это боевой дух! — выговорил Ренд, захлебываясь со смеху, — Как раз то, чего кривоногие заслужили, — нашу блевотину и плевки!

— Да, блевотину и плевки! — эхом отозвался Мэйм, пнул труп жреца в пурпурной мантии, плюнул.

Дуротана передернуло от омерзения. Отвернулся, но вокруг то же самое: повсюду орки терзали трупы, обдирали, грабили, напяливали на себя окровавленные мантии и прохаживались насмешливо. Другие, чавкая сладкими фруктами, оставленными в жертву богам, которых орки не знали и знать не хотели, деловито набивали мешки узорчатыми прекрасными сосудами, подсвечниками, тарелками. Чернорук, счастливый очередной победой и прибавкой к славе, обнаружил выпивку и торопливо выхлебывал, брызгая и пачкая зеленым пойлом свои доспехи.

Так вот чем стали орки: мародерами, убийцами безоружных жрецов, ворами священного, осквернителями тел? О мать Кашур, я даже рад, что ты теперь недоступна для нас. Я не хотел бы, чтоб ты видела это...

— Храм они взяли, но мою добычу не нашли, — сказал Кил'джеден.

Голос Великого был по-прежнему ровным и благодушным, но хвост подергивался нервно — и Гул'даново сердце стиснуло холодным ужасом.

— Предатель Велен мог заподозрить, — прошептал орк. — Его ж не зря называют пророком.

Кил'джеден двинул огромной головой, и Гул'дана бросило в дрожь. Но Великий лишь кивнул:

— Ты прав. Если б он был слабым и глупым врагом, я б давно уже его нашел.

Гул'дан вздохнул с облегчением. Так хотелось спросить, чем заслужил Велен такую лютую и непреклонную ненависть, что же учинил сородичу — в том, что он родня Кил'джедену, сомнений не осталось. Но орку хватало ума помалкивать. Тут любопытство можно и перетерпеть — оно небезопасно.

— О Великий, раз храм их взят, все уцелевшие спрятались в столице — больше негде. Они думают, что спаслись, а попали в ловушку!

Кил'джеден хрустнул алыми пальцами, улыбнулся.

— Именно! Чернорук прочно и удобно уселся в Цитадели — так ты возьми храм себе. Но прежде чем прикажешь своим послушным недоумкам напасть на крепость дренеев, собери их здесь — у меня для них небольшой подарочек, да...

Нер'зул выжидал, пока Гул'дан закончит писать. Наблюдал из-под полуприкрытых век за бывшим учеником, пыхтевшим, пятнавшим чернилами толстые пальцы, то и дело пихавшим в рот то фрукт, то кусок мяса. Значит, особо важные письма — иначе бы позвал писца, тот куда лучше справляется.

Старый орк подумал, что не прочь был бы посмотреть на храм дренеев до того, как, по Гул'дановым словам, храм «очистили». Да уж, очистили, перебив безоружных жрецов, храбро и глупо вставших на пути. Перебили быстро, безжалостно и деловито, а потом, как Нер'зул слышал, осквернили тела. Что ж, душа еще не совсем оглохла и ослепла, раз и от таких известий мерзко и больно. Но теперь оскверненные тела жрецов давно исчезли из храма, как и священная утварь. Большую часть храма закрыли — Совету Теней много места не требовалось. Кое-какую мебель сохранили для нужд Совета, остальную либо разбили, либо убрали, заменив черными, угловатыми, утыканными шипами, зловещими на вид поделками, уже ставшими привычным атрибутом Орды. Храм Карабор переименовали в Черный храм, и теперь вместо жрецов и пророков там поселились лжецы и предатели. Нер'зул подумал с горечью: он-то уж точно первейших из них.

Наконец Гул'дан закончил. Посыпал написанное песком, откинулся на спинку, довольный. Глянул на бывшего учителя с плохо скрываемым отвращением.

— Старик, поставь адреса и вручи гонцам. Быстро!

Нер'зул чуть склонил голову — все еще не мог заставить себя поклониться бывшему

ученику.

А тот, зная, насколько старый орк удручен и подавлен, настаивать на поклоне не хотел.

Как только звук тяжелых Гул'дановых шагов стих вдалеке, Нер'зул уселся в опустевшее кресло и принялся читать. Конечно, Гул'дан ожидал, что старик прочтет письма. Старик и так знал их содержание — ведь присутствовал на всех заседаниях Совета Теней, хоть и не за столом, рядом с настоящими властителями орков, а сидя на холодном каменном полу храма. Непонятно, зачем ему позволялось все знать — должно быть, воля Кил'джедена. Иначе Гул'дан давно бы расправился со старым шаманом.

Нер'зул прочел и содрогнулся от омерзения, от бессильной ярости. Беспомощный, жалкий, опутанный по рукам и ногам старик, будто муха, увязшая в липкой сладкой смоле на коре дерева олемба. Правда, сравнение запоздало: деревья эти, дававшие сладкий вкусный сок, были вырублены для выделки оружия, а оставшиеся умирали от засухи. Старик потряс головой, отгоняя видение, и принялся сворачивать пергаменты, глядя бездумно на чистые куски и незакрытую чернильницу.

Затем явилась мысль — столь дерзкая, что перехватило дыхание.

Оглянулся быстро — конечно, он один здесь, и вряд Гул'дан вернется скоро. Все они: Гул'дан, Кил'джеден, Совет — считали его сломленным, безвредным, обеззубевшим старым волком, греющим древние кости у костра, пока вялая дрема не превратится в сон смерти. Отчасти они правы.

Но лишь отчасти.

Нер'зул уже примирился с бессилием, с лишением всякой власти, но ведь волю не отобрали.

Если б отобрали и волю, не смог бы противиться Кил'джедену. И если сам Нер'зул действовать не мог, мог найти способного действовать.

Дрожащими пальцами расправил кусок пергамента. Долго не мог успокоиться, сосредоточиться, заставить пальцы слушаться. Наконец нацарапал краткое послание, сыпнул песком, свернул и запечатал.

Да, волк обеззубел, но еще не забыл, как драться.

Снова приказ выступать... Как же Дуротану это надоело! Никаких передышек: битва, починка доспехов, скверная, скудная еда, с каждым разом все горшая, сон на голой земле, снова битва. Куда девались времена барабанов, пиров, танцев у костра? Вместо идеального треугольника священной горы на горизонте теперь черный зловещий образ горы мертвой, временами испускающей темный дым. Кое-кто говорил: внутри горы спит особое существо и когда-нибудь проснется. Чушь, наверное, но чему теперь вообще верить?

Когда гонец уехал, Дуротан развернул послание и заставил себя читать, побарывая усталость и равнодушие. Но написанное быстро их стряхнуло — дочитав, вспотел даже. Оглянулся в мгновенном ужасе — а что, если кто-нибудь догадался о содержании письма, видя, как Дуротан читает?

Но нет, орки равнодушно проходили мимо, запыленные, усталые, с шелушащейся кожей, в грязных потрепанных доспехах. Никто и не глянул в его сторону.

Дуротан поспешил к Дреке — единственному существу, с кем мог поделиться полученным. Она прочитала, глянула круглыми от удивления глазами.

— Кто еще про это знает? — спросила тихо, пытаясь казаться безучастной.

— Только ты, — столь же тихо ответил муж.

— Оргриму скажешь?

— Нет, — ответил с горечью. — Боюсь — он же связан клятвой про все рассказывать Черноруку.

— Думаешь, Чернорук знает?

Дуротан пожал плечами.

— Я не знаю, кто еще может это знать. Знаю только: я должен защитить наш клан. И защищу.

— Если весь клан откажется — ты привлечешь внимание. И рискуешь изгнанием — или смертью.

Дуротан яростно ткнул пальцем в письмо.

— Изгнание и смерть лучше ожидающего нас, если подчинимся. Нет уж — я поклялся защищать мой клан. Я не отдам его...

Замолк внезапно, осознав, что почти кричит и многие начали оборачиваться.

— Нет, я не отдам своих, не отдам.

В глазах Дреки заблестели слезы. Схватила крепко за руку, сжала, чуть не впившись ногтями.

— Вот потому, — прошептала свирепо и страстно, — я стала твоей женой. Я так тобой горжусь!

Глава 19

Я горжусь своей родословной, горжусь тем, что моими родителями были Дуротан и Дрека, тем, что Оргрим Молот Рока назвал меня другом и доверил власть над народом, который любил большие жизни.

Я горжусь мужеством родителей и так хотел бы, чтоб они могли сделать больше, чем сделали.

Но я ведь — неони. Спустя десятилетия так легко, сидя в уютном жилище, в безопасности, рассуждать о тех временах: лучше было бы поступить так-то, а не наоборот, сказать то-то, а не это.

Я не сужу никого, кроме горстки точно знавших, что делают. Знавших, что продают жизни и судьбу народа за сиюминутную выгоду, продают радостно и беззаботно.

Что касается остальных... могу лишь покачать головой и поблагодарить судьбу, избавившую меня от необходимости выбора, вставшего перед ними.

Гул'дан был так рад, что едва сдерживался. Ждал с нетерпением этого дня с того самого момента, как Кил'джеден рассказал о плане. Рвался вперед, едва не обгоняя господина, но Кил'джеден лишь ухмыльнулся и посоветовал набраться терпения.

— Гул'дан, я их видел — они еще не совсем готовы. Главное — все делать вовремя. Удар, нанесенный раньше или позже нужного времени, лишь искалечит, не убьет.

Гул'дан посчитал пример странным, но смысл понял. И вот сегодня наконец Кил'джеден посчитал орков готовыми к последнему шагу. У Черного храма расстился просторный открытый двор. Во времена дрениев двор украшал пышный сад, посреди дышал прохладой бассейн. В последние недели завоеватели пили вкусную чистую воду, не заботясь о пополнении, и теперь бассейн превратился попросту в выложенную плиткой яму. Деревья и кусты вокруг засохли с поразительной быстротой. По просьбе Кил'джедена Гул'дан и Нер'зул пришли к пустому бассейну и встали, не понимая, чего ожидать.

Стояли так долгие часы. Гул'дан размышлял: может, прогневил чем Господина и таково наказание? От этой мысли бросило в холодный пот.

Глянул украдкой на Нер'зула. Может, старика наконец решили казнить за непослушание? Эта мысль радовала. Отвлекся, воображая мучения, предстоящие Нер'зулу, и тут над головами громыхнуло. Глянул на небо: вместо звездной россыпи — сплошь чернота. Сплотнул, трепеща, пустота притянула взгляд, не отпускала.

Вдруг тьма начала сворачиваться, стала как грозовая туча, клубящаяся, пульсирующая. Закрутилась спиралью, все быстрее, быстрее. Гул'дановы волосы и одежды всколыхнул ветер, сперва несильный, но стремительно свирепеющий, переходящий в ураганный, дерущий кожу, будто наждак. Краем глаза заметил: Нер'зуловы губы шевелятся, но что старик говорит — не разобрать.

Ветер завывает, земля под ногами трясется все страшней.

Небо раскололось.

Яркая, пылающая сущность, воя, ударилась оземь перед орками — так тяжело, что Гул'дан не устоял на ногах. Ужасающе долгую минуту лежал, по-рыбы хватая ртом воздух, пока наконец замершие от ужаса легкие смогли вдохнуть. Поднялся, дрожа всем телом, и едва не свалился снова, увидев.

Существо было огромным. Ноги его, заканчивающиеся раздвоенными копытами, выворачивали глыбы из земли, кожистые крылья вздымали ветер. Грива из зеленых щупалец сбегала по шее на загривок, на спину. Зеленые глаза сияли как яростные звезды, тускло отблескивали клыки.

В чудовищной пасти они торчали ряд за рядом.

Существо заревело — и Гул'дану захотелось пасть наземь, заплакать от бессильного ужаса. Но, непонятно как, остался стоять молча перед исполинской тварью. Та подняла кулаки, погрозила, затем опустила голову, рассматривая трясущихся, перепуганных орков.

«Что это?!» — билась в мозгу Гул'дана отчаянная мысль.

Внезапно явился свирепо ухмыляющийся Кил'джеден.

— Узи же моего верного, первейшего помощника. Имя ему — Маннорот. Он отлично служил мне и отлично послужит. В других мирах его называли Разрушитель. Но здесь он станет спасителем. Гул'дан, — проворковал Кил'джеден, — ты же знаешь, что я предлагаю твоему народу...

Гул'дана вновь замутило, задрожали колени.

Даже на Нер'зула глянуть не смел, хоть чуял его взгляд спиной — ненавидящий, лютый. Да, знал — Кил'джеден предлагал невиданную силу и рабство на целую вечность. Раньше то же Кил'джеден предложил Нер'зулу — и тот отказался трусливо, не посмел, не пожелал обречь свой народ.

Народ... Гул'дана подобные глупости не волновали. Думал он лишь об обещанной Кил'джеденом награде.

— О Великий, я знаю, — подтвердил Гул'дан, поражаясь силе собственного голоса, — Я знаю и принимаю щедрый подарок повелителя.

— Великолепно, — ответил Кил'джеден, улыбаясь. — Ты мудрее своего предшественника.

Ободренный, уверенный, Гул'дан обернулся поглумиться над Нер'зулом. Старик молча смотрел на бывшего ученика. Конечно, заговорить не отважится, но все ясно и по лицу, видно отчетливо, несмотря на тусклый свет звезд.

Гул'дан растянул губы в ухмылке и повернулся назад, к Маннороту. Жуткая тварь, но теперь страх Гул'дана отступил перед жаждой власти.

Смотрел на Маннорота как на собрата по оружию — ведь оба служат одному повелителю, оба любимы и ценимы им.

— Лишь особый клинок способен исполнить мою просьбу, — пророкотал Кил'джеден, протягивая ладонь.

Кинжал казался крохотным в сравнении с нею, но в руке Гул'дана оказался отнюдь не маленьким.

— Мои слуги ковали его в огнях той горы. — Кил'джеден показал на виднеющуюся дымящую вершину. — Они старались долго и прилежно.

Маннорот, ты ведь знаешь, что делать?

Чудовище склонило огромную голову. Поддерживая равновесие хвостом, согнуло передние лапы в коленях, протянуло руку, повернутую ладонью вверх, открывая мягкую плоть запястья.

Мгновение Гул'дан колебался. А если это хитрость или проверка? А если Кил'джеден по-настоящему вовсе не хочет такого? А если не получится?

А если Нер'зул прав?

— Маннорот имеет множество полезных качеств, но вот терпение в их число не входит, — предупредил Кил'джеден.

Маннорот зарычал слегка, зеленые его глаза сверкнули.

— Как мне не терпится увидеть, что случится с твоим народом... Давай же!

Гул'дан сглотнул судорожно, занес кинжал, прицелился в мягкую плоть Манноротовой руки, ударил изо всех сил — и отлетел, отброшенный. Приподнял голову, трясаясь, моргая: что происходит?

Тварь заревела от боли. Из рассеченного запястья хлынуло ядовитое зелено-желтое пламя, выплеснулось в опустелый бассейн дрениев. Разрез казался вовсе ничтожным в сравнении с огромным Манноротовым телом, но жидкий огонь хлестал, будто выгоняемый насосом. Сквозь дурноту Гул'дан расслышал: этот слабак, Нер'зул, рыдает. А Гул'дан глаз не мог отвести от нечистой крови, льющейся, хлещущей без остановки из твари, ревущей и бьющейся в агонии. Встал на ноги, подошел осторожно к бассейну — чтоб только не коснуться жижи, извергающейся из нанесенной им раны.

— Узри же кровь Разрушителя! — объявил Кил'джеден глумливо. — Она сожжет все, мешающее слугам служить, очистит разум от сомнений и колебаний, разожжет голод, который ты сумеешь направить, куда пожелаешь. Твой карманный вождь думает, что управляет Ордой, но ошибается. Совет Теней думает, что управляет Ордой, но ошибается.

Гул'дан наконец, оторвал взгляд от озера светящейся зеленой жижи, продолжавшей хлестать из раненой руки Маннорота, глянул восхищенно на Великого.

— Гул'дан, — объявил тот. — Скоро ты будешь властвовать над Ордой! Она готова. Она жаждет приготовленного тобою.

Бывший шаман снова посмотрел на светящуюся слизь.

— Призови их. Утоли их жажду — и разожги голод.

Знакомо и привычно затрубил горн, будя до рассвета, призывая на плац. Дуротан уже не спал — он мало спал в последнее время. И он, и Дрека встали молча и оделись.

Но вдруг Дрека вдохнула резко, с присвистом.

Обернулся — смотрит, глаза округлились от ужаса.

— Что такое?

— Твоя кожа... — выговорила тихо.

Дуротан глянул на свою оголенную грудь: кожа шелушится, почешешь — спадает чешуйками, а под нею — зелень. Зеленая кожа — такую же заметил на молодом Гуне недавно.

— Это отсвечивает так, — сказал, пытаюсь успокоить и успокоиться.

Но Дрека не поверила, поскребла руку — под иссохшей старой кожей и у нее проглянула новая, зеленая. Нет, это вовсе не обман глаз, не шутка полумрака.

— Что с нами происходит? — спросила Дрека.

Дуротан не знал. Собрались в тишине, а уже выйдя во двор, все смотрел на руку, на странную зеленую кожу, проглядывавшую из-под мятых доспехов.

Известие о походе пришло вчера, когда тренировался с молодым орком из выращенных магией. Дуротан никак не мог привыкнуть к ребятишкам, еще недавно едва умевшим ходить, а теперь превращенным во взрослых и махавшим мечами и топорами с поразительной силой. Бывшие дети отнюдь не огорчались потере детства, но Дуротан едва сдерживался, чтоб не покачать головой укоризненно, заведя их.

Куда их снова собрались вести, Дуротан уже и знать не особо хотел. Все как и раньше: ярость, убийство, осквернение трупов. В последнее время даже тела своих убитых стали бросать на произвол судьбы — только забирали оружие и доспехи. Лишь иногда друг или родич склонится ненадолго над телом, да и то все реже. А ведь когда-то приносили павших домой, клали почитаемых усопших на погребальный костер, окружая уважением, отсылали дух к возлюбленным предкам. Теперь для церемоний, погребальных огней и предков времени не осталось. Мертвые не стоили времени — все оно без остатка уходило на избиение дрениев да починку оружия, чтобы снова избивать дрениев.

Дуротан стоял бездумно на плацу, ожидая приказа. Было ветрено. На пустой равнине нечему сдерживать ветер — мечущийся, треплющий полотнища клановых знамен.

Чернорук подъехал к воротам Цитадели, встал, видный отовсюду.

— Воины! — заорал верховный. — Впереди — долгий путь. Я говорил вам: соберите припасы. Надеюсь, вы послушались. Воины, держите оружие наготове! У всех броня в порядке? Бинты, мази, лекарства запасли? Мы идем воевать! Но перед тем мы пойдем к силе и славе!

Поднял руку и указал туда, где одинокая угрюмая гора, воткнувшаяся в небо, изрыгала черный дым.

— Это наша цель! Мы взойдем на гору, и ожидающие нас там запомнят на тысячи лет. Начинается время невиданной мощи орков!

Замолчал, чтобы сказанное как следует, осело в умах, и кивнул, довольный, когда по толпе пробежал восторженный шепоток.

Дуротан встрепенулся: значит, сегодня!

Никогда не ронявший лишних слов, Чернорук закончил речь криком: «Вперед!» Орда струнулась, воодушевленная, возбужденная, заинтригованная. Дуротан же переглянулся с Дрекой — та кивнула. Само собой, она «за». Двинул отяжелелые ноги, зашагал вместе со всеми в потоке Орды.

На дымящуюся гору вела крутая узкая тропа, выводящая на обширное, неестественно ровное плато — будто одним ударом меча отсеки кусок склона. От этой мысли по коже поползли мурашки — слишком уж много неестественного вокруг в последнее время. На плато лежали рядом три огромных черных бруса полированного камня — прекрасные, но зловещие на вид. Орки после долгого подъема по жаре с полной выкладкой устали донельзя. Зачем этот бессмысленный труд? К чему изнурять воинов перед битвой? А может, атака запланирована на завтра и впереди ночь отдыха?

К удивлению Дуротана, когда войско, наконец, выбралось на плато и успокоилось, обратился к нему не Чернорук, а Гул'дан.

— Недавно мы были разрозненным народом. Недавно мы собирались лишь дважды в год, и то для жалких забав: пения, пляски, игры и охоты.

Голос Гул'дана сочился презрением. А ведь веками кланы сходились на Кош'харг — не для глупостей, не для забав, а для священного, могучего, рожденного в древности. Именно Кош'харг поддерживал мир среди орков. Но, судя по тому, как отозвались нынешние орки, настоящая память о Кош'харге покинула их души. Орки заворчали, затрясли оружием — недовольные собой, пристыженные. Даже бывшие шаманы как будто застыдились прошлого.

— А теперь: посмотрите на себя! Мы стоим плечом к плечу, клан к клану, клан Громоборцев рядом с кланом Песни Войны, и все под единым руководством могучего Чернорука, избранного вами же верховным вождем! Да здравствует Чернорук!

Войско радостно заголосило. Дуротан с Дрекой молчали.

— Под его мудрым руководством, с благословением существ, пожелавших помочь нам в борьбе, мы стали сильными, гордыми, уверенными.

В ремеслах и искусствах за последние два года мы продвинулись более чем за два столетия до того.

Угроза, когда-то нависавшая над нами, почти повержена. Последнее усилие — и она рассыплется в прах навсегда! Но прежде мы должны поклясться в верности нашему делу и получить благословение в награду!

Гул'дан поднял с земли кубок, похожий на звериный рог, но непомерно огромный даже для копытня. Изогнутый, пожелтелый, исписанный зловещими рунами, светящимися в густеющих сумерках. Содержимое рога тоже светилось, и Гул'даново лицо, подсвеченное снизу желтушной зеленью, казалось жуткой маской из теней и плоти.

— Узрите же Чашу единства! — объявил Гул'дан благоговейно. — Узрите Кубок перерождения!

Я предлагаю его вождю каждого клана, а они могут передать его любому, достойному особого благословения Великого существа, осеменяющего орков своей добротой, помогающего

и заботящегося о нас. Кто же первый поклянется в верности и примет благословение?

Гул'дан чуть повернулся вправо, в сторону Чернорука. Большой орк ухмыльнулся и уже раскрыл рот, но истощный свирепый крик разорвал вечернюю тишь.

«Нет, — подумал Дуротан, — только не он...»

Но Дрека вцепилась, стиснула руку изо всех сил.

— Ты его предупредишь?

У Дуротана перехватило горло. Только и смог покачать головой — нет, не предупрежу. Когда-то считал стройного, тонкокостного, но все равно внушительного с виду орка, дерзко шагнувшего к Гул'дану, другом. Но нельзя рисковать, нельзя показывать, что понимаешь происходящее, — даже ради Грома Адского Крика.

Вождь клана Песни Войны протолкался сквозь толпу, встал перед Гул'даном. Чернорук выглядел раздосадованным и обозленным. Несомненно, и Гул'дан, и Чернорук ожидали — верховному достанется первая честь и первое благословение.

Гул'дан растянул губы в улыбке.

— Наш дорогой Гром всегда готов ловить момент, — сказал, кланясь и протягивая кубок с бурлящим зеленым снадобьем.

От жижи повеяло жаром, в ее зеленом сиянии лицо Грома, и без того жутко изукрашенное ради устрашения врагов и уважения союзников, выглядело еще страшней.

Гром не колебался. Поднял чашу, отпил, не скупясь. Дуротан замер, весь внимание: а может, письмо — ловушка, обман, задуманный ради гибели?

Что произойдет?

Гул'дан едва успел подхватить кубок, как Гром вытянулся, задрожал. Перегнулся пополам, будто в рвотном позыве, и толпа охнула тревожно.

Гром задержался, шатаясь, и прямо перед ошеломленными орками тело Грома начало меняться. Плечи, узковатые для воина, раздались, затрещала броня, едва вмещающая новые мышцы.

Медленно, медленно Гром распрямился. И без того высокий, он неимоверно раздался вширь и, могучий, огромный, посмотрел на толпу презрительно. Теперь его лицо стало гладким и повсюду, кроме татуированной дочерна нижней челюсти, зеленым.

Гром запрокинул голову и заголосил — громче и пронзительнее, чем когда-либо. Крик хлестнул, будто нож, терзая, кромсая, не оставляя живого места. Дуротан прижал к ушам ладони, согнулся, как почти все вокруг, и не мог оторвать взгляда от лица Адского Крика.

Глаза того пылали алым.

— Гром Адский Крик, вождь клана Песни Войны, как ты себя чувствуешь? — спросил Гул'дан, и голос его казался необычно тихим, почти добрым.

Гром, ошалелый от радости, острой почти до боли, едва сумел выговорить, задыхаясь, подыскивая слова:

— Я чувствую... чудесно... да, чудесно!

Замолк и вдруг заорал снова, неистово, дико, первобытно:

— Дайте мне плоть дренеев, дайте кровь! Дайте рвать, дайте брызгать их кровью на лицо. Я хочу пить их кровь, пока не захлебнусь, хочу больше, больше крови! Дайте мне крови!

Грудь так и ходит ходуном, кулаками трясет — того и гляди, на целый город кинется с голыми руками... И ведь может победить...

Гром воззвал к своему клану:

— О голоса клана! Все вперед! Я позволяю всем испытать этой радости!

Все воины клана кинулись к рогу с жидкостью, всем захотелось испытать то же, что испытал вождь. Кубок пошел по кругу, пили все. Каждый содрогнулся от страшной боли, и у каждого боль сменилась диким экстазом, неистовой радостью.

Каждый стал сильнее — и глаза засветились жутким алым огнем.

Чернорук наблюдал, мрачней. Когда последний из Песни Войны выпил, верховный схватил рог и заревел:

— Теперь я!

Глотнул вволю и замер, схватившись за шею.

Но молчал все время, пока черная магия творила свое дело. Сбросил броню, и все увидели, как вздуваются, бугрятся растущие под гладкой зеленой кожей мышцы. Когда, наконец, поднял голову, глаза пылали кроваво. Махнул сыновьям — Ренд с Мэймом, бесцеремонно распахивая прочих, пошли к отцу. За ними нерешительно двинулась и Гризельда, но Чернорук лишь рассмеялся и рявкнул: «А ты куда?» Та отшатнулась, будто от удара. Дуротан, всегда ей сочувствовавший, вздохнул с облегчением. Верховный хотел унижить единственную дочь, а взамен преподнес ей величайший подарок. Чернорук подозвал Оргрима:

— Друг, выпей со мной!

Даже сейчас, когда лучшего, старейшего друга звали выпить погубительное проклятие, Дуротан слова не мог вымолвить. Но, к счастью, и не понадобилось. Оргрим склонил голову.

— Вождь мой, я не приму эту славу и силу. Я — всего лишь второй после тебя, я не стать первым.

Какое счастье, удача, радость! Хоть Оргрим и не знал известного Дуротану, но видел происходящее с хлебнувшими зелья. Оргрим умел сложить два и два и ценил свою душу слишком дорого, чтобы разменять на силу, увечающую тело и заставляющую глаза пылать жутким огнем.

Теперь и прочие вожди кланов выстроились в очередь, торопясь получить благословение, так преобразившее двух сильнейших и наиболее уважаемых вождей. Дуротан не двинулся с места.

Дрек'Тар подошел, прошептал: «Вождь, разве вы не хотите благословения?»

— Нет! — Дуротан затряс головой. — И я не позволю пить это никому из моего клана!

— Но... Дуротан, оно ж дает силу, дает мощь! — Дрек'Тар заморгал, озадаченный, — Это же глупо — не принять такое!

Дуротан покачал головой, вспоминая письмо.

Поначалу ведь сомневался, считал ловушкой — но теперь сомнений не осталось.

— Совсем наоборот: глупо было бы принять, — сказал тихо и, когда бывший шаман было запротестовал, глянул сурово — и Дрек'Тар умолк, недовольный.

Непрошенные, неожиданные всплыли в памяти слова пророка Велена: «Мы не захотели продавать наш народ в рабство и за то были изгнаны».

Дуротан чувал: если испить из кубка, лишишься собственной воли. Гул'дан повторял дела вождей народа, теперь называющегося дрениями, — он продал свой народ в рабство. История повторяется: теперь уже Дуротан защищает доверившихся от предавших народ вождей. Возможно, клан Северного Волка вскоре станет кланом изгнанников — но это неважно. Важно то, что сделан правильный выбор.

Посмотрел вокруг: уже все вожди выпили, остался он один. Время пришло — и от ответа вождя зависит жизнь и смерть клана Северного Волка.

Гул'дан подозвал жестом и возгласил:

— О, могучий Дуротан, герой Тэлмора! Выпей же с прочими вождями! Испей вволю!

— Нет, Гул'дан, я не выпью, — ответил Дуротан, стараясь, чтобы голос оставался спокойным и ровным, а лицо — безучастным.

В неровном свете факелов заметил: веко Гул'дана дернулось.

— Отказываешься? Считаешь себя лучше прочих? Думаешь, тебе не нужно благословение?

Прочие вожди хмурились, дышали неровно, будто после долгого бега. Дуротан на подвох не поддался, ответил спокойно:

— Это мой выбор.

— Возможно, другие в твоём клане выберут иначе, — проговорил Гул'дан.

Повел рукой, будто обнимая всех Северных Волков, приглашая:

— Позволишь ли пить им?

— Нет. Я — их вождь, и я выбрал.

Гул'дан сошел с обсидианового бруса, подошел к Дуротану вплотную, прошептал на ухо: «Что ты узнал? Откуда?»

Несомненно, хотел запугать, но вместо того обнадежил. Значит, боялся Гул'дан, чуял угрозу, и расправиться с неугодным решил не убийцей в ночи, а унижением перед всеми. Тем подтвердил правдивость того таинственного послания и дал понять, что не имеет представления о его авторстве. А значит, Дуротан сможет выжить и сам, и спасти клан. Ответил столь же тихо: «Я знаю достаточно. И ты никогда не выведаешь, как я узнал».

Гул'дан отшатнулся, распылил губы фальшивой улыбкой.

— О Дуротан, сын Гарада, ты сделал важный выбор. Отказ от благословения влечет за собой определенные... последствия.

Дуротан не ответил на угрозу.

Конечно, Гул'дан не оставит непокорства, отомстит — но сегодня о его интригах можно не беспокоиться. Сегодня у него другие заботы.

Гул'дан снова шагнул на камень, закричал толпе:

— Все пожелавшие благословения могучего Кил'джедена — благословлены! Это место теперь для нас священно, здесь мы стали куда большим, чем просто орками. Здесь мы родились заново!

Эта могучая гора — трон Кил'джедена. С нее он наблюдает за нами, благословляет нас на труд, очищающий нас, делающий еще сильнее, умножающий все самое лучшее в нас!

Отступил, кивнул Черноруку. Блики пламени плясали на броне вождя, и ярче их пылали глаза.

Верховный поднял руки и закричал:

— Сегодня мы совершим великое! Сегодня мы атакуем последнюю крепость врага! Мы разорвем их, мы омоем их кровью! Мы превратим улицы их столицы в страшнейший кошмар! Кровь и небо! Победа будет за нами!

Дуротан слушал, не веря ушам. Сегодня? Ведь даже не обсудили план нападения! И речь не про деревушку, не про окраинный городок — про столицу всех дренеев, последнее убежище! Им больше некуда деваться, они будут драться, как загнанные в угол звери.

Правда, Чернорук приказал заранее построить огромные осадные машины, но куда их передвинули, непонятно. Это внезапное решение напасть — безумие чистой воды.

Глядя на спешащих, толпящихся существ с глазами как крошечные алые огоньки, понял: безумие — то самое слово. Выпившие из кубка сошли с ума.

Гром Адский Крик танцевал у огня, размахивая мускулистыми теперь руками, запрокидывая голову, и отблески плясали по его гладкой коже, когда-то смуглой, а теперь зеленой. Дуротан с омерзением и ужасом смотрел в пылающие алым глаза, так похожие на глаза призванных чернокнижниками тварей. А ведь гнусная зелень, сперва отметившая кожу чернокнижников, поползла уже и на кожу Дуротана, и на кожу той, кого он любил больше жизни. И вспомнил письмо, написанное на старом наречии, понятном лишь особо сведущим — шаманам и вождям кланов:

Тебе предложат выпить — откажись. Этот напиток — кровь изувеченных душ, и она изувечит душу любого выпившего. Поработит навсегда. Во имя всего, что когда-либо было дорого тебе, откажись!

В древнем языке изувеченные души назывались одним хлестким страшным словом. Изувеченные души — те, кого призывали чернокнижники и кем едва могли управлять. Жидкость, лившаяся в горла бывших друзей и соплеменников Дуротана, была кровью такой твари. Изувеченные души теперь были у орков, напитанных неестественной силой, неистово скачущих в свете факелов, готовых помчаться вниз по склону, готовых обрушиться на сильнейшую крепость этого мира.

Изувеченные души.

Д'эмоны на древнем наречии.
Демоны.

Глава 20

Я говорил со многими, видевшими падение Шаттрата. Но воспоминания их смутны и нечетки.

Даже изумительная память Дрек'Тара подводит: старый шаман мямлит, запинаясь. Может, вкус нечистой демонской крови затмил их разум? Они помнят лишь ярость — но не сотворенное в ярости. И даже малая горстка не пивших — Дрек'Тар среди них — нее силах вспомнить произошедшее, словно бы разум отказался вмещать столь чудовищное, заставил выбросить из памяти.

Конечно, не все дрений погибли при штурме. Я своими глазами видел жалких уцербных существ, бывших когда-то гордыми и сильными дрениями. Теперь они бродят по Лзероту, потерянные, отчаявшиеся, плачущие об утраченном доме. Они — заблудшие, потерявшиеся, достойные лишь жалости.

К сожалению, я не смог сделать рассказ о штурме Шаттрата полным и подробным. Но даже уцелевшие крохи воспоминаний, страшные и кровавые, не должны быть опущены и забыты. Соткать из них цельное полотно трудно. Но взявшемся писать хронику не привыкать к таким трудностям.

Орки мчались вниз по тропе, гонимые неистовой жаждой разрушения. Некоторых так обуяла ярость, что они на бегу били по скалам. Многие ревели, выплескивая злобу, прочие бежали молча, угрюмо, сосредоточенно, копя ярость в себе, готовясь выплеснуться в нужный момент.

Дуротан страшился существ, когда-то бывших его соплеменниками и друзьями, куда больше, чем огров с дубинами или стада талбуков — или даже разозленных атакующих дрениев. Взмок от пота, трясся от холодного ужаса, но боялся не за себя. Боялся не за дрениев — их рок был уже неизбежен и неумолим, — боялся за орков. Во время того неистового набега на Шаттрат не смел даже назвать эту толпу обезумевших чудищ Ордой.

Вдруг скальная твердь вскинулась, сотряслась под ногами, бросила всех наземь. Поднялись снова, удивленные, глянули назад: а за спинами словно взорвалась гора! Жидкий огонь выметнулся в небо, опадал широко, плескал, тек по иззубренному пику, лучился жутким демоническим сиянием — но не ядовито-зеленым, как нечистая кровь, а оранжево-желтым. Гора изрыгала все больше расплавленного камня — величественное, захватывающее, жуткое зрелище.

Орки приняли это за хорошее предзнаменование, заорали одобрительно. И, выкрикнув приветствие горе, благословившей поход, повернулись и возобновили свой бег к радостям убийств.

В миле от города, у свежерасчищенной ровной площадки задержались, оглядываясь недоуменно.

Собратся было приказано здесь, и здесь должны были ожидать осадные машины.

Вдруг перед войском орков возникло огромное существо. Орки отпрянули назад, шипя. Бессмысленно зарычали, скаля клыки, уставились на явившегося исполина — непомерного, втрое выше величайшего из огров, ярко-красного от раздвоенных копыт до извивающегося хвоста, от кончиков острых рогов до пальцев, заканчивающихся длинными острыми когтями. Размер его поражал воображение, а вот форма... Дуротан глядел недоуменно. Да это же просто гигантский дрений!

Дуротан ужаснулся: орков попросту втянули в чужую распрю, никак их не касавшуюся!

— Вам, поклявшимся мне в верности, нечего бояться! — заревел гигант, и от его голоса содрогались самые кости. — Для вас настало время радости! Я — Кил'джеден Прекрасный, помогавший вам с самого начала вашего подвига! И я с вами в грядущей, наиславнейшей

битве! Когда-то гнусные дренеи умышляли против вас, прятали целый город от ваших глаз. Но вы уничтожили тот город и прочие их города, уничтожили храм дрениев! Теперь впереди лишь последняя битва — и угроза дрениев исчезнет раз и навсегда! Зеленый камень, когда-то скрывавший Тэлмор, теперь скрывает от дрениев их рок! Кехла мен самир, солей лама каль!

Тут же иллюзия рассеялась — перед орками оказалось множество катапулт, таранов, всевозможных прочих осадных машин. Подле них стояли огры, глядевшие сосредоточенно и тупо, сжимавшие специально сделанное для них оружие.

Десятка три огров, готовых сражаться, — огромные машины рядом с ними выглядели детскими игрушками.

— Это еще не все! — объявил Кил'джеден и взмахнул рукой.

Чернокнижники дружно завопили, хватаясь за головы, потом заморгали, заулыбались.

— Сейчас в вашей памяти появились новые заклятия. Используйте же их с толком! Вперед, на дрениев!

И будто открыл врата — орки дружно ринулись на врага. Некоторые бросились к стенобитным орудиям, толкая их с невообразимой силой. За какие не взялись они — взялись огры, легко двигая тяжеленные махины. Многие орки вовсе ошалели от ярости и попросту помчались к городским стенам. Что они собрались там делать, Дуротан не представлял, но послушно направил свой клан следом.

Тяжко рокотали, скрипели осадные орудия, влекомые орками и ограми. Но не успели их подкатить и расставить по местам, как штурм уже начался. С неба обрушились огромные ядовито-зеленые камни, дырявя, разрушая, разваливая башни и бастионы, поднимавшиеся над стеной, да и сама стена кое-где начала трескаться, осыпаться.

Но главную силу штурма составили те, кто явился из этих камней: угловатые существа, с виду неуклюжие, но двигавшиеся с изумительным проворством, будто слепленные из светящегося зеленого камня. Они принялись бить в стену — и на помощь им полетели обычные камни из катапулт.

Огромные бревна таранов ударили в главные ворота, пара огров заколотила по ним дубинами, и дерево створок затрещало. Из-за стены донеслись крики ужаса и боли, лязг оружия — дрениев пытались выстоять против «бесов» (так чернокнижники называли явившихся тварей). Большинство чернокнижников уже призывали именно их, лишь немногие еще использовали прежних мелких, послушных тварюшек.

Под таким натиском город не мог выстоять долго. С чудовищным грохотом обрушился целый пролет стены, и в брешь хлынул поток обезумевших орков и ревущих огров. Дуротан же со своим кланом так и остался перед стеной, будто прикованный к месту ужасом, глядя беспомощно, как убивают и умирают бывшие соплеменники. Никогда раньше не видел он такой лютой злобы, неистовой ярости, боевого бешенства. Ни попыток управлять боем, ни маневра, ни стратегии — ничего! Орки бросались на все движущееся, слепо и глупо, сами бежали в ловушки, в мертвые тупики — и гибли во множестве. Так обычно вели себя огры. Дуротан не чувствовал жалости к павшим.

Безумцы... они не слышали ничего, кроме воя отравленной крови в своих жилах, кроме неистового рева своих плотов.

Этой ночью умрут многие десятки... да что десятки — сотни! Трупы запрудят этот город, и рассвет увидит лишь россыпь синих и зеленых тел на улицах. А до рассвета — хаос, кровь, неистовство и буйное, страшное безумие. И Дуротан, все же поведший клан в это безумие, рубил и сек изо всех сил. Пусть народ орков и ступил на черный, гибельный путь, Дуротан хотел жить и хотел, чтобы жил клан.

Кил'джеден стоял рядом с Манноротом, глядя, как обрушивались наземь зеленые метеоры.

— Копошатся, будто насекомые, — проворчал Маннорот.

— Именно. — Кил'джеден кивнул, довольный. — И наблюдать это — прекрасно. Это очень, очень хорошо.

— И что дальше?

Кил'джеден глянул на слугу удивленно.

— Дальше? Никакого «дальше», по крайней мере, здесь. Орки исполнили назначенное мною.

А твоя кровь будет пылать в них, сводить с ума и, если они не дадут выход безумию, сожжет их. Выход же один — истребить всех до последнего дрениев этого мира.

Кил'джеден наблюдал с удовольствием, как вдалеке к зеленому адскому сиянию примешалось зарево пожаров.

— Это хорошо, что твои дела здесь закончены, — сказал Маннорот. — И Архимонд говорит: ты попросту время теряешь, господину ты нужен не здесь.

— Это правда. — Кил'джеден вздохнул. — Саргерас жаждет, но так терпелив со мной. Здесь уже все завершено — но так хотелось бы увидеть своими глазами, как выпотрошат Велена. Впрочем, ладно. С меня хватит просто знать, что его выпотрошили. Пора покидать это место.

Взмахнул рукой — и исчез вместе со слугой.

— Что значит «его здесь нет»?! — провизжал Гул'дан. — Это невозможно!

— Что сказал, то и значит, — пробурчал Чернорук. — Мы город прочесали. Нет его нигде.

— Может, какой рубака поймал его, да и посек на мелкие куски? — предположил Гул'дан.

Ах, скверные новости, скверные! Приказал ведь Черноруку найти Веленово тело, принести голову. Гул'дан хотел подарить ее Кил'джедену.

— Может, — согласился Чернорук. — Скорее всего, так оно и случилось. Но если твоим словам верить, так и Веленовы куски ни с какими другими не спутаешь.

Встревоженный и перепуганный Гул'дан помотал головой, подтверждая: да уж, не спутаешь.

У обычных дрениев синяя кожа и черные волосы, у Велена же — белая кожа и белые волосы. Если хоть лоскут кожи уцелеет, опознать можно.

— Вы точно прочесали город как следует?

— Говорил уже: прочесали как надо! — ответил Чернорук, хмурясь.

Дыхание его участилось, глаза налились красным — верховный злился. Да, конечно, даже опьяневшие от крови орки едва ли пренебрегли бы розысками врага, чье тело так хотел видеть верховный. Если б пропустили, а после нашел кто-то другой, не из тех, кому назначено искать, гнев Чернорука был бы страшен. А нашедшего ждала изрядная награда.

Значит, Велен удрал — и вряд ли в одиночестве. Внезапный страх скрутил Гул'даново сердце.

Сколько же еще дрениев ускользнуло меж пальцев, и куда они подевались в этом огромном мире?

Когда-то у Велена был свой храм, заполненный жрецами, учениками и слугами, — место молитвы и размышлений. Теперь ему осталась лишь малая комнатка — роскошь, доступная немногим. Велен держал в руке фиолетовый кристалл, и слезы, непрошенные и безудержные, катились по щекам.

Велен смотрел, как умирает город. Пророк мог бы отдать свою магическую силу — немалую силу — на помощь защитникам. Но тогда бы погиб и он, и его народ. Теперь защитникам города не нужен пророк. Орки, в чьих жилах пылает кровь демонов, не успокоятся, пока не убьют последнего дрения в Дреноре, не увидят остывающего в смерти тела. Теперь они — слуги Кил'джедена и Саргераса, солдаты Пылающего Легиона. Орки многочисленны, у них — чернокнижники, с ними огры, орки заражены безумием, сильны, а в душах их поселилась ненависть, недоступная разумным существам со свободной волей. Здесь ничего не поделаешь — город неизбежно падет.

Неизбежно и падение орков. Для Орды осталась лишь одна искорка надежды — клан, отказавшийся от крови демонов, сохранивший свободную волю, не продавший себя в рабство. Всего лишь восемь десятков орков. Восемь десятков — против дюжины кланов, а большинство их куда многочисленнее. И против верховного вождя, худшего из всех. Теперь для любого дрения орки — попросту взбесившиеся звери, существа, единственная помощь которым — милостиво быстрая смерть.

Пусть орки и не понимают толком, что совершили, они заслужили смерть.

Велен хотел оставить город, позволить оркам занять опустелые дома, спасти как можно больше жизней. Но рассудительный, проницательный Ларохир, после смерти Ресталаана ставший командиром стражей, сумел переубедить пророка.

— Если они убьют слишком мало дрениев, сжигающая их жажда крови не утихнет, — сказал Ларохир тихо и страстно, но в голосе его звенела сталь, — Они снова примутся искать, выследят нас, нападут — и мы погибнем все. Орки должны поверить, что убили почти всех. И потому это должно быть правдой.

Велен посмотрел на него в ужасе.

— Ты хочешь, чтобы я послал мой народ умирать?!

— Лишь немногие помнят о первом бегстве с Аргуса, но мы этого не забудем. Никогда не забудем содеянное Кил'джеденом, не забудем судьбы нашего народа. Мы с готовностью умерли бы — и умрем, — чтобы сохранить хоть крошечную часть нашей расы свободной от скверны.

Велен опустил голову, и сердце его пылало болью.

— Если орки поверят, что перебили почти всех нас, жажда их утихнет. Кил'джеден удовлетворится и покинет этот мир.

— Орки дорого заплатят за наши жизни, — сказал Ларохир, и в голосе его прозвучало удовлетворение.

Мсть всегда скверна, но после содеянного орками Велен не смог упрекнуть командира стражей.

Сказал лишь:

— Да, заплатят. Но не прекратят отслеживать нас.

— Но пару дюжин предполагаемых выживших искать они будут вовсе не так, как несколько сотен. Нам нужно выглядеть рассеянными, малочисленными, беспомощными.

— Тебе легко говорить такое. — Велен глянул на Ларохира с ужасом. — Но ведь решать, кому жить, а кому умереть, не тебе. Я должен буду сказать: вот ты и ты и ваши семьи пойдут со мной и выживут, а вот вы останетесь ждать обезумевших от демонической крови орков, которые разорвут вас на части и вымажут лица вашей кровью.

Ларохир промолчал — а что тут скажешь?

Велен поговорил с каждым, кого посылал умирать. Обнял каждого, благословил, принял от них на сохранение то, что было им дорого. И смотрел потом, не в силах заплакать, как эти уже распростившиеся с жизнью чинили доспехи и острили мечи, как будто от этого зависело хоть что-то. И так же смотрел вслед, когда они вышли, напевая древние песни, чтобы запереть себя в городе, стать добычей мечей, секир и булав.

Велен не мог пойти с ними. От пророка, от его уникальной силы, зависело выживание оставшихся дрениев. Но в кристалле Велен видел каждое мгновение битвы, и страшная боль в то же время очищала душу. Никто из ушедших в город не умер напрасно.

Орки не знали о Зангартопи, не пронюхали тайного убежища и, пока Велен властен над ним, не пронюхают. Здесь лучшие умы дрениев продолжают поиски энергии, поиски управления стихиями, позаботятся о выживании уцелевших. Здесь они отдохнут, излечатся, восстановят силы, станут ждать, надеясь, что, наконец, обманули Кил'джедена Лживого, избегли его страшного взгляда. Орки захватили три камня, но Велен еще обладал четырьмя: Улыбкой Судьбы, Оком Бури, Щитом Наару и, конечно же, Песней Духа. И хотя связь с наару едва ощущалась — К'ер еще жил!

Слезы катились по белым щекам, падали на кристалл. Велен оплакивал потерю столь

многих жизней, но одновременно пророк дрениев чувствовал, как зародилась, колыхнулась в сердце новая надежда.

Глава 21

Тогда мы потеряли все. Мы забыли о гармонии и равновесии нашего мира — и стихии покинули нас. Демоны охраняли подходы к Ошу'гун, отрезав нас от предков. Наши тела и самые наши души осквернила, извратила нечистая кровь, жадно выпитая большинством из нас в погоне за силой и мощью. А потом, когда мы совершили все это с собой под «мудрым» руководством Гул'дана, Кил'джеден покинул нас. И тогда пришло Время Смерти.

Пусть же никто и никогда не увидит его снова!

— И что мне делать? — простонал Гул'дан, сам не веря, что подобные слова срываются с губ.

Ужас накрыл бывшего шамана, столь жуткий беспросветный ужас, что любой совет, пусть даже от преданного и презираемого существа, казался спасением.

— Ты сам сделал свой выбор, — процедил Нер'зул, глядя с презрением.

— А ты что, вовсе чистенький? — огрызнулся Гул'дан.

— Конечно, нет. Я тоже хотел власти. Но не стал предавать будущее народа, будущее мира ради нее. Где ж теперь обещанная тебе власть, а, Гул'дан? Где сила, на которую ты обменял наш народ?

Гул'дан отвернулся, дрожа. Не осталось никакой силы и власти. Нер'зул знал это, и потому его слова ранили так больно. Кил'джеден не наградил послушного слугу, не превознес, не сделал богом — попросту исчез. А после него в обезумевшем мире остались чернокнижники с демонами, опустошенная земля и шальное неистовство отравленных орков.

«Нет-нет, — подумал Гул'дан, — Остались не только обломки. Остался Совет Теней! И Чернорук, идеальная кукла, не понимающая, как и зачем ею управляют. И пока Орда, обезумевшая кровью демонов, жаждала все больше крови и разрушения, жаждала больше еды и питья, Орда слушалась. По крайней мере, пока.

Да, нужно собрать Совет в прекрасном Черном храме. Несомненно, все его члены лихорадочно ищут, как спасти ускользающую власть. Да, еще остается Совет Теней».

— Земля умерла, — сказал Дуротан старому другу, оглядывая некогда плодородные луга у подножия гор.

Пнул ком иссохшей желтой травы — под ним оказался мертвый песок и камни. Ветер, не встречавший более деревьев на пути, свистел в ушах.

Оргрим долго молчал. Смотрел на русло реки, где плавал наперегонки с Дуротаном, сухое, мертвое русло, забывшее о струившейся когда-то воде. Дренор и вправду умирал, иссыхая. Еще оставшаяся вода была грязной, отравленной телами погибших зверей, мутной и скверной. Пить ее — рисковать здоровьем и жизнью. Но ведь без питья не прожить...

Нет воды, нет и травы. Кое-где еще уцелели островки зелени, к примеру лес Тероккар. Но добычи почти не осталось, орки отощали. За последние три года от истощения и болезней умерло куда больше орков, чем в битвах с дрениеми.

— Земля умерла, — подтвердил, наконец, Оргрим, и голос его прозвучал тяжело и глухо. — Но есть кое-что и похуже... Как у Северных Волков с зерном?

Посмотрел уныло на зеленую кожу друга... Зеленая она только для Дуротана с Оргримом. Если сравнивать с кожей Чернорука или Грома, так вовсе еще смуглая, цвета бурой пыли с легкой прозеленью. Но все равно отравленная зеленью — цветом яда, принесенного колдовством чернокнижников в этот мир. Их магия убивает землю. У тех, кто выпил странное зелье, кожа была куда зеленей. Смешно и странно — земля, бывшая зеленой, делается бурой, а орки — наоборот.

— В последний раз унесли несколько бочек, — ответил Дуротан, кривясь.

— Кто напал?

— Изувеченная Длань.

Клан Северного Волка стал главной мишенью усобиц последнего времени. После взятия Шаттрата дрениев почти не встречали. Уже полгода никто не доносил хотя бы о появлении дрениев, не то, что об их убийстве. А Дуротан сделал свой клан мишенью для атаки, отказавшись пить из кубка в ночь штурма Шаттрата. Да и перед тем его нежелание биться с дрениями не прошло незамеченным. Дрени исчезли, и куда теперь изливаться орочьей ярости, распаленной демонской кровью? Многие посчитали, что в происходящем как-то виноват Дуротан. Да неважно, что дрениев, наверное, попросту истребили почти всех. Главное, что есть не такой, неправильный — он-то, наверное, всему и виной.

— Я привезу тебе зерна, — сказал Оргрим.

— Я милостыни не беру.

— Если б мой клан был в таком положении, ты б избил меня до бесчувствия и силой запихнул еду в плотку.

Дуротан рассмеялся и удивился себе: я еще могу смеяться? Оргрим усмехнулся — будто прошлое вспомнилось, будто исчезли на мгновение мертвая земля вокруг, ужасы прошедших лет, странная прозелень на коже.

Но смех прекратился — и унылое настоящее вернулось.

— Я приму — ради детей, — сказал Дуротан и отвернулся, глядя на запустение.

Земли изменились, поменялись и названия, ставшие злыми, резкими и страшными. Цитадель стали называть Цитаделью Адского Пламени, а земли вокруг — полуостровом Адского Пламени.

— Если оставить все как есть, уничтожение дрениев повлечет и гибель орков, — заметил Дуротан. — Мы уже начали ссориться. Вырывать кусок изо рта у детей, потому что земля изранена и не может нас прокормить. Демоны, скачущие вприпрыжку за чернокнижниками, способны лишь увечить и терзать, но не исцелять, не накормить страждущих.

— А кто-нибудь пытался вызывать стихии? — спросил Оргрим вполголоса.

Шаманство все еще было запрещено, но Оргрим знал: от отчаяния многие пытались вернуться к старому.

— Пытались — и все безуспешно. В ответ — мертвая тишина. Демоны охраняют Ошу'гун, и оттуда к нам надежда не придет.

— Значит, с нами покончено, — заключил Оргрим спокойно.

Глянул на Молот Рока, лежащий у ног. Интересно, пророчество о нем исполнилось? Может, Оргрим и есть последний в роду? Может, он уже принес спасение, а затем гибель, истребив дрениев? И какой справедливости теперь служить этому молоту? Ведь все вокруг умирает, и надежд на перемены нет.

«Желание выжить — сильнейшее из желаний», — думал Гул'дан, готовясь отойти ко сну.

Бывший шаман не терял надежды. Переселился в Черный храм, в специально обустроенную комнату, где разложил в порядке все, нужное для управления призванными демонами: осколки душ дрениев, особые камни для тварей побольше, снадобья для поддержания сил. Хватало и костей с черепами, и прочих символов смерти и власти.

В лампах тлели особые травы, чей пряный аромат будил видения.

Гул'дан упорно пытался вызвать их. И теперь разжег огонь в чаше, подождал, пока сухие щепки станут раскаленными углями. Напевая, швырнул на них сухие листья, стараясь не закашляться от едкого дыма. Затем улегся на кровать — может, кровать самого пророка Велена, да будет проклято его имя? — и быстро заснул.

И увидел сон. Сны не являлись с тех пор, как исчез Кил'джеден. Но это был, несомненно, провидческий, настоящий сон, пусть и пришедший в страшном и мрачном месте.

В этом сне Гул'дану предстало существо, смутно похожее на орка, в длинном плаще с

капюшоном, закрывавшем лицо. Стройное существо, тоньше оркской женщины, но Гул'дан ощутил, непонятно как, что это мужчина. От хрупкого на вид незнакомца исходила неистовая, подавляющая мощь. Гул'дан вздрогнул. Незнакомец заговорил — и голос его оказался странно благостным, хотя слова свинцом давили на душу.

— Ты в отчаянии, ты растерян и беспомощен, — сказал незнакомец.

Гул'дан, испуганный, но обуянный любопытством, кивнул согласно.

— Кил'джеден пообещал тебе силу, власть и богоподобие, пообещал невиданное в твоём мире. — Мягкие, странные слова лились из-под капюшона, успокаивая и в то же время страша.

— Он обманул меня! — возразил Гул'дан, теперь скорее разозленный, чем напуганный. — Заставил нас разрушить наш мир и бросил умирать. Если ты явился от него, то...

— Нет, — обронил незнакомец, и Гул'дан сразу умолк. — Я пришел от владыки куда большего.

Из-под капюшона блеснули глаза.

— Я пришел от его господина.

— Господина? — По Гул'дановой коже побежали мурашки.

И пал наземь, когда в разум ворвались видения: образы Кил'джедена, Архимонда и Велена, какими те были давным-давно. Гул'дан увидел преобразование эредаров в чудовищ и полубогов и почувствовал Великого, стоящего за ними.

— Саргерас! — выдохнул, ужасаясь и благоговей.

И ощутил невидимую под капюшоном улыбку незнакомца.

— Да, он — Великий, кто правит всем, кому повинемся все мы. Гул'дан, вскоре ты поймешь: разрушение, уничтожение прекрасны и чисты. Всему суждено погибнуть и распасться. Ты можешь противиться — и быть уничтоженным, либо помочь — и получить награду.

Все еще напуганный непонятным существом, встревоженный и подозрительный, Гул'дан спросил:

— А что от меня требуется?

— Твой народ умирает. Ему нечего больше разрушать в этом мире. Нечем и выживать. Твоему народу нужно место, где много еды и питья, где много достойной убийства добычи. Теперь оркам смерть врага нужна больше пищи. Так дай же им вождельной крови!

— Это кажется скорее наградой, а не заданием, — заметил Гул'дан недоверчиво.

— Это и задание, и награда, но не единственная, предлагаемая моим господином. Ты — глава Совета Теней, ты испробовал власти. Ты — величайший маг среди твоего народа, и ты знаешь, каково это ощущать. А можешь представить себя богом?

Гул'дан дрожал от вождельния и ужаса. Такое уже обещал Кил'джеден, но этот Саргерас на самом деле может выполнить обещание. Что может — Гул'дан почему-то не сомневался. Представить только: он, Гул'дан, протягивает руку — и сотрясается земля. Сжимает кулак — и навсегда замирают сердца. Из тысяч плотов рвется его имя, тысячи глаз смотрят жадно, неотрывно, благоговейно... Новые невообразимые удовольствия, новая власть... есть от чего потечь слюнкам!

— У нас общие враги, — продолжил незнакомец, — Я хочу видеть их мертвыми, ты хочешь новой добычи и новых убийств для твоего народа.

А, вот ты приоткрыл себя, чужак, сверкнул бледной кожей. Черная борода и усы, тонкогубый рот, растянутый в ухмылке...

— От союза выиграем мы оба, — заключил незнакомец.

— В самом деле, — выдохнул Гул'дан и вдруг понял — шажок за шажком он приближается к чужаку, будто притянутый неведомой силой.

Заставил себя остановиться и добавил недоверчиво:

— И это все, чего ты хочешь от меня?

— Саргерас даст тебе все это и гораздо больше. — Незнакомец вздохнул. — Но он

сейчас... пленен. Он лежит, заточенный в древней гробнице под кипящим океаном тьмы. Он жаждет свободы, жаждет вернуть былую власть и мощь, жаждет так, как твои орки жаждут крови, как ты — власти.

Так веди же орков в новый, плодородный, доверчивый мир. Дай их клинкам мягкую плоть! Победи тамошних насельников, усиль свой народ и с новой могучей силой присоединяйся ко мне ради освобождения моего господина. А его благодарность. Незнакомец ухмыльнулся снова, сверкнув белыми зубами. И вновь повеяло мощью, чудовищной силой, сдерживаемой лишь волей чужака.

— Да, его благодарность, хм... превосходит твоё воображение...

Гул'дан задумался. А пока думал, образ незнакомца заколебался, исчез. А Гул'дан охнул — он увидел роскошный луг, свежий ветер шевелил волосы, заплетенные в косы. Невиданные звери мерно жевали траву, а вдаль высились пышные, сильные деревья. Странные существа, похожие на орков, но тонкие, с розовой кожей, работали в полях, ухаживали за животными. Прекрасные земли!

Но и они исчезли, а Гул'дан оказался глубоко под водой, погружаясь все глубже, но, несмотря на глубину, он не задыхался, легкие не требовали воздуха. Течение колыхало, кружило облако планктона, сквозь него виднелись исполинские обрушенные колонны, отесанный камень со странными письменами, полустертыми временем и мягким касанием воды. Гул'дан вдруг понял: здесь лежит Саргерас, и ледяной озноб пробежал по телу. Освободить его из тюрьмы, и потом... потом...

Незнакомец предлагает выгодную сделку. Да и что угодно лучше, чем оставаться в умирающем мире, обрекая себя на медленную страшную смерть.

Да богатая, созревшая для грабежа земля сама по себе оправдывает любую сделку! А ведь сулят еще больше, гораздо больше!

Глянул на чужака жадно:

— Скажи мне, что делать!

Гул'дан проснулся распростертым на холодном каменном полу. Рядом лежал кусок пергамента, исписанный собственным Гул'дановым почерком. Пробежал быстро глазами. Портал, Азерот, люди.

Медив.

Гул'дан улыбнулся.

Глава 22

Может ли благословение быть проклятием, спасение — гибелью? Может — именно так я и вижу произошедшее с моим народом после истребления дренеев. Я теперь не сомневаюсь: подаренная магия, используемая столь беззаботно и невежественно, высосала всю силу жизни из Дренора. Килджеден хотел побыстрее увеличить число орков, чтобы войско стало сильнее, и потому состарил детей, украл детство. Народ орков разросся, стал больше, чем когда-либо, и кормить это множество ртов было нечем. Мне ясно так же, как было ясно живущим тогда на Дреноре, — если остаться, раса орков вымрет.

Но мы покинули Дренор во зле и принесли с собою зло. От него до сих пор не может оправиться наш новый мир. Я, блюдя интересы новой Орды, созданной мною, пытаюсь исправить причиненный вред, но неуверен, что эти раны хоть когда-нибудь исцелятся.

Новая жизнь для моего народа была благословением. Но пришел он к новой жизни, бредя во зле.

Члены Совета Теней нервничали, злились или пребывали в унынии — как Гул'дан после внезапного исчезновения Кил'джедена. Но теперь явилась надежда: Гул'дан, созвав Совет, объявил о словах незнакомца, назвавшего себя Медивом.

Рассказал о плодородных полях, чистой воде, о добыче: здоровых откормленных зверях

с лоснящейся шкурой. И, улыбаясь, поведал о существах, называемых люди, — достойном противнике, но обреченном неизбежно пасть перед силой Орды.

— Еда, вода, добыча — и власть для тех, кто поможет достичь их. — Гул'дан почти выпевал, прельстительно, страстно.

И ведь не ошибся ничуть: множество глаз, и красных, и еще карих, уставились на главу Совета, и читались в них надежда и жадность.

И работа пошла!

Прежде всего следовало отвлечь и занять голодающую Орду. Гул'дан понимал: еды не хватает, убивать некого, не на кого выплеснуть кипящую, неуголимую ярость — орки неизбежно начнут убивать друг друга. Потому вынудил Чернорука разослать приказ по кланам: пусть выделяют лучших воинов для публичных поединков, или бугуртов. Победитель получит еду, отобранную у проигравшего клана, получит запас чистой воды, а вдобавок — почет и славу. Обезумевшие от голода и жажды крови, орки откликнулись без колебаний. Вышло удачно — к большому облегчению Гул'дана. Медив желал сильного войска для нападения на людей — едва б оно стало таким, если б орки принялись убивать друг друга.

Зато начались неприятности с Дуротаном. Обнаглел — видно, много возомнил о себе, когда дерзил, высказался против в день штурма Шаттрата, — и остался безнаказанным. Вождь клана Северных Волков называл поединки фиглярством, унижительным для воина, звал найти путь к исцелению земли и едва ли не в открытую обвинял чернокнижников в ее запустении. По самой грани ведь ходил, а иногда и заступал за нее, далеко заступал.

И, как всегда случается, находил слушателей.

Хотя Дуротан единственный из вождей кланов не пил кровь Маннорота, многие орки рангом пониже тоже воздержались. Из них больше всего тревожил Гул'дана Оргрим Молот Рока. С ним если беда, так беда во весь рост. Оргриму всегда Чернорук не нравился, и когда-нибудь недовольство это обязательно проявится. Правда, покамест Оргрим не встал открыто на сторону Северных Волков и постоянно побеждал в состязаниях воинов.

Видения продолжались. Медив подробно обрисовал желаемое: портал между мирами, созданный, с одной стороны, Советом Теней и чернокнижниками, и с другой стороны, силами Медива. Строительство утаить невозможно, портал должен быть велик, достаточен для целой армии.

К тому же Орда ощущала себя обманутой и побежденной. Чтоб отвлечь и занять ее, к зрелищам боев на арене неплохо добавить еще и большую стройку, общее торжественное, освященное дело, увлекающее всех.

Медиву идея понравилась. В одном видении он явился большой черной птицей, уселся Гул'дану на руку. Когти его впились глубоко, и по зеленой коже заструилась черно-красная кровь, но боль показалась удовольствием. На ноге птицы был прикреплен кусок пергамента. Гул'дан снял его, развернул — и от восторга перехватило дыхание. Когда проснулся, скопировал увиденный рисунок на большой пергамент. Посмотрел, возбужденный, обрадованный, и сказал, потирая руки: «Прекрасно!»

— Не понимаю, отчего ты злишься, — сказал Оргрим однажды, когда рядом с Дуротаном сидел верхом на волке, наблюдая строительство портала.

Орки сутились повсюду: мужчины, голые по пояс, женщины, одетые лишь чуть более, истекая потом, блестящим на зеленой коже под безжалостным солнцем. Кто-то выпевал-выкрикивал ритмичные боевые песни, кто-то работал угрюмо и сосредоточенно. Дорога до плоскогорья, где строился портал, шла почти прямо от Цитадели Адского Пламени, была хорошо вымощена — машины и материалы для стройки переместили без труда. Портал состоял из четырех больших платформ, построенных в подражание зданиям дренеев. Конечно, не без своих добавок: торчали острые шпиль, зубцы и шипы, уже привычные для оркских построек. Не смешно ли — когда-то в детстве поднимался по таким ступеням, перепуганный и любознательный, а потом — уже с топором в руке, готовый убить всех встреченных. Каждую платформу завершал шпиль — два заканчивались копеечными остриями, на третьем красовалась статуя Гул'дана.

Но самым зловещим выглядело четвертое строение — основа портала, обещанного Гул'даном.

Два огромных каменных блока вздымались колоннами, на них лежал третий, соединяя, образуя примитивные ворота. Под умелыми руками резчиков из каменной глади проступали фигуры в капюшонах, а сверху — подобие извивающейся змеи.

— Разве лучше, если они от безделья явятся к тебе в стойбище и примутся убивать родичей? — спросил Оргрим.

— Конечно, нет, — подтвердил Дуротан, — Но не так все просто. Мы ведь не знаем, куда ведет этот портал.

— Куда? Ты посмотри, — Оргрим повел рукой, указывая на землю вокруг, на запустение, здесь, на полуострове Адского Пламени, горшее, чем на всем Дреноре, — Какая разница, куда портал ведет? Главное, откуда он уводит!

— Ну, в этом ты прав, — Дуротан усмехнулся.

Оргрим глянул внимательно и сурово.

— Дуротан... я раньше не спрашивал тебя... но почему ты отказался пить зелье, предложенное Гул'даном?

— А почему отказался ты?

— Ну, я почувствовал — неправильно оно, неестественно. Не понравилось мне, что оно с другими делает.

— Значит, ты оказался столь же проницателен, как я. — Дуротан пожал плечами, надеясь, что друг не станет упорствовать.

— Столь же проницателен, — повторил Оргрим задумчиво, но больше расспрашивать не стал.

Дуротан решил не раскрывать источник своего знания о демонском зелье. Зачем? Оргриму, слава предкам, хватило мудрости увидеть опасность и отказаться. А Дуротану повезло — сумел спасти клан от проклятия и гибели душ, перечил самому Гул'дану, и до сих пор возмездия не последовало. Зачем более искушать удачу Дуротану, сыну Гарада, вождю клана Северного Волка?

— Я сегодня дерусь, — сообщил Оргрим, чтоб сменить тему, — Придешь смотреть?

— Я знаю — не для славы дерешься, а ради пищи и питья для клана. Но я не хочу видеть этот... этот спектакль. Орк не должен сражаться с орком, пусть и в такой фальшивой битве.

— А ты не изменился. — Оргрим вздохнул. — Все так же боишься мне проиграть!

Дуротан глянул на друга и впервые за долгие, долгие месяцы по-настоящему тепло улыбнулся.

Наконец обещанный день настал. В ночь перед ним кольцо чернокнижников окружило портал, не позволяя нечаянным свидетелям увидеть черный ритуал, а несколько камнерезов спешно доделывали знаки на камнях. Едва закончили, улыбаясь друг другу и отирая пот со лбов, как были быстро и безжалостно убиты. Это посоветовал Медив: кровь сотворивших печать оживит ее, — а Гул'дан не сомневался в мудрости нового союзника.

Но несчастные камнерезы были не последними, чьей смертью оживился портал.

Рассвет запылял свирепыми красками — пунцовыми, алыми, оранжевыми. Даже поутру застоявшийся воздух душил. За несколько дней до готовности портала к нему подтащили осадные машины, недавно опустошившие Шаттрат.

Их отремонтировали, смазали, проверили. И все призванные к portalу наточили клинки, вычистили броню, выправили вмятины на панцирях и шлемах. Великая армия орков, уничтожившая дренеев, была снова готова к бою. Некоторые кланы следовало оставить, и Гул'дан без особых проблем уговорил вождей кланов Изувеченной Длани, Призрачной Луны, Громоборцев, Кровавой Глазницы и Веселого Черепа остаться. Куда тяжелее было с Громом Адским Криком. Когда Гром вопил яростно перед Гул'дановым носом, тот даже и подумал:

может, зря позволил ему кровь демонов выпить? Гром почти не умел себя сдерживать, а в гневе был страшен. Конечно, Гул'дан постарался наговорить любезностей, польстить: такой вот Гром незаменимый, важный здесь, на исконных землях. Но по правде-то хотел оставить лишь из-за буйности и непредсказуемости. Не хватало еще Грому вбить что-нибудь идиотское в голову и приняться оспаривать приказы. Едва ли Медиву это понравится.

Чернорук приказал всей Орде сойтись у Цитадели, и за последние несколько дней кланы, вернувшиеся на земли предков, потихоньку собирались и становились лагерем в окрестностях. Все подчинились приказу подготовиться к битве, хотя и немногие понимали, в чем дело и с кем воевать.

Войско выстроилось, клан к клану, каждый — со своими знаменами, гордо развевавшимися на ветру, в перевязях и поясах клановых цветов.

Гул'дан повернулся к бывшему своему учителю, рядом с ним наблюдавшему парад, и приказал кратко:

— Ты и твой клан — остаетесь!

— Так я и думал, — ответил Нер'зул покорно, почти робко.

Старик мало говорил в последнее время — и к лучшему. А то Гул'дан почти уже заподозрил, что после бегства Кил'джедена он попытается вернуть власть. Но Нер'зул, похоже, вовсе подавлен и удручен, и не отважится. Подумать только: у какого жалкого червя учился, кому поклонялся! Каким глупым и малым был тогда Гул'дан, а теперь вырос, обрел мудрость — даже в горечи обмана...

Хотя, все же проскальзывало иногда в Нер'зуловых глазах эдакое, сомнительное... как сейчас, к примеру. Присмотрелся — нет, вроде это блик солнечный. Фу, пустое. Повернулся снова к войску и улыбнулся, довольный. Конечно, не ради простой бойни затевалось все, не ради глупой военной славы — но глянешь, и сердце замирает! Великолепное зрелище! Знамена выются по ветру, солнце сияет на броне, лица лучатся радостью и предвкушением. Если Медив не обманул, это начало пути к истинному величию.

Забили барабаны — тяжелый, первобытный рокот покатился, прошел сквозь землю и камень, сквозь кости и плоть в самое естество Орды, и из сотен глоток вырвался разбуженный им вой. Ноги поднялись и опустились в такт ритму — Орда двинулась в поход.

Гул'дан не спешил. Когда все соберутся у портала, магия чернокнижников мгновенно перенесет туда. А пока можно полюбоваться маршем войска по мощеной дороге.

Перед порталом стоял ребенок дренеев. Где ж они нашли его? Дуротан и мельком не видел дренеев уже много месяцев, да и никто не видел. Повезло ж им отыскать, да еще и совсем молоденького.

Северные Волки стояли впереди, между кланами Громоборцев и Драконьей Пасти. Перед ними высились ворота портала, прекрасные и устрашающие, образованные двумя каменными фигурами в капюшонах, чьи глаза светились алым то ли силою магии, то ли мастерством ваятелей, а перекладиною был каменный же извивчатый исполинский змей с раззявленной пастью, усаженной острыми кривыми клыками. На лапах красовались изогнутые ящеричьи когти, вдоль длинной шеи и тела тянулся гребень. Дуротан никогда подобных тварей не видел и удивился мимоходом: как же такое чудище резчикам вообразилось? В кошмарном сне, что ли, привиделось?.. Все же, так или иначе, постройка внушительная.

Перед ней и стоял ребенок — такой маленький на фоне великолепной исполинской арки, такой тощий, покрытый синяками, связанный. Глядел равнодушно и бессмысленно на ревущее море орков, уже не понимая ничего от захлестнувшего рассудок ужаса.

— Что они собрались делать с ним? — выдохнула Дрека.

— Боюсь, в жертву приносить. — Дуротан покачал головой.

— Я видела, как убивают детей в битве, когда боевая ярость слепит глаза и мутит разум. Это чудовищно — но хотя бы объяснимо. Но неужели они убьют дитя хладнокровно, перед всеми? Не может быть!

— Надеюсь, ты права, — сказал Дуротан.

Но зачем еще привели сюда дитя дренеев? Даже если для жертвоприношения — ведь вмешаться немислимо. Нужно думать о клане... хоть бы Дрека оказалась права!

Чернокнижники запели, и, к Дуротанову изумлению, прямо перед ними возник Гул'дан! Войско зашепталося, загомонило, пораженное. Гул'дан добродушно усмехнулся, затем крикнул:

— Сегодня — день славы орков! Узрите же великолепный портал, чудо орочьего мастерства, памятник нашей силе и знанию! Сегодня я открою вам его назначение, расскажу о видении, пришедшем ко мне! Портал — это путь в далекий чужой мир, называемый Азерот! Там у нас есть союзник, предложивший нам роскошную зеленую землю, полную жирной добычи и вкусной воды. Раса существ, называемых людьми, захочет помешать нам завладеть этими землями — но мы уничтожим их!

Их темная кровь потечет по нашим клинкам! Как мы уничтожили дренеев, мы уничтожим и людей!

Войско ответило криками одобрения. Дрека покачала головой, недоумевая:

— Да неужели они не видят: если все пойдет по-прежнему, с этим новым миром случится то же самое, что и с нашим!

— Это так. Но выбора-то нет. Нам нужна еда и питье, нужно идти через портал!

Дрека вздохнула — конечно, выбора нет.

— Сейчас наш союзник трудится, стараясь открыть портал со своей стороны. И мы должны присоединиться!.. Кровь — хорошая, чистая жертва тому, кто одаряет нас и наделяет силой. Кровь же ребенка — еще лучше, чище. Кровью врага мы откроем портал, ступим в дивный новый мир — и впишем новую страницу в историю великой доблестной Орды!

Гул'дан подошел к связанному ребенку, занес украшенный драгоценностями кинжал, засверкавший под солнцем.

— Не-е-ет! — Вопль сам по себе вырвался из Дуротанова горла.

О предки, если новое дело открывается кровью невинного ребенка, разве можно ожидать хоть чего-то хорошего? Впереди — лишь гибель!

Дуротан кинулся вперед, но не сделал и трех шагов. Его схватили, повалили на твердую, иссушенную солнцем землю. Дрека испустила боевой клич, лязгнул металл — она бросилась в атаку, и в то же мгновение весь клан кинулся защищать вождя. Воцарился хаос — крики, лязг, удары, мельтешение тел. Поднялся на ноги, шатаясь, и увидел дитя распростертым. Голубая кровь брызнула из рассеченного горла.

— Гул'дан, что ты сделал с нами?! — закричал Дуротан, но голос его потерялся в реве разъяренного полчища орков.

Северные Волки взяли за оружие, защищая вождя, шум и крики заглушили все. Напавший на Дуротана ударил снова, тот отшатнулся, хватая воздух ртом, поднял секиру, защищаясь. Враг уклонился — как же проворно он движется, да из какого же он клана, и не разглядеть! Подскочил, занес оружие...

Вдруг под ногами задрожала земля, и небо разодрал пронзительный невыносимый визг. Все замерли и повернулись к portalу, забыв о битве.

Мгновение тому между колоннами врат виднелась лишь блеклая земля полуострова Адского Пламени. А теперь там завихрилась тьма, испещренная звездами, будто обезумело ночное небо.

Даже Дуротан не мог оторвать глаз от портала.

Чернота замерцала, растворилась, открыв зрелище странное и пугающее. Гул'дан говорил о прекрасной земле, изобилующей добычей, плодородными полями под голубым небом. В портале и в самом деле виднелась местность незнакомая и дивная, но вовсе не похожая на описанные Гул'даном чудеса. За порталом оказалось болото. Над озерцами застоялой воды плыл туман, колыхались тростники, раздавалось многоголосое гудение, жужжание, стрекотанье. Ну, хоть жизнь есть в этом месте, и то хорошо...

Войско загудело разочарованно. Вот на такую счастливую землю захотел их вести

Гул'дан? Да она не лучше Дренора. Тут — пустыня, там — бесконечная топь!.. Но все же — где вода, там и жизнь.

Хотя небо вовсе не голубое, а оранжевое, и повсюду болотная сырость вместо лугов и цветов — жить там все-таки можно.

Недовольный гомон усилился. Гул'дан замахал руками, стараясь успокоить, призвать к тишине, но и сам еще не мог оправиться от шока.

— Азерот столь же велик, как и наш мир! — завопил отчаянно.

— Вы же знаете, места разные бывают. И у нас и леса есть, и болота. Уверен, там точно так же! Конечно, эта земля не выглядит так заманчиво, как... как... — Гул'дан запнулся, но быстро взял себя в руки. — Но узрите же — это другой мир, другой на самом деле! Он настоящий!

— Эй, вы! — Гул'дан подозвал две дюжины вооруженных орков, стоявших ближе всех к portalу, — Вам выпала честь первыми исследовать новую землю. Вперед, во имя Орды!

Те вытянулись в струнку, слушая приказ, затем, поколебавшись немного, угрюмо и обреченно побежали в портал. За ними видение болота исчезло.

Дуротан обернулся к Гул'дану. Тот старался выглядеть спокойным и уверенным, но получалось у него не очень хорошо.

— Это разведчики, — пояснил торопливо. — Они выяснят, известия принесут.

Войско уже заволновалось снова, когда разведчики наконец вернулись — довольные, улыбающиеся во весь рот. С собой притащили туши двух больших зверей. Один — вроде длиннохвостой ящерицы с короткими лапами и огромной пастью, второй — четвероногий, мохнатый, с когтями на всех лапах, маленькими круглыми ушами и пятнами на желтой лоснящейся шкуре. По всему видно — здоровые, сильные звери.

— Смотрите, кого мы убили! — похвастался глава разведчиков. — Мясо у них вкусное! И вода там чистая. Зачем нам красивая земля? Лишь бы прокормиться можно было да прожить. Эй, Гул'дан, в Азероте можно жить!

Войско загомонило радостно, а Дуротан мимо воли уставился на убитых зверей. В желудке забурчало — два дня ведь уже не ел.

Гул'дан улыбнулся счастливо. Затем глянул на Дуротана, сощурившись. Уж это он точно так не оставит. В Дуротановом горле ошетинились иглами горький комок. Конечно, неразумно мстить прямо сейчас — Дуротан с его кланом пока нужны и Черноруку, и Гул'дану. Но когда Дуротан бросился на защиту ребенка, многие кланы встали на сторону Северных Волков — и этого Гул'дан не забудет. Несомненно, захочет казнить или изгнать.

Но — не сейчас. Пока Дуротану позволят сражаться бок о бок с братьями. А что будет завтра — увидим. Главное — и в этом Дуротан был уверен — умрет он, не запятнав своей чести.

Гул'дан посмотрел на замершее в ожидании войско, вдохнул глубоко.

— Сейчас — судьбоносный миг! Вы чувствуете это? По другую сторону портала — новая жизнь, новые враги. Ощущаете ли вы, как боевая ярость всколыхнулась в ваших жилах? Так следуйте же за Черноруком! Идите вперед и возьмите этот мир по праву вашей силы! Это ваш мир — так возьмите его!

Тысячи глоток заорали радостно, войско рванулось вперед. Даже Дуротана захватил общий азарт, ожидание нового мира, такого доступного, богатого, готового упасть в ладонь перезрелым плодом. Может, и зря тревожился, может, это и вправду начало новой жизни? Дуротан любил своих сородичей, хотел для них хорошей, здоровой жизни. И, как все орки, наслаждался боем и убийством.

Может, все обернется к лучшему?

С надеждой в сердце и секирой в руке Дуротан бежал к portalу, к земле, называемой Азерот. На бегу поднял руки и испустил клич, уже рвущийся из глотки каждого орка:

— Да здравствует Орда!

Так началась история моего народа на земле Азерота. Мы обрушились на него воплощенной смертью, бандой обезумевших от крови убийц, стремящихся лишь увечить и разрушать. Неудивительно, что люди возненавидели нас — многие ненавидят и сейчас. Но я надеюсь, когда-нибудь моя хроника попадет на глаза людям, гномам, дворфам или эльфам. Может, тогда они поймут нас чуть лучше. Поймут, что мы тоже были жертвами, тоже страдали.

Предчувствия моего отца подтвердились: вскоре после прихода в Азерот Гул'дан изгнал его. Клану Северного Волка пришлось поселиться в суровых Альтеракских горах. Белые волки, еще живущие в тех местах, — наследники прошедших вместе с моим кланом через портал и сохранившие верность клану вопреки желавшим его гибели.

Когда я родился, отец решил: настало время рассказать оркам правду о том, что с ними сделали. Прежде всего он рассказал Оргриму Молоту Рока. Тот поверил и поддержал бы отца, но Дуротан был предательски убит. Повзрослев, я стал другом Оргрима, как и мой отец, и я исполнил пророчество Молота Рока.

В честь отца и его друга земля наша называется Дуротар, а главный ее город — Оргриммар.

И я надеюсь, что...

— О мой вождь! — позвал хриплый грубый голос Эйтригга.

Тралл замер, не дописав фразы, убрал перо от пергамента, чтобы не капнуть чернилами ненароком.

— В чем дело? — спросил у старого орка, вернейшего и надежнейшего советчика.

— Новости из Альянса! Один из наших соглядатаев выведал то, что вам, как он говорит, обязательно нужно знать, и как можно скорее.

Соглядатай... уродливое слово. Хотя лучше, чем шпион. Эйтригг знал, что Тралл недолюбливает ни само слово, ни тех, кого оно обозначает.

Но как без них? Полезный народец. И Джайна Праудмур наверняка обзавелась соглядатаями в Дуротаре. Но чтоб шпион настаивал на срочности...

— Впусти его!

Эйтригг кивнул, и перед Траллом явился жалкий, костлявый, оборванный маленький человек, выглядевший недокормленным и перепуганным до мозга костей. Тралл поднялся по привычке во весь немаленький рост, как перед гостем, и лишь потом подумал, что может запугать человека до немоты. Потому спросил, стараясь, чтобы голос звучал помягче и подобнее:

— Хочешь еды или питья?

Шпион затряс головой, но все-таки выдал дрожащим голосом:

— В-воды, пожалуйста!

Верховный вождь сам налил ему воды, протянул бокал. Шпион выпил жадно, утерся рукавом.

— О, верховный вождь, спасибо! — выговорил уже спокойнее.

— Что за новости?

Человек побледнел. О предки, неужто он боится, что верховный вождь настолько жесток и глуп, чтобы убивать принесших скверные новости? Тогда ведь никто не захочет их приносить.

Тралл улыбнулся — как надеялся, ободряюще.

— Не бойся, какими бы ни были твои новости, если они помогут мне защитить мой народ, я за них благодарен.

Человек вздохнул с облегчением.

— Мой господин...

Тут он запнулся, но справился с собой и продолжил сурово:

— В Азерот пришли дрены!

Тралл переглянулся озадаченно с Эйтриггом, тот пожал плечами.

— Приятель, дрений уже много лет — не новость в Азероте. Их называют «заблудшими», «сломленными». Мы знаем про них.

— Вы не понимаете, — выговорил человечек поспешно — Не те жалкие создания — но настоящие дрений! Явился корабль со звезд! Он рухнул наземь, будто гора из ада, две ночи тому!

А, так вот чем была та странная светящаяся звезда, летящая к земле! Ее видели все. Так это не метеор и не обиталище бесов, летящее сквозь небо. Корабль...

— Праудмур согласилась помочь им! Главный среди них — белокожий, властный с виду и могущественный, хоть телом и не слишком крепкий.

Его зовут Велен.

Тралл смотрел молча, ошеломленный. Дрений и пророк Велен — здесь?

Опустился в кресло, пытаясь собраться с мыслями. Как же так, худший из врагов орочьего народа явился на Азерот, и его принял Альянс, принял с распростертыми объятиями. Как же теперь возможен мир между Альянсом и Ордой?

— Предки, спасите нас! — прошептал Тралл.